

Галина ✿ Куликова

ВЕЧНАЯ
ЗОПУШКА, ИЛИ
КРАСИВЫМ ЖИТЬ
НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Женька Ярославская — сирота. Живет у дяди и работает в его фирме секретаршей за еду и кров. Жизнь у Женьки — полная безнадега... И тут вдруг появляется свет в конце туннеля — пропал ее брат и начальник Ян Ярославский, и если Женька его найдет, то отхватит крупную награду! Поиски брата приводят секретаршу и ее приятеля Веньку Паптева в салон видеопроката. Но после беседы о Яне владеец проката покончил с собой. И Женя решает разбиться в пепелку, но узнать, что за тайные дела творятся в этом странном местечке...

Галина Михайловна Куликова
Вечная Золушка, или Красивым
жить не запретишь. Свадьба
с риском для жизни, или
Невеста из коробки (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8386797

*Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь ; Свадьба с риском
для жизни, или Невеста из коробки : романы / Галина Куликова: Эксмо;*

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-75335-2

Аннотация

Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь

Говорят, не родись красивой, а родись счастливой... У Женьки Ярославской нет ни того, ни другого. Она сирота. Живет у дяди и работает в его же фирме секретаршей за еду и кров. Кругом бродят стада красивых мужчин, но никто не обращает на нее внимания. В общем, жизнь у Женьки – полная безнадега... И тут вдруг появился свет в конце туннеля – пропал ее брат и начальник Ян Ярославский, и если Женька его найдет, то отхватит награду, двадцать тысяч зеленых! Поиски брата приводят секретаршу и ее приятеля Веньку Лаптева в салон видеопроката. Но и здесь

друзьям крупно не везет – после беседы о Яне владелец проката покончил с собой. И Женя решает разбиться в лепешку, но узнать, что за тайные дела творятся в этом странном местечке...

Свадьба с риском для жизни, или Невеста из коробки

Несчастья Милы начались, когда она явилась в редакцию журнала, где работал ее друг детства Алик. Он вдруг в припадке страсти вытащил ее на балкон и поцеловал. В этот миг Мила увидела мужика в черных колготках на морде. Он дважды выстрелил в нее, но промазал. Алик ничего не заметил – ведь пистолет был с глушителем! Вернувшись домой, в подъезде Мила познакомилась с Константином Глубоковым, назвавшимся частным сыщиком. Дед братьев Глубоковых изобрел наркотик-«невидимку», продал кому-то его состав, и тут деда хватил удар. Клиент оставил ему телефон для контактов, по нему братья вышли на Милу и сняли квартиру прямо над ней. Братья в курсе всех событий в ее жизни, но, как и она, не понимают, чем и кому она мешает? Мила с упорством маньяка начинает расследование и... приходит к выводу, что все мужики – поганки...

Содержание

Вечная Золушка, или Красивым жить не
запретишь

7

Конец ознакомительного фрагмента.

246

Галина Куликова
Вечная Золушка, или
Красивым жить не
запретишь. Свадьба
с риском для жизни,
или Невеста из
коробки (сборник)

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь

Женя присела на корточки и прижала ухо к замочной скважине, чтобы удобнее было подслушивать. В конце концов, речь шла о ней.

– А что ваша племянница? – спросил один из представителей закона, которые наводнили дом после исчезновения Яна. – В ней вы абсолютно уверены?

Проворно приложив к замочной скважине глаз вместо уха, Женя увидела, как ее дядя, попавший точно в фокус, нахмурил благородный лоб.

– Племянница выполняла при вашем сыне секретарские обязанности. То есть была в курсе многих важных дел.

– Что это вы хотите сказать?

– Только то, что в подлунном мире для молодых людей существует масса соблазнов...

– Бог мой, вы же ее видели! – раздраженно отозвался дядя. – Моя племянница похожа на серую мышь. И соблазны ей абсолютно чужды. Она никогда не просила у меня денег ни на платья, ни на развлечения.

– Может быть, ей неловко было просить? – живо откликнулся невидимый Жене человек в штатском. – Она ведь живет у вас на правах бедной родственницы, как я понимаю?

Женя засопела на полу, изо всех сил сдерживая нахлынувшие на нее чувства.

Георгий Николаевич Ярославский, мощный, властный человек, обладатель великолепной седой шевелюры и рокошущего баса, на несколько секунд даже растерялся. Впрочем, тотчас же взял себя в руки и щелкнул пальцами в воздухе.

– Костя, ты проверял мою племянницу? – не поворачивая головы, спросил он. И сам же ответил: – Конечно, проверял. Будь с ней что-нибудь не так, я бы этого не потерпел.

Костя Карпенко, на которого было возложено обеспечение безопасности как самого дяди, так и его прибыльного и потому опасного бизнеса, тут же возник за его плечом, словно дух, повинующийся зову хозяина.

– Я здесь, Георгий Николаевич. На мой взгляд, Евгения – вообще уникальный случай.

– Без комментариев, пожалуйста, – недовольно проворчал Ярославский.

Карпенко тотчас же убрал с лица все эмоции и сдержанно сообщил:

– Евгения Ярославская после трагической смерти родителей проживала в интернате.

– Я забрал ее, когда она получила аттестат, – пояснил дядя.

– Сейчас ей двадцать три года, – продолжал Карпенко, – она окончила курсы секретарей-референтов. Еще курсы английского языка – самые лучшие. После чего стала помогать

двоюродному брату.

– Помогать? – уточнил представитель правопорядка. – Если я правильно понял, в ведомостях фирмы она не числится и зарплату не получает.

– Мы взяли ее в семейный бизнес, – раздраженно отозвался Ярославский. – У нее есть крыша над головой, она сыта и одета.

– Но своих денег у нее нет? – не отставал противный чин.

– Кажется, Ян давал ей что-то на карманные расходы, – проворчал Ярославский. – А как же иначе? Не могла же она жить вообще без наличных?

Женя скрипнула зубами и, часто задышав, встала перед дверью на коленки. Карманные расходы! Несмотря на то что Ян был неплохим человеком, такая простая вещь даже не приходила ему в голову. Карманные расходы появлялись у нее только тогда, когда ей удавалось подработать мытьем полов в соседней «Оптике».

– Может быть, она попала в затруднительную ситуацию и ей срочно потребовались наличные?

Ах, умен, умен и опытен этот милиционер!

– Какая затруднительная ситуация! – отмахнулся Ярославский. – В затруднительные ситуации попадают деловые люди. Или, по крайней мере, такие, которые встречаются и общаются с другими людьми.

– У Евгении есть друг. Он тоже интернатовский, – подал голос Карпенко. – Лаптев Вениамин.

Ярославский фыркнул, выражая презрение к Жениному выбору друзей.

– Мелочь, – махнул он рукой. – Компьютерная обслуга. Работает в какой-то не заслуживающей внимания фирмочке.

– Зарабатывает копейки, – подтвердил Карпенко. – Большую часть суток обитает в виртуальной реальности. Мало ему работы, так он и излишки зарплаты тратит на Интернет-карты.

– Может быть, они вдвоем попали в э... интересное положение?

– Ненавижу сексуальную распущенность, – сказал дядя брезгливо. – Я бы этого не потерпел.

– Тут и говорить не о чем, – живо подхватил Карпенко. – У Евгении и ее приятеля чисто платонические отношения. Проверял.

– Хм, – сказал чин. – А подруги?

– Нет у нее подруг, – тут же ответил всезнающий Карпенко.

– Ну... так не бывает... – протянул тот. – Девушка обязательно захочет посплетничать с другими существами в юбках.

– О чем? – пожал плечами дядя. – Евгения всегда очень занята на работе.

– А может, это бунт? – В голосе чина Жене послышалась издевка. – Она похитила Яна или сдала его похитителям в знак протеста против той стерильной жизни, которую вы ей

тут устроили.

Женя усилием воли разжала стиснутые зубы, боясь, что еще немного – и они начнут ломаться и сыпаться на пол.

– Она что, вам жаловалась на жизнь? – с недоверием в голосе спросил Ярославский. – Женя? Жаловалась?

– Да нет, – вздохнул представитель закона. – Увы. Она держалась с достоинством. Хотя я и старался вывести ее из себя.

– Может, она дружна с нашей экономкой? – высказал предположение Ярославский.

Карпенко нервно сглотнул, а чин закашлялся. Вероятно, он уже познакомился с вышеозначенной дамой. Ирма Гавриловна Пыгова, в незапамятные времена получившая кличку Гестаповка, проживала вместе с семейством Ярославских вот уже семнадцать лет, с момента смерти жены Георгия Николаевича. Экономка являлась самой настоящей гадиной и третировала людей, которые обслуживали большой дом хозяев. Это была длинная, тощая и необычайно некрасивая особь женского пола.

Именно в тот момент, когда о ней зашла речь, экономка возникла в холле, застав племянницу хозяина за весьма постыдным занятием.

– Евгения, – заявила она ледяным голосом, подкравшись поближе, чтобы стопроцентно ее испугать, – ваша поза угрожает шву на брюках. Немедленно встаньте, иначе Георгию Николаевичу придется тратиться на новый наряд для вас.

Женя поспешно поднялась на ноги, надеясь, что ее щеки не покрылись предательским малиновым румянцем. Впрочем, лицо уже горело, словно его растерли снегом. В поросычких глазках экономки появилось удовлетворение. Она стояла перед Женей словно живой укор. Выщипанные ниточками брови чрезвычайно гармонировали с длинными тонкими губами. Невысокая и стеснительная Женя чувствовала себя рядом с ней нашкодившим щенком. Если речь пойдет о том, кто дороже дяде – она или экономка, – выбор будет не в ее пользу.

– Я... Я уронила невидимку, – натужно соврала Женя, двумя руками ощупывая тонкие волосы, уныло висящие по обеим сторонам лица.

– Понимаю, – сказала экономка, поиграв ноздрями. Их трепетание обычно служило знаком устрашения. По крайней мере, садовник при виде шевелящихся ноздрей Ирмы Гавриловны на некоторое время впадал в кому.

Больше всего Женя ненавидела экономку за то, что та без спросу входила в ее комнату когда ей вздумается. Чаще всего в самый неподходящий момент. Ян и дядя хотя бы стучались. Впрочем, искать Женю им приходилось редко – она всегда была под рукой, как старые тапочки.

– Интересно, почему вас не пригласили в библиотеку? – задала риторический вопрос экономка. – Если я не ошибаюсь, вы считаете себя членом семьи? Не забудьте сказать дяде, что вас весьма и весьма интересуют обстоятельства ис-

чезновения его сына. Возможно, тогда вам не придется принимать провокационные позы в холле особняка, куда каждую минуту могут зайти приличные люди.

Закончив свою тираду, экономка развернулась и с достоинством понесла свой тощий зад на кухню, где ей, конечно, было бы самое место, если бы она умела готовить. Женя надеялась, что Пыгова удовлетворится мелкой мстостью и не наступит дяде, что племянница подслушивала. Еще совсем недавно Женя, конечно, вообще не опустилась бы до такого. Однако за последние дни в ее жизни кое-что изменилось.

Сказать по правде, рыльце у Жени было в пушку, и ничто не могло ее утешить. Только что дядя подтвердил то, о чем она и сама догадывалась. Стоит себя чем-нибудь запятнать, и ее выгонят вон. И если она сама не выстоит в этой жизни, ее, конечно, затопчут. А так, при родственниках, можно набраться секретарского опыта, опереться. Ведь не с ее внешностью рассчитывать на быструю карьеру. Даже будь она красавицей, моральные принципы не позволили бы ей избрать порочный путь наверх. Впрочем, будь она красавицей, у нее наверняка сформировались бы иные моральные принципы. Да и родственники не считали бы ее безликой серой мышью.

Женя скрылась в своей комнате, рухнула на кровать и вцепилась двумя руками в волосы – жест абсолютного и полного отчаяния. Кажется, она влипла основательно. Самое ужасное, что она не знала, имеют ли отношение ее неприятности к исчезновению двоюродного брата.

Последний раз Яна Ярославского видели в понедельник. Вечером он уехал из офиса, но до дома так и не добрался. Ян занимал должность вице-президента на фирме отца. Однако предположение, что исчезновение сына связано с бизнесом, Ярославский-старший решительно отверг. Как секретарша, Женья в общих чертах тоже владела ситуацией и была совершенно согласна с дядей. Единственное, что могло привлечь внимание милиции, – это готовящееся подписание контракта на поставки оборудования и сырья для дядиной фирмы. За право подписать его боролись два поставщика. Возможно, Ян был похищен кем-нибудь из них? Может быть, умыкнув Яна, они надеются оказать давление на дядю? Однако никаких угроз до сих пор не поступало. Требований выкупа тоже. Ян как будто испарился. Вместе с ним испарился и его автомобиль, за руль которого он уселся, выйдя из офиса. Женья видела это в окно.

С отцом у Яны сложились весьма близкие отношения. Кроме того, он отличался повышенным чувством ответственности. Поэтому уже во вторник все в доме и на фирме Ярославского были поставлены на уши. По мнению дяди, милиция отнеслась к заявлению об исчезновении его сына возмутительно. Разборки между бизнесменами там не любили. Впрочем, у дяди были некие связи, и теперь официальные лица проявляли повышенную активность. Всех домочадцев допрашивали часами. У Жени на ногах остались глубокие лунки от ногтей – во время допроса она так боя-

лась чем-нибудь выдать себя, что изо всех сил вцепилась в собственные коленки.

Больше всего милицию интересовало, не подслушивала ли Женя разговоры своего шефа. Хотя бы телефонные. Это здорово бы облегчило им задачу. Жене казалось, что она отвечает сдержанно и корректно. И глаза у нее при этом не бегают.

– В последнее время с вами не происходило ничего экстраординарного? – спросил ее следователь со скучающим выражением на лице.

– Нет, – соврала Женя честным голосом. – Ничего.

Кажется, впервые в жизни она врала так откровенно. И кому! Однако мысль о том, что ее тайна станет известна дяде и еще целой куче посторонних мужчин, приводила Женю в ужас. Никогда в жизни она столько не потела. Ее обливало жаром с ног до головы, и в такие моменты она понимала, что вруном можно быть только по призванию.

Случилось это незадолго до исчезновения Яна. После обеда в офис позвонил ее интернатовский приятель Веня Лаптев, чтобы похвалиться созданным накануне убойным вирусом. Хотя изобретение сие не имело никакого прикладного значения, Веня явно тащился от того, насколько изящной получилась у него новая компьютерная зараза. Лаптеву было плевать на то, сколь хорошо разбирается Женя в предмете. Обычно она охотно разделяла его радость и очень внимательно слушала. Впрочем, надо отдать Вене должное, он

тоже безропотно вникал во все проблемы Жениной жизни. Правда, проблемы эти до сих пор были пустяковыми.

В дешевом кафе, где была назначена встреча, Женя просидела три с половиной часа. Лаптев так и не пришел – очевидно, наткнулся на новый сайт и слетел с катушек. Ожидая его, Женя выпила несчетное количество чашечек кофе, так что, когда ей предложили еще одну, желудок в знак протеста подпрыгнул до самого горла. Впрочем, когда она подняла голову и увидела, кто предлагает ей угоститься, тут же подпрыгнуло неизбалованное Женино сердце.

Перед ней стоял молодой человек, сошедший с рекламного плаката. Все в нем было приятным и законченным: синие глаза, белые зубы, прямой пробор и спортивная фигура идеальных пропорций. В общем – абсолютная мечта. Ямочка на подбородке как бы подводила итог этой гармонии.

– Можно угостить вас чашечкой кофе? – спросило совершенство.

По паспорту совершенство называлось Иваном Пятушкиным, в миру же носило кличку Позер. Его подельник Игорь Болейко по кличке Пончик никогда не появлялся возле жертвы на первом этапе операции – мордой не вышел. Жертвой, естественно, в тот день была Женя.

Конечно, друзья выбрали ее не просто так. Она представляла для них интерес именно как племянница Георгия Николаевича Ярославского. Надо заметить, что аферисты до сих пор не попались только благодаря объединившей их черте

характера – оба были не жадными. Обычно они действовали по одному и тому же сценарию: выбирали из окружения богатенького бизнесмена подростка или беспомощную женщину, компрометировали их, а затем шантажировали. Поскольку суммы для выкупа компромата запрашивались вполне поильные, до сих пор все сходило им с рук.

Компромат на Женю оказалось сострять проще простого. Позер кое-что подмешал ей в кофе, и Женя выболтала ему, что дядя больше всего на свете ценит моральные принципы и примерное поведение. А она всецело зависит от дяди. Через час осоловевшую Женю друзья привезли к себе на квартиру, где она после пары рюмок спиртного изобразила стриптиз, после чего выпала в осадок, оставив на руках предприимчивых друзей видеокассету с записью собственных безумств.

Кассету на следующее утро посыльный доставил прямо в офис фирмы Ярославского и торжественно вручил еще не пришедшей в себя Жене. Когда Ян ушел на обед, она бросилась к видеомагнитофону, затолкала в него «подарочек» и увидела себя голой, выплясывающей жигу на чужой кухне на фоне электрического чайника фирмы «Филипс» и фаянсового сервиза в крупный горох. После часа, который она провела, уставившись в одну точку на стене, Женя наконец очухалась.

Сказавшись больной, она покинула рабочее место и позвонила из автомата по указанному телефону. Пончик раз-

говаривал с ней сочувственно и за оригинал видеозаписи потребовал две тысячи долларов. Возможно, для какой-нибудь другой племянницы бизнесмена ранга Ярославского эта сумма оказалась бы пустяковой. Но Женя, живущая в доме дяди на правах Золушки, пришла в неопиcуемый ужас.

Две тысячи долларов! С таким же успехом шантажисты могли потребовать у нее два миллиона. Она понимала, что у нее нет шансов убедить негодяев в абсурдности выдвинутых требований. Тысяча рублей – это все, чем обладала Женя на сегодняшний день. «Разве они не видят, как я выгляжу? – подумала она. – Или считают, что это мой стиль?»

Впрочем, ее двоюродный брат, в приемной которого она сидела, вероятно, думал именно так. Что простенькая чистенькая одежонка, в которой Женя походила на мальчика, есть ее осознанный выбор. Отбирай братец секретаршу среди десятков претенденток, Женин имидж наверняка отвернул бы его. Но поскольку она попала к нему в приемную исключительно благодаря родственным отношениям, Ян вообще не обращал внимания на ее внешний вид. Женя была для него еще одним предметом обстановки, без которого в офисе просто не обойтись. Работала она старательно, даже усердно, не допускала серьезных ошибок и вела себя тише воды ниже травы.

Позер и Пончик проявили невероятное великодушие, определив ей довольно большой срок, чтобы найти деньги. Но теперь Женя уже считала дни, вместе с которыми из ее

жизни утекало относительное благополучие. Придется или выметаться из дома в буквальном смысле слова на улицу, или признаться во всем дяде. Впрочем, узнав о ее позоре, он разгневается и все равно выкинет ее. Уж лучше уйти самой. Так думала Женя, прикидывая, что будет делать, оказавшись без работы и жилья.

И тут пропал Ян. Женя не могла поверить, что подпоившие ее шантажисты имеют отношение к похищению. Однако ее точил червячок сомнения. Кто знает, как связаны эти события? В открытую рассказать о своих неприятностях она все же не решалась, не тот характер. Поэтому она мучилась молча, ожидая самого худшего. И вдруг совершенно неожиданно у нее появился шанс не только заплатить за ужасную кассету со стриптизом, но и вообще начать новую жизнь.

Дело в том, что дядя пообещал награду в двадцать тысяч долларов тому, кто укажет местонахождение его сына. Эту информацию он донес и до домочадцев, собрав в холле всех, кто имел отношение к дому и хозяйству. Говоря о вознаграждении, он почему-то особо пристально смотрел на Ирму Гавриловну. Возможно, дядя был осведомлен о ее гестаповских методах общения с себе подобными и надеялся, что за двадцать тысяч она пытками выколотит из наиболее подозрительных личностей какие-нибудь сведения.

Женя тоже присутствовала при этом объявлении и сделала вывод, что если именно она отыщет Яна, то станет обладательницей огромной суммы. Дядя еще никогда никого не

обманывал, по крайней мере, прилюдно.

Сказать по правде, она смутно представляла себе способы, с помощью которых станет вести расследование. И получится ли у нее? Однако, как известно, человек, загнанный в угол, способен горы свернуть. Женя же чувствовала этот самый угол каждой косточкой своего позвоночника.

Для начала, решила она, необходимо осмотреть комнату кузена. Экономка уже рыскала по дому в надежде вынюхать что-нибудь особенное. Наверняка она обшарила апартаменты Яна от пола до потолка. Впрочем, одной хитрости для поиска пропавшего явно недостаточно. Тут нужны еще и мозги. Женя полагала, что у Ирмы Гавриловны они хоть и наличествуют, но в предельно скупом количестве. Она готова была биться об заклад, что Пыгова искала в кабинете Яна вырванные с мясом волосы, капли крови на плитке или же пачки денег, спрятанные в тайнике под подоконником.

Милиция, кажется, тоже не утомила себя подробным осмотром комнаты – ведь она не была местом преступления. Поэтому у Жени оставался шанс обнаружить нечто действительно заслуживающее внимания. Если она выйдет на дело ночью, кто-нибудь ее обязательно засечет – ночью любой звук слышен отчетливо. Идеальным моментом заняться обыском был вечер. По вечерам экономка смотрела бразильские сериалы и накручивала скудную растительность у себя на голове на мелкие бигуди. В таком виде она не показывалась на людях. В светлое же время суток курсировала по до-

му и прилегающим угольям, словно боевой корабль, охраняющий морские границы родины.

* * *

Телепрограмма сообщала, что вечерний показ одного из наиболее известных сериалов уже начался. Как бы невзначай пройдя мимо комнаты экономки, Женя слышала сладкоголосое пение, сопровождающее титры. Так и есть – путь свободен. Отправляясь на дело, Женя сняла тапочки и осталась в носках, что позволяло ей двигаться почти бесшумно. Она поспешно дошла до конца коридора и нырнула в комнату Яна. К счастью, кроме входной двери, на ключ в доме запиралась только библиотека.

На улице было еще светло, что намного упрощало дело. Не нужен был фонарик или светомаскировка. Войдя в комнату, Женя внимательно огляделась по сторонам, невольно отметив изысканность обстановки. Одна ваза на стеллаже стоила того, чтобы быть выставленной на всеобщее обозрение. Перво-наперво следовало обыскать письменный стол Яна. Усевшись в хозяйское кресло, Женя выдвинула верхний ящик стола и принялась за дело. Она вытаскивала по очереди каждую вещь и внимательно ее разглядывала. Ящиков оказалось восемь, и все были битком набиты всякой всячиной.

«А, собственно, что я ищу? – подумала вспотевшая Же-

ня, заканчивая безрезультатное обследование самого многообещающего предмета обстановки. – Тут нужно думать, а не разгребать руками завалы скрепок и счетов». В детстве любимой Жениной книгой был сборник приключений инспектора Варнике, где по картинкам нужно было разгадать преступление, проявив элементарную внимательность. Нарисованному художником инспектору Варнике это всегда удавалось.

Сложив руки на коленях, Женя перестала суетиться и принялась внимательно осматривать комнату. Конечно, если бы она знала, почему исчез Ян, она могла бы догадаться, где нужно искать, но тогда загадка не была бы такой сложной. Кстати, эта ваза на стеллаже. Она стоит в довольно странном месте – на верхней полке. Конечно, в нее вряд ли наливают воду, чтобы поставить букет. Но, с другой стороны, любоваться ею на такой высоте довольно затруднительно. Возможно, Ян загнал ее почти под потолок только для того, чтобы случайно не столкнуть на пол? А что, если там тайник?

К счастью, кресло было на колесиках, и Женя без особых проблем подтащила его к стеллажу. Через минуту ваза была уже у нее в руках. Заглянув внутрь, она увидела что-то на дне. Засунув туда руку, Женя извлекла на свет божий моментальный снимок, сделанный «Полароидом». На фотографии был запечатлен Ян Ярославский с разгневанным лицом. Он держал за грудки маленького лохматого человечка, прижимая его спиной к какому-то забору. Было непонятно, где

происходит действие драмы. Но Женя не стала особо углубляться в разглядывание снимка, отложив это на потом. Она поспешно поставила вазу на место и слезла на пол. Так, уже кое-что.

Вторая ее находка тоже лежала на стеллаже, причем совершенно открыто. Это была пара видеокассет в пластмассовых коробках с надписью «Прокатный экземпляр». Судя по обложкам, внутри находились два голливудских фильма – боевик и мелодрама. «Вот это интересно», – возбужденно подумала Женя, присоединив кассеты к обнаруженной в вазе фотографии. Дело в том, что Ян никогда в жизни не смотрел фильмы на видео. Как это ни странно, в доме вообще не было видеомэгнитофона. Правда, видеомэгнитофон стоял в офисе у Яна, но и то скорее для проформы. Женя решила, что над этой находкой тоже стоит поломать голову.

Внезапно ей почудилось, что в коридоре кто-то ходит. Замерев от испуга, она прокралась к двери и, приоткрыв ее, высунула нос в щелку. В обозримом пространстве никого не было, зато она увидела, что дверь в ее собственную комнату слегка приоткрыта! Этому могло быть только одно объяснение. Противная Пыгова выбралась из своего логова и начала обходить дом, не забыв заглянуть в Женину спальню. В это время та, как правило, переодевалась после душа, и экономке доставляло особое удовольствие застать Женю полуодетой и насладиться ее нечеловеческим смущением. При этом экономка изо дня в день виртуозно изобретала предло-

ги для своего внезапного вторжения, так что Жене недоставало храбрости поднять на нее голос.

Честно говоря, у нее вообще мало на что хватало храбрости. В интернате она тоже никогда не воевала за место под солнцем, поэтому ежедневно навлекала на свою голову массу неприятностей. Прижав к груди свои находки, Женя пулей пронеслась по коридору и закрылась в спальне. Экономка сейчас наверняка бродит по первому этажу и пытается понять, куда она подевалась. Женя откинула покрывало и спрятала видеокассеты и фотографию под подушку. Потом быстро привела постель в порядок и сложила руки на коленях. Фу, кажется, обошлось.

Уже наступила ночь, а она все не ложилась спать, пытаюсь определить важность находок, сделанных в комнате Яна. Во-первых, фотография. Женя рассмотрела мельчайшие подробности, но не обнаружила ничего, что помогло бы отыскать то место, где она была сделана, или того человека, с которым ссорился Ян. Однако отмахиваться от фото не стоило. Ведь кто-то заснял ссору. И, вероятно, сделал это не просто так. Иначе кузен вряд ли запрятал бы снимок в вазу. Конечно, это не сейф, но все-таки с глаз долой. Что, если те двое шантажистов, которые ждут от нее денег, покушались и на Яна? Возможно, фотография – их рук дело? Ведь неизвестно, из-за чего ссорились кузен и этот маленький человечек с растрепанными волосами. Надо будет подумать, кому показать фотографию. Самое лучшее, конечно, показать

ее дяде. Но он запросто может отобрать у нее снимок и отдать Карпенко. А Карпенко его, скорее всего, проигнорирует. Нет, лучше она прибережет его для себя.

Теперь на очереди были видеокассеты, взятые напрокат. Их наличие в комнате кузена просто противоречило здравому смыслу. Конечно, она сейчас может сделать из мухи слона и напридумывать невесть что. Потому что фильмы могли оказаться у Яна совершенно случайно. Например, кто-нибудь оставил их у него в машине или предложил посмотреть, и Ян не стал отказываться и объяснять, что вообще не считает кино развлечением. Или еще того лучше: он познакомился с хорошенькой девушкой, выдающей фильмы напрокат, и не смог удержаться, чтобы не пофлиртовать с ней. Мужчины в этом отношении полные кретины! Однако было бы все же нелишним выяснить истинное происхождение подозрительных кассет. Жаль, на них нет опознавательных знаков видеопроката.

Закрыв глаза, Женя восстановила в памяти комнату кузена. Все ли она осмотрела внимательно? Кажется, все. Ой, нет, а большая коробка на столе? Она просто про нее забыла. Может быть, именно в этой коробке спрятана путеводная ниточка? То, что Ян хотел скрыть от посторонних глаз? По принципу – на видном месте искать не станут? Ян всегда шутил говорил, что любой сейф можно взломать, поэтому он не хранит в нем ничего стоящего, кроме наличных. Интересно, что, по его мнению, в этой жизни стоящее?

Женя подобрала подол ночной рубашки и выбралась из комнаты в коридор. Там было темно и жутко, никаких отблесков и теней – ни зги не видно. Сколько Женя ни стояла в надежде, что глаза начнут различать очертания предметов, ничего не менялось. Тогда она двинулась вперед, вытянув руки перед собой, чтобы достойно встретить любое препятствие. В конце коридора будто что-то блеснуло. Женя сделала еще несколько неуверенных шагов и поняла, что дверь в комнату Яна распахнута настежь и лунный свет, проникающий через окна, жидкими сероватыми лужами растекается по полу. Достаточно было только обойти дверь, чтобы сразу же прозреть.

Источник тихого постукивания, на которое Женя обратила внимание еще в коридоре, сразу же стал ясен: Ирма Гавриловна, одетая в кружевную пижаму, с маниакальным упорством простукивала стены в комнате Яна при помощи деревянной толкушки, очевидно, припасенной ею с вечера. Женя просто как в воду смотрела!

Пришлось возвращаться назад и выжидать, пока азарт экономки сойдет на нет. Только в три ночи Жене удалось завладеть коробкой и распотрошить ее в своей комнате при свете ночника. В ней оказались всего лишь писчие принадлежности – чистая бумага с тисненым узором и две стопки конвертов. Разочарованная Женя прошлась подушечками пальцев по корешкам первой стопки и тут же насторожилась. Один конверт в самом низу был толстеньким – в нем

явно что-то лежало. Женя выхватила его из общей кучи и повертела в руках.

Конверт оказался заклеен и надписан рукой Яна: «С огромной благодарностью, И. С.» Внутри прощупывалось содержимое, однако рассмотреть на свет, что оно собой представляет, никак не удавалось. Взять ножницы и просто надрезать конверт Женя так и не решилась. Ей пришла в голову идея подержать его над паром, чтобы потом привести в первоначальный вид и положить на место. Конечно, разумнее было бы дождаться утра, но Женю грызло нетерпение. Наплевав на свои страхи, она вышла из комнаты и опять же на ощупь спустилась на кухню. Здесь пришлось включить верхний свет, потому что тусклых лампочек для ночных гостей никто не развешивал.

Для операции вскрытия чайник не подходил – он был электрическим и выключался сразу же, как только закипал. Поэтому Женя зажгла газ и поставила на него воду в маленькой кастрюльке. Как только заветные белые клубы пара начали витать над посудиною, она услышала зловещий стук шлепанцев, который неумолимо приближался. Едва успев спрятать конверт за спину, Женя оказалась лицом к лицу с экономкой. Игривая пижама висела на Ирме Гавриловне вялыми складками и делала ее похожей на прихворнувшую бабочку. Лицо было вымазано ядовито-зеленым кремом из морских водорослей, от него отвратительно несло мокрыми кошками.

– Что вы здесь делаете, Евгения? – обличающим тоном спросила экономка, не потрудившись понизить голос. Слова прокатились по кухне как грохочущие металлические шары, напугав струхнувшую Женю еще сильнее.

– Я... – проямлила она, – я... проголодалась.

– И что? – ледяным тоном переспросила Гестаповка. – По этому поводу весь дом должен стоять на ушах?

– Я проголодалась так сильно, что не смогла заснуть, – жалобно проговорила Женя.

– А что у вас в руках? Что вы там прячете?

– Это... Это не ваше дело, Ирма Гавриловна.

Отважившись на подобную отповедь, Женя тут же почувствовала, что ее сердце скачет, словно наездник, оседлавший норовистого бычка.

– Зачем вам кастрюля в такое время? – продолжала допрос Гестаповка.

– Кастрюля мне нужна для приготовления пищи, – тихо сказала Женя. – Для чего же еще?

– Мало ли, – фыркнула Пыгова. – Может быть, вы намеревались кипятить в ней шприц, чтобы ввести в свою вену дозу героина. Немедленно покажите, что там у вас за спиной!

Однако Женя при всей своей трусости не собиралась выполнять это требование. Кипящая кастрюлька и конверт в руках мгновенно выдали бы ее истинные намерения. Поэтому она отступила к холодильнику.

Ирма Гавриловна поджала и без того тонкие губы и, по-

драгивая кружевами, двинулась на Женю. Почувствовав, что ее вот-вот схватят, та прибегла к последнему средству спасения, которое всегда использовала в интернате в критических ситуациях: она крепко зажмурилась и, хорошенько вдохнув, завизжала изо всех сил.

Запаса воздуха в легких хватило минуты на полторы. Женя издавала уже последний писк, когда с порога раздался громовой голос дяди:

– Что, черт возьми, тут происходит?

Дядя был в халате и замшевых тапочках, с растрепанной шевелюрой и гневным лицом.

– Кто кричал? – спросил он.

– Это Ирма Гавриловна, – не моргнув глазом соврала Женя, часто дыша.

– Ирма? – Дядя посмотрел на экономку и, разглядев, в каком она виде, вздрогнул.

Гестаповка открывала и закрывала рот, словно издыхающая на воздухе килька. Кажется, она была потрясена не меньше Ярославского. Поняв, что ничего путного от нее сейчас не добиться, дядя снова повернулся к Жене.

– Что с ней случилось? – спросил он.

– Она кричала от возмущения, – скорбно сказала та. – Понимаешь ли, дядя Георгий, я сегодня здорово понервничала и почти не ужинала. А ночью почувствовала, что мой организм просит пищи. В животе так ужасно бурчало... Я решила спуститься на кухню и сварить себе яйцо. – Женя кивнула

на сходящую с ума кастрюльку.

– Ну? – спросил Ярославский, морща лоб в тщетной попытке разобраться что к чему.

– Ну вот, когда я собралась опустить яйцо в кипящую воду, пришла Ирма Гавриловна и, поняв, что я решила поесть в неположенное время, страшно расстроилась.

– Хочешь сказать, она визжала на весь дом только потому, что ты нарушила распорядок?

– По-моему, да. А может, ей жалко было яйца. Как бы то ни было, перед тем как вы пришли, она пыталась вырвать его у меня из рук.

Экономка издала горлом некое рокотание. Вероятно, ее прошиб пот, потому что крем потек по щекам, весело пузырясь.

– Никогда больше, Ирма, не проявляйте такого рвения на работе, – сказал раздосадованный донельзя Ярославский. – И распорядитесь, чтобы на ночь моей племяннице приносили фрукты и кефир.

Он подошел к плите и выключил газ под кастрюлькой.

– Поешь и ложись спать, – сказал он Жене. – Мы все сейчас взвинчены, поэтому будь, пожалуйста, терпимее со слушающими, Ирма!

Ярославский указал экономке на дверь, и та прошмыгнула мимо него, так и не сказав ни слова. Втайне Женя надеялась, что та навсегда онемела от возмущения. Перед дядей Пыгова испытывала настоящий трепет, поэтому сегодняш-

нее ночное представление его племяннице, по всей вероятности, никогда не простит.

Оставшись на кухне в гордом одиночестве, Женя дрожащими руками завершила начатое, привела все в порядок и отправилась к себе. Только здесь ей стало по-настоящему плохо. Открытая схватка с Пыговой была для нее равносильна революционному мятежу. Кое-как успокоившись, она подумала, что теперь, когда экономке приказано приносить ей кефир и фрукты, той не нужно будет придумывать предлога, чтобы врываться в ее комнату в любое время дня и ночи.

Наверное, если бы не начатое расследование, она еще долго перебирала бы в уме подробности происшедшего и тряслась от нервного возбуждения. Однако сейчас у нее нашлось занятие поинтереснее. Конверт был вскрыт и его содержимое вытряхнуто на одеяло. Внутри обнаружилось ни много ни мало пятьсот долларов и записка: «Моей дорогой девочке на чулочки». Столь трогательная фраза была нацарапана на визитке некоего заведения под названием «Канкан». Судя по всему, это ресторан с варьете, поскольку внизу был напечатан телефон и фраза: «Заказ столиков». В левом же верхнем углу визитки красовалось изображение пары пляшущих женских ножек, выглядывающих из-под пены кружев.

Женя задумчиво поскребла ногтем переносицу. «Дорогая девочка» явно была не той длинноносой особой, которая официально числилась невестой Яна. Кроме того, у Яна не было необходимости выделять невесте деньги на чулочки,

потому что она являлась дочерью друзей Ярославского, которые считались людьми чертовски состоятельными.

Невесту Яна звали Светой Шмелевой. Это была некрасивая манерная девица, которую родители задумали выдать замуж еще лет десять назад. Однако подходящей партии все не случалось, и тут подсуетился старший Ярославский. То ли ему хотелось внуков, то ли этот брак служил каким-то его деловым интересам, но, как бы то ни было, он был запланирован и одобрен обеими сторонами. Женя несколько раз видела эту самую Свету Шмелеву, поэтому ничуть не удивилась наличию у Яна «его дорогой девочки».

Пожалуй, стоит эту девочку отыскать. Поглядеть на нее и поговорить по душам. У Жени была одна особенность, которую она до сих пор еще не оценила по достоинству, – распознавать ложь с самых первых слов. Если девица, с которой путался Ян, что-нибудь знает, Женя наверняка об этом догадается. Однако в этом деле возникало сразу две проблемы. Чтобы разыскать неведомую «дорогую девочку», надо было пойти в «Канкан» и порасспрашивать людей. Попасть внутрь можно только в качестве посетительницы. А для этого нужны деньги. Скопленной Женей тысячи рублей, пожалуй, может и не хватить на вечер в ресторане. Вдруг там не подают только кофе?

Жене, естественно, пришла в голову мысль позаимствовать те самые деньги, которые она нашла в конверте. Ведь если Ян жив и находится в плену, прикованный наручника-

ми к батарее, каждую минуту ожидая смерти, он наверняка будет не против того, чтобы двоюродная сестра потратила немного денег для его освобождения. С другой стороны, взяв эти деньги, Женя лишалась повода поговорить с «дорогой девочкой». Что она ей скажет, явившись из ниоткуда с пустыми руками? Конверт с деньгами был бы отличным предложением завязать знакомство. Записка же без денег теряла всякий смысл.

После недолгих колебаний Женя решила пойти на компромисс – взять триста долларов на расследование, а двести оставить в конверте. Пусть лучше девочка купит чулочки подешевле и посчитает, что на этот раз Ян проявил скупость. Зато у кузена появится шанс остаться в живых.

Женя искренне верила в то, что ее миссия может привести к успеху. Ян найдется, и тогда она все ему объяснит. Он к ней всегда был добр, хотя и страшно невнимателен. Он безоговорочно давал ей то, что она просила. Впрочем, просила она ничтожно мало. Именно в этом, вероятно, и крылась причина ее плачевного материального положения. Другая бы на ее месте...

Женя положила триста долларов в свой кошелек, стараясь не думать о том, что ее поступок смахивает на воровство. Узнай об этом Пыгова, она бы подняла шум до небес. Итак, вопрос номер два. Надо позвонить в «Канкан», чем бы он ни был, и заказать там столик. Вопрос номер три – с кем туда идти – имел только один ответ. В запасе у Жени был

лишь Веня Лаптев. Она искренне надеялась, что единственный друг согласится освободить для нее вечер и не продинамит, как это время от времени случалось ввиду его невероятной рассеянности.

После бессонной ночи Женя лишь мельком погляделась в зеркало. Она и всегда-то выглядела не блестяще, а уж теперь ее вообще можно было фотографировать для журнала «Здоровье» в качестве иллюстрации, которая должна устрашать алкоголиков и наркоманов. Недосып, как и бурные слезы, сказывался на ее внешности катастрофически.

– Ты ужасно выглядишь, – заметил Ярославский за завтраком. – Можешь пока не приходить в офис, – разрешил он. – Без Яна тебе там просто нечего делать. Телефон у него с автоответчиком, так что займись пока своими делами.

Неделю назад у нее просто не нашлось бы никаких своих дел. Но времена изменились. Поэтому Женя дипломатично промолчала. Ей было жаль дядю и кузена, который, ясно как дважды два, попал в переделку. Женя очень надеялась, что Ян жив и его удастся вернуть домой. Причем не исключено, что с ее помощью. Другим обитателям дома и людям из дядиного окружения ситуация виделась по-другому. Они считали, что исчезновение вице-президента фирмы Ярославского, безусловно, связано с делами, с деньгами, с криминалом и ничем хорошим закончиться не может. Даже сам дядя, кажется, втайне считал, что Яна убили.

Ирма Гавриловна, сервировавшая стол к завтраку, была бледна и необычайно молчалива. Женя надеялась, что она не начинила ядом ее порцию омлета, чтобы расквитаться за ночное происшествие. Экономка никогда не появлялась перед дядей без прически и макияжа. Возможно, она даже была безответно влюблена в своего хозяина. А тут такой пассаж!

После завтрака Женя застряла в холле, надеясь без свидетелей позвонить Лаптеву. Телефон величественно стоял на высоком мраморном столике. Он крайне редко подавал признаки жизни, потому что дядя и Ян пользовались мобильной связью, Жене вообще никто никогда не звонил, а службе не разрешала дотрагиваться до аппарата, ясное дело, Ирма Гавриловна.

Едва только Женя набрала номер и сказала «Алло!», как экономка, словно злобный призрак, возникла в проеме двери. Держа в руках поднос с грязной посудой, она медленно двинулась в сторону кухни, глядя прямо перед собой. Когда на том конце провода ответили, Женя промямлила:

– Лаптева позовите, пожалуйста!

Веня как назло тут же подошел к телефону. Экономка была еще только на середине пути, поэтому Женя нейтральным голосом сказала:

– Привет, как твои дела?

– У меня аврал, – мрачно отозвался тот. – Если что случилось, выкладывай сразу и без проволочек.

– Мне нужно с тобой поговорить с глазу на глаз.

– Ага, – ответил Веня и замолчал. Вероятно, в голове у него выстраивались какие-нибудь колонки цифр, а Женя мешала процессу.

Ирма Гавриловна между тем занесла поднос на кухню и отправилась в обратный путь через холл.

– Можно я к тебе приеду в обеденный перерыв? – спросила Женя, отворачиваясь к стене.

– Можно. А когда у меня обеденный перерыв? – совершенно серьезно спросил Веня.

– В час дня.

– Хорошо, я буду ждать тебя у нашего здания. Только приходи, раз уж договорились. А то получится, как в прошлый раз.

Положив трубку, Женя задумалась над последней фразой Лаптева. Что бы это могло значить: как в прошлый раз? В прошлый раз он не пришел на запланированную встречу, а на Женю напали шантажисты. Возможно, Веня перепутал место встречи и ждал ее в читальном зале или на улице? Зная его характер, можно было предположить, что он торчал там до глубокой ночи.

Вздыхнув, Женя отправилась в свою комнату переодеваться. Открыв шкаф, она уныло посмотрела на три вешалки,

занятые одеждой. Если случится идти в «Канкан», то надеть будет решительно нечего. Придется играть роль экстравагантной девицы, которой все нипочем. Ладно, не в первый раз она будет переживать чувство жестокого унижения.

Из громадного зеркала в роскошной раме, которое дядя полагал весьма уместным в женской спальне, на Женю смотрело невысокое тощее существо, имевшее мужество быть ее отражением. Надо же, ни одной яркой детали! Все черты лица не то чтобы некрасивые, но какие-то невыразительные, волосы цвета дорожной пыли, и даже глаза не просто серые, а какие-то грязные, в желтую крапинку. И никаких форм. Просто тощее тело с обозначенной для проформы грудью и жалко выпирающими ключицами. Даже друг Веня, кажется, никогда не задумывался о том, что она принадлежит к противоположному полу.

Нет, положительно, если дядя выгонит ее из дому, она в конце концов окажется на помойке. Другие девушки ее возраста наверняка стали бы рассчитывать на замужество, но это был явно не Женин вариант. Мужчины любят ярко окрашенных женщин. Мир вокруг них так и пестрит великолепными бабочками, среди которых Женя – не что иное, как невзрачная моль.

* * *

Веня Лаптев стоял прямо посреди тротуара, словно столб,

вкопанный в землю. Поток пешеходов обтекал его со всех сторон, на что он не обращал ровно никакого внимания. У Вени было умное лицо с великолепно вылепленным лбом и вечно прищуренными глазами, в которых застыло потустороннее выражение. Соломенного цвета волосы крупно вились, и, поскольку хозяин никогда за ними особо не следил, вихры торчали в разные стороны. В целом вид у него был творческий и даже одухотворенный.

– Привет, – сказал Лаптев, посмотрев сквозь Женю. – Я понял, что тебе зачем-то нужен. Говори, я весь внимание.

– Но не здесь же! – Женя потянула его за локоть в сторону ряда лип, под которыми стояли скамейки. – Давай присядем, это не просто какое-то там ерундовое дело, это вопрос жизни и смерти.

Веня мгновенно возвратился из космического пространства на землю и весьма внимательно поглядел на Женю:

– С тобой что-то случилось?

Та до сих пор не рассказала ему про шантажистов и поклялась себе, что сделает это только в крайнем случае. Потому что была на сто процентов убеждена, что после ее рассказа Веня тут же потащит ее в милицию и заставит написать заявление. Тогда обо всем узнает дядя. И в придачу ко всему кто-нибудь из милиционеров обязательно увидит пленку, на которой она пляшет абсолютно голая. Женю заставят сдать в милицию копию, которую ей вручили шантажисты.

– Моего кузена похитили, – выпалила она то, что для Лап-

тева пока еще было новостью.

– Кто? – коротко спросил тот.

– Неизвестно! Вернее, мой кузен исчез. Это я думаю, что его похитили.

– Сочувствую тебе, Женька. Наверное, у вас дома творится что-то невообразимое.

– Мне надо его найти, Веня.

– Тебе? Ты что, с ума сошла? Тоже мне Нат Пинкертон. Оставь розыск знающим людям. Я убежден, что только профессионалы способны добиваться результатов.

– Но для меня это важно!

– Еще бы. Я знаю, как ты относишься к своим родственникам.

– У меня есть и меркантильный интерес, – призналась Женя. – Если я отыщу Яна, то получу большое вознаграждение и смогу жить самостоятельно! Я смогу завести собственную квартиру, пойти учиться в институт – хотя бы на заочное отделение...

Веня Лаптев приподнял правую бровь, показывая, что изумлен:

– Впервые слышу, что ты хочешь уйти от дяди. До сих пор ты никогда ничего такого не говорила.

– Веня, ты должен мне помочь, – не обращая внимания на его последнее замечание, сказала Женя.

Тот недолго колебался. Вернее, он вообще не колебался, а просто спросил:

– И что я должен делать?

– Так ты согласен? – обрадовалась Женя.

– Если я тебе нужен, можешь мной пользоваться. Конечно, в нерабочее время. Ты же знаешь, у меня на фирме драконовские порядки.

Женя схватила его за руку, не сумев скрыть своего возбуждения:

– Сегодня ты должен заказать столик в ресторане «Канкан». На двоих. А вечером мы пойдем туда и будем показывать всем фотографию Яна. Насчет денег можешь не волноваться, деньги у меня есть.

– Как ни странно, у меня тоже есть, – сказал Веня и добавил: – И я не против сходить с тобой в ресторан.

– Веня, при чем здесь твои деньги и «не против»? Это будет деловой поход. Я начала вести расследование. Ты меня хорошо слушал?

– А что, кроме тебя, некому вести расследование? – недовольно начал Лаптев и тут же спохватился: – Ах да, вознаграждение! Послушай, но ведь у твоего дяди на фирме есть собственная служба безопасности! И он наверняка обратился в милицию. Обратился?

– Обратился, конечно. И служба безопасности роет носом землю.

– Так в чем же дело?

– Они будут искать совершенно не там, где надо! – горячо возразила Женя. – У них в голове только пистолеты, сделки,

стрелки, наличные, подставы и так далее.

– А у тебя?

– Я думаю, – понизив голос, ответила она, – что Ян пропал по какой-нибудь совершенно невероятной причине. Возможно, выезжая из офиса, он надел темные очки и его приняли за шпиона.

– Не выдумывай глупостей.

– Или он спутался с какой-нибудь неподходящей танцовщицей варьете...

– Поэтому мы сегодня заказываем столик в ресторане «Канкан»? – проявил проницательность Веня.

– Ну да!

– Вижу, у тебя уже есть версия.

– Даже две версии. Нет, что это я? Три! Визитка «Канкана» – раз, видеокассеты – два и моментальный снимок – три.

Женя принялась весьма эмоционально рассказывать Вене Лаптеву о своих находках. Он отнесся к ним без должного интереса, но отказываться от похода в ресторан не стал.

– А ты в курсе, где находится этот «Канкан»? – спросил он.

– Нет, конечно.

– Ладно, я погляжу в Интернете, так что не дрейфь. Кстати, когда и как мы встретимся?

– Деньги у меня с собой. И я буду ждать тебя прямо здесь, – сказала Женя, похлопав по лавке ладонью. – Не хочу возвращаться домой, далеко.

– А говорила, двадцать минут езды от офиса! – попенял ей Веня.

– Так это на машине!

– Двоюродный брат был таким милым, что возил тебя на работу и обратно?

– Не возил, – печально ответила Женя. – Меня и следовательно об этом спрашивал. И, кажется, не поверил, когда я сказала, что ездила с Яном всего один раз, самый первый.

– Ага! Братец ехал в офис, а тебя оставлял дома, так, что ли?

– Ну да.

– И ни разу не предложил подвезти до собственной при-емной?

– Мне кажется, это просто не приходило ему в голову.

– А ты, конечно, не просила.

– Да зачем я стала бы навязываться?

Веня крякнул и сказал:

– Ну, Женька, ты и экспонат. У тебя столько комплексов, что их с лихвой хватит на какой-нибудь неврологический центр. Ладно, жди меня на лавке. Как что-нибудь выясню, выскочу, поделюсь информацией. Да, кстати, а платье?

– Что платье?

– Есть у тебя платье для ресторана?

Женя потупила глаза и отрицательно покачала головой из стороны в сторону. Ее прямые волосы занавесочкой упали на глаза. Лаптев не нашелся что сказать, только пожал плечами.

Когда он ушел, Женя достала из кармана рубашки фотографию Яна Ярославского и стала внимательно ее разглядывать, чтобы как следует сформулировать приметы, если подвернется случай. Тридцать лет, рост средний, блондин с карими глазами. Субтильный, немного женственный и в целом очень красивый. Волосы пострижены шапочкой и лежат на воротничке рубашки. Густая челка зачесана набок и прикрывает бровь. Общителен, обаятелен, охотно улыбается собеседникам. Но в проявлении истинных чувств сдержан.

Был одет в бежевый костюм и голубую рубашку с расстегнутой верхней пуговкой, светлые замшевые туфли и носки того же оттенка без рисунка. Ни перстней, ни татуировок. Конечно, Женя многое знала о кузене – его привычках, реакциях, пристрастиях и надеялась, что это знание в дальнейшем окажется полезным.

* * *

Как ни странно, в «Канкане» не было никакого варьете. Заведение представляло собой сумрачное место в полуподвале одного из старых жилых домов, где царил раздражающий полумрак. Единственное, что могло усладить взор посетителя – огромное абстрактное полотно, занимавшее целую стену.

Женя, по-прежнему одетая в штаны и рубашку мужского покроя, а также в массивные башмаки, втайне порадовалась

тому, что ее не станут разглядывать при ярком свете.

– Ну? – спросил Лаптев, когда их усадили за столик и подали меню. – Кого ты собираешься тут расспрашивать?

– Ты слишком разогнался, – ответила она. – Дай сделать пару вдохов.

Женя украдкой огляделась по сторонам. В центре зала находилась пока еще пустовавшая площадка для музыкантов, а в дальнем конце перед стойкой скучал бармен с нагловатой физиономией.

– Не знаю, может быть, его? – показала она подбородком на бармена.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Тогда кого же? – растерянно спросила Женя.

– Ладно, поживем – увидим, – милостиво ответил Лаптев. – Давай сначала поедим. Кстати, я никогда не видел тебя в платье.

– Я не ношу платья только потому, что у меня нет ног, – мрачно ответила Женя, не поднимая глаз от меню.

– А по-моему, только потому, что у тебя нет платья. – Веня, когда его надолго отрывали от компьютера, начинал проявлять невероятную проницательность. – Я сегодня много думал о тебе и пришел к выводу, что твои отношения с родственниками имеют ряд погрешностей.

– Мне достаточно того, что у меня вообще есть родственники.

– Чувство благодарности не должно влиять на инстинкт

самосохранения.

– Но я ведь не голодаю!

Веня скривил рот, но ничего больше говорить не стал. Вместо этого он начал обсуждать блюда, которые собирался заказать.

– Отвлекись на некоторое время, – велел он Жене. – Поужинаем, потом подумаем, как разжиться информацией. Не люблю принимать решения на голодный желудок, они получаются слишком агрессивными. Да, забыл спросить: у тебя есть фотография кузена?

– Есть, – Женя похлопала по нагрудному карману.

Веня на некоторое время прекратил жевать, после чего заметил:

– У тебя не только платья, но и сумочки нет.

Женя открыла и закрыла рот, потому что просто не нашлась что ответить. Сумочки у нее действительно не было. Сумочка совершенно не подходила к тому стилю, которому она от безденежья была вынуждена следовать.

– У тебя атрофировались женские инстинкты, – продолжил свою мысль Веня.

– А ты, конечно, большой знаток женщин! – обиженно ответила она. – Интим, точка, ру.

– Сейчас речь не обо мне.

– Послушай, Веня, не время обсуждать мой внешний вид и мои взаимоотношения с дядей. Давай сначала попытаемся отыскать Яна. Ты еще не придумал, кого порасспрашивать?

– Еще нет, но придумую.

В центре зала тем временем появились музыканты. Зазвучала громкая музыка, и солистка запела простеньким голоском нечто незатейливое, но приятное уху. Посетители резво зааплодировали. Обернувшись, Женя поняла, что аплодируют скорее внешности певицы, чем ее вокальным данным. Девушка была достаточно длинноногой и пышногрудой для того, чтобы понравиться большинству присутствующих. Волосы, ясное дело, у нее были длинными и светлыми.

– Вот, – сказал Лаптев противным нравоучительным тоном и взмахнул вилкой, – идеал, к которому должна стремиться каждая женщина.

– Разумеется, – покладисто кивнула Женя. – Это верх совершенства.

Она даже не иронизировала. Ее собственный внешний вид не оставлял права на иронию. Лаптев тем временем вошел в раж и принялся детально обсуждать достоинства певицы. Чтобы избавиться себя от его дурацкой лекции, Женя встала и направилась к стойке бара.

На высоких табуретах сидели несколько мужчин, которые то и дело прикладывались к спиртному. Женя тоже взобралась на табурет и краем глаза стала рассматривать своего соседа слева – неряшливого брюнета с роковой внешностью и двухдневной щетиной. Судя по тихим стонам, которые он издавал, делая очередной глоток, его мучило похмелье.

– Тебе чего, парень, пива? – спросил бармен, смахивая

со стойки символическую пылинку накрахмаленной салфеткой.

Женя моргнула и кивнула головой. Отлично. Ее ставки как девушки на выданье с каждым днем понижаются.

– Чего смотришь? – спросил между тем брюнет, заметив ее интерес к себе, и вперил в Женю покрасневшие глаза.

Вид у него тем не менее не был враждебным. Поэтому она рискнула начать свою игру. Клиент, что называется, сам шел в руки. Женя как можно равнодушнее пожала плечами и ответила:

– Просто пытаюсь понять – вы здесь завсегда? –

– А ты чего, – хохотнул тот, – ищешь компанию? –

– Да нет, у меня вот старший брат куда-то подевался, – слегка понизив голос, сообщила Женя. – Наверное, загулял по-черному, а его все ищут. Я с другом его тоже теперь ищу. Мне уже надоело сидеть на телефоне вместо автоответчика. Он любитель шататься по барам. Говорят, здесь бывает постоянно.

– А что за брат? – благодушно спросил брюнет.

– Блондин такой... – Женя помахала руками в воздухе. –

Симпатичный.

– Ну дружок, ты и мастер живописать портреты! – усмехнулся тот. – Блондин! Тоже мне примета.

– У меня фотография есть, – оживилась Женя.

С ловкостью фокусника она достала из кармана фотографию кузена и протянула своему собеседнику.

Тот взял ее двумя пальцами за самый кончик и, оставив далеко от глаз, прищурился.

– Ба, да это ж Ян! – почти тут же воскликнул он. – Твой брат, значит? Он ради Ирки сюда ходит, если ты не в курсе. Вот и ищи его у нее. Может, он сейчас отсыпается на ее концертных костюмах!

Брюнет показал подбородком на певицу, которая в настоящее время исполняла медленную композицию и старательно общептывала микрофон пухлыми губами.

– Ирка? – невольно переспросила Женя.

– Ну да. Ирка Скобкина. А объявляют ее роскошно – Селеста.

– Спасибо, – сказала Женя, поспешно сползая с табурета. – Я с ней поговорю.

– Только смотри, пацан, не потеряй голову. Это такая горяченькая штучка! Будешь с ней кокетничать – братец тебе накостыляет, это уж как пить дать!

Завсегдатай захохотал и сделал полный оборот на табурете, снова вернувшись к своей выпивке.

Веня Лаптев, как это ни прискорбно было видеть Жене, находился в абсолютном улете. Он глазел на Ирку Скобкину и пускал символические слюни. «Тьфу, – подумала Женя. – Как все это удручает! Абсолютно ясно, что мне никогда не завоевать сердца ни одного мужчины. По всей видимости, мужское сердце имеет прямую связь с глазами».

Женя толкнула Лаптева под локоть и сообщила:

– Мне надо попасть в ее гримуборную.

– В чью? – не отрывая глаз от предмета своего вожделения, спросил тот.

– Селесты.

Лаптев повернулся и с интересом посмотрел на Женю:

– Ты имеешь в виду эту девушку?

– Вот именно. Может быть, я тебя расстрою, но именно ее мой кузен назвал в записке своей дорогой девочкой.

– Было бы странно, если бы такая женщина не имела поклонников, – важно заявил Веня. – Я пойду с тобой.

– Нет уж, давай не будем рисковать. Боюсь, что если мы отправимся туда вдвоем, кому-нибудь из нас начистят морду. И думаю, что не мне.

Веня потер кончик носа указательным пальцем и кивнул:

– Вероятно, ты права. Женщину к женщине, пожалуй, пропустят. А у музыкантов как раз перерыв.

– Меня тут приняли за мальчика, – проинформировала его Женя. – Так что в случае чего – ты мой старший приятель. Не против?

– Но мы и в самом деле приятели! – удивился Веня. – Могла бы и не предупреждать. А! Тебя приняли за мальчика! Понял. Хотя это странно, – добавил тот неуверенно.

Женя хмыкнула и быстрым шагом отправилась к музыкантам, которые оставляли свои инструменты на стульях. Селеста, она же Ирка Скобкина, раскованным широким шагом уже двигалась в направлении двери, ведущей в служеб-

ные помещения. Когда Жене приходилось общаться с подобными женщинами, в ее голосе появлялись ненавистные ей самой заискивающие интонации.

– Простите, вы ведь Ира Скобкина? – спросила она, бухая своими башмаками рядом с изящными золочеными бо-соножками певицы.

– Да, это я. – Та приостановилась и удивленно взглянула на Женю.

– У меня для вас записка. От Яна.

Скобкина широко улыбнулась и сказала:

– От Яна? Так давай ее сюда!

– А мне можно с вами поговорить? – спросила Женя, стараясь изо всех сил, чтобы просьба прозвучала не слишком жалко.

– Конечно, – кивнула Скобкина. – Пойдем ко мне, так сказать, за кулисы. А что это Ян девиц посыльными нанимает? – спросила она по дороге. В ее голосе не было ни обиды, ни подозрения, один только живой практический интерес.

Женя почему-то страшно обрадовалась, что певица не приняла ее за подростка и помимо воли прониклась к ней теплыми чувствами.

– Я его сестра.

– Да ты что? – удивилась Скобкина и даже сбилась с шага. – Совсем не похожа.

– Двоюродная, – пришлось добавить Жене. – Но мы проживаем в одном доме. Я сирота, и дядя взял меня к себе из

интерната.

Женя совершенно не могла понять, почему она выложила все это в один присест человеку, к которому явилась задавать вопросы.

– Ян просто черствый сухарь, раз позволяет своей сестре ходить в таких ужасных ботинках, – заявила Скобкина, включая свет в крохотной комнатке с зеркалом во всю стену. – Заходи. И не убеждай меня, что ты носишь их потому, что они удобные. Садись на стул и давай записку.

Женя достала свернутый вдвое конверт, который иначе не поместился бы в кармане, и протянула Скобкиной. При этом она мучительно покраснела, вспомнив о том, что умыкнула оттуда целых триста долларов.

Прочитав послание, Скобкина фыркнула и весело сказала:

– Ну не дурачок?

Заявление это могло означать что угодно. Поэтому Женя спросила, хотя вопрос прозвучал излишне прямолинейно:

– А у вас с моим братом что, интрижка?

Скобкина делано безразлично посмотрела на свои ядовито-красные ногти и ответила:

– У него со мной да, интрижка. А я... Ну, я отношусь к нему более серьезно. И учти: говорю это тебе только потому, что ты его сестра. Обычно я не болтаю с посторонними. Тем более на личные темы. Слушай, ты такая хорошенькая, – без перехода сказала она. – Это просто злодейство – носить та-

кие ботинки.

– Дались вам эти ботинки! – беззлобно ответила Женя, не обратив внимания на комплимент, поскольку просто не могла принять его всерьез. Она – хорошенькая! Слышал ли кто-нибудь когда-нибудь такую глупость?

– Давай переходи на «ты», – предложила Скобкина. – Сказать по правде, мне так нравится твой брат, что я готова полюбить каждого его родственника. Вот и ты мне понравилась просто помимо воли. Какой у тебя размер обуви?

– Тридцать седьмой, – сказала Женя.

Ее совершенно не вдохновляла идея сообщать Скобкиной об исчезновении Яна. Судя по всему, та втрескалась в кузена по полной программе. Но делать было нечего. Женя могла бы заложить голову, что Скобкина не замешана в историю с его внезапным исчезновением. Тем печальнее была ее миссия.

– В общем-то эту записку я нашла в комнате Яна, – осторожно начала она.

– Да? – удивилась Скобкина. – То есть он не просил тебя ее мне передать?

– Не просил. Да он и не мог попросить.

Среагировав на скорбный Женин голос, Скобкина внезапно выпрямилась и сильно побледнела:

– Его что, убили? – спросила она, схватившись одной рукой за горло.

Женя едва не подпрыгнула на своем стуле. Выходит, она

ошиблась! Вероятно, Яну кто-то угрожал и сидящая напротив девушка в курсе дела. Недаром же она мгновенно просекла ситуацию.

– Нет, его не убили, – покачала она головой. – То есть никто не знает – убили или не убили. Просто Ян пропал. Исчез. Его милиция ищет.

– Пропал? Боже мой, когда?

– В понедельник. Весь день был на работе, а вечером не вернулся домой. Кстати, а ты сама когда его в последний раз видела? – Жене пришлось пересилить себя, чтобы последовать предложению Скобкиной и перестать «выкаты».

– В воскресенье. – Та изо всех сил старалась взять себя в руки, но это ей плохо удавалось. – Ничего, если я покурю? Ты не хочешь?

Женя отрицательно покачала головой – любимый жест, который постоянно напоминал ей о том, какие у нее прискорбно жидкие волосы. При этом жесте они летали у нее перед глазами, практически не заслоняя вид.

– В воскресенье Ян провел здесь весь вечер. В этом кабаке, я имею в виду. Сидел за столиком, пока я работала. Один. Потом мы поехали ко мне, ну и, короче, он возвратился поздно. Да ты, наверное, знаешь, раз вы живете в одном доме.

– Мы живем в одном доме, но я за ним не слежу, – торопливо объяснила Женя.

– Ах да, я и забыла, какой большой ваш дом.

– А Ян ничем таким с тобой не делился? – спросила Женя. – Может, ему кто-то угрожал или еще что? Письма там анонимные, телефонные звонки?

– Да нет, – пожала плечами Скобкина. – В воскресенье Ян был таким, как всегда. И весь последний месяц тоже. Будь у него что на душе, я бы почувствовала. Может, ты и не веришь, но я действительно влюблена в твоего брата.

– Но если Ян был таким, как всегда, почему же ты тогда сразу подумала, что его убили? – не стерпела и поинтересовалась Женя.

– Ничего странного. Я всегда боялась за него. Он все-таки вице-президент фирмы. Большой человек. А бизнес сейчас знаешь какая штука.

– Но зато он приносит деньги, – безразлично заметила Женя. – Без денег сейчас никуда.

– Это точно. – Скобкина в последний раз затянулась и несколько раз прокрутила окурочек в баночке из-под крема. – Я вот здесь под музыку вращаю задницей уже несколько месяцев. Думаешь, я не знаю, что у меня голоса нет?

Женя кинула на нее вопросительный взгляд.

– А! – с горечью махнула та рукой, показывая, что даже не хочет пускаться в длинные объяснения. – А раньше Ян никогда не уезжал надолго, никого не предупредив? – снова вернулась она к животрепещущей теме.

– Никогда. Дядя уверен, что с ним что-то случилось. По правде сказать, у него самые дурные предчувствия.

– Боже мой, а вот я ничего не чувствую! – с горечью и изумлением сказала Скобкина, склонив голову к плечу, как будто бы прислушивалась к своему неотзывчивому сердцу.

– Это хорошо, – поспешила заверить ее Женя. – Это значит, что Ян жив и у меня есть шансы его спасти.

– У тебя? – удивилась Скобкина.

– Дядя пообещал вознаграждение... – промямлила Женя, покраснев.

– Так ты сидишь без гроша! – воскликнула та. – Вот почему у тебя такая ужасная обувь! Судя по всему, у дяди ты ничего не просишь. Ну, понимаю, гордость.

Женя кивнула, а Скобкина покачала головой:

– И далась она тебе, эта гордость? Ну, чего тебе с нее? Ты давно живешь у дяди?

– Давно, – пробормотала Женя. – Он взял меня к себе, когда я закончила школу.

– Ну... душечка, – протянула Скобкина. – Это просто безумие какое-то. Живи я с богатым дядей... Впрочем, я тебя понимаю. В целом, – прервала она сама себя. – Однако я бы попросила у него нормальную одежду. И деньги на парикмахерскую.

– Я.... вот... тут... – промямлила Женя, испытывая непонятное доверие к Скобкиной.

Она достала из кармашка триста долларов и протянула ей. Собралась с духом и сказала:

– На самом деле Ян передал тебе пятьсот долларов, а не

двести. Просто мне нужны деньги на расследование, а взять было негде. И я позаимствовала. Своровала, в общем.

– Боже мой! Бери этот конверт и распорядись! – велела та, вкладывая его в руки Жени. – Ян просто хотел пошутить. Он, конечно, время от времени делал мне подарки, но деньги в конвертике, как девушке легкого поведения, никогда не предлагал. Я убеждена, что это был своего рода прикол, понимаешь? Так что бери и не комплексуй. Я на эти деньги не рассчитывала.

– Но это не мои деньги! – возразила Женя.

– Ты что, не хочешь найти Яна? – возмутилась Скобкина. – Как ты сделаешь это с пустыми руками? Разве можно вести расследование, если не на что купить конверт и авторучку?

Женя вяло согласилась. «Да уж, – уныло подумала она. – Следователь из меня никакой. Первый же свидетель – и полное поражение сыщика».

– Слушай, не уходи, а? – попросила между тем Ира. – Я еще сорок минут пою, а потом сматываюсь. Дождись меня, мы что-нибудь сделаем с твоими волосами. И заодно вместе подумаем, где искать Яна.

– Я... – мякнула Женя. – Дядя обещал...

– Ах да, вознаграждение! – вспомнила Скобкина. – Мне его не надо. Я хочу Яна обратно, понимаешь? Так ты дождешься меня?

– Но я не одна, – выдавила из себя Женя. И это было уже

почти согласие.

– О, сопровождающий! Интересно посмотреть, кто не постеснялся твоих ботинок?

– Веня Лаптев, – тут же ответила Женя. – Интернатовский друг. Он, кстати, уже пал жертвой твоей красоты.

– Ладно, я ему подмигну во время выступления. Или для него это слишком?

Женя против воли хихикнула. Они вместе со Скобкиной вышли в зал, и каждая направилась к своему месту. Ира – к эстраде, а Женя к столику, где ее, сгорая от нетерпения, ожидал Веня Лаптев.

– Ну что? – с неподдельным любопытством спросил он. – Разговор состоялся?

– Состоялся. Представь себе, что Ира – любимая девушка моего кузена.

– Пардон, пардон, – наморщил лоб Веня. – У твоего кузена разве нет невесты?

– Есть, – кивнула Женя. – Но та – невеста по требованию дяди и общественного положения. А это – дама сердца.

– С дамами сердца у рыцарей были платонические отношения, – заявил начитанный Лаптев.

– Мне кажется, она его любит. Она очень хорошая.

– Поздравляю, – сказал Лаптев ехидно. – Ты ей все рассказала.

– С чего ты взял?

– Душа моя, в тебе есть одна удивительная черта. К тому

человеку, которого ты считаешь хорошим, ты начинаешь испытывать поистине собачью преданность.

Женя вздохнула:

– Вот я тебя тоже считаю хорошим, разве я веду себя как собака?

– Я не в счет. Нас связывают детские воспоминания. А это нечто особенное.

– Ира отдала мне все деньги, – внезапно сообщила Женя.

– Молодец. Я сразу понял, что она – высший класс.

Лаптев развернул свой стул, чтобы ничто не мешало ему созерцать предмет своего восхищения.

– Она просила меня ее дожидаться.

– Вас не надо проводить? – весело спросил Веня. – А то я бы не против.

– На чужой каравай... – сказала Женя, но тут у ее приятеля резко изменилось выражение лица. Вероятно, Скобкина подмигнула ему.

– Она обещала что-нибудь сделать с моими волосами, – зачем-то сказала Женя, допивая остывший кофе.

– М-гм, – пробормотал Лаптев.

– Это ничего, что ты поедешь домой один?

– Разве я девушка и меня нужно провожать?

– Но ты не обидишься?

– Женька, прекрати немедленно. Главное, сама не вляпайся в какую-нибудь историю. Кстати, можешь намекнуть своей Ире, что я знаю, с кем тебя оставил.

– Сначала ты облизываешь ее глазами, как шоколадку, – возмутилась Женя, – а потом даешь понять, что в чем-то подозреваешь! Это отвратительно!

– Да? – безразлично спросил Веня.

– Да! Мужчины вообще... – задохнулась Женя. – Сами тащатся от женщины, а потом говорят, что она такая-растакая, а они любят тех, что поскромнее.

– Я должен воспринимать твои слова как нагоняй?

Женя тут же смутилась и уже не знала, куда деть свои руки.

* * *

Точно так же она не знала, куда их деть, придя в примерную Скобкиной и усевшись на стуле в углу.

– Фу, наконец-то, – сказала Ира, закручивая длинные волосы в узел и защелкивая их на макушке заколкой. – Сейчас смою с лица боевую раскраску.

Без макияжа она выглядела моложе и проще. Женя пожирала глазами ее платье, в конце концов не удержалась и осторожно потрогала ткань.

– Хочешь померить? – предложила Ира, переодеваясь.

– На мне оно будет висеть. У меня ни там, ни тут ничего нет, – привычно, без сожаления, констатировала Женя, показывая, где на ее теле отсутствуют необходимые выпуклости.

– Да, ты права, тебе нужен совсем другой фасон. Вот найдем Яна, я заставлю его о тебе позаботиться.

– Так ты думаешь, что исчезновение моего брата связано с его работой?

– Я не знаю, что и думать, – сказала Ира. – Ты ведь его секретарша. Если говоришь – бизнес вряд ли виноват, значит, так и есть. Но если не бизнес, тогда что?

– Личная жизнь, – тут же ответила Женя.

Ира хмуро взглянула на свое отражение в зеркале и заметила:

– Что ты думаешь о его невесте?

– Она ужасно противная, – тут же ответила Женя, причем совершенно искренне.

– И некрасивая к тому же, – подхватила Ира. – Она мне в подметки не годится.

– Согласна.

– Я надеялась, что Ян разорвет помолвку из-за меня, – призналась Ира. – Но... Влияние отца оказалось сильнее, чем мои чары. Впрочем, я до сих пор не теряю надежды. Слушай, может быть, Ян уехал, чтобы собраться с мыслями? Его отец настаивал на свадьбе, а Ян все тянул.

– Нет, – покачала головой Женя. – Если бы он уехал, то предупредил бы отца. Он бросил дела... Да и вообще это не в его духе. До сих пор не было ни одного прецедента.

– Я не верю, что с ним произошло что-то ужасное, – решительно сказала Ира. – Может быть, это какая-то тайна, но

вряд ли она грозит Яну смертью. Если бы он во что-то влип, его бы убили сразу и не таясь. Ты со мной согласна?

– Я-то согласна. Кроме того, на фирме всеми делами управляет дядя, – высказалась Женя. – Если бы дело было в бизнесе, дядя первым попал бы под колпак.

– Если только Ян не влез во что-то без ведома отца, – задумчиво проговорила Ира.

– Нет, Ян не стал бы за спиной дяди вести свою игру. Он не такой человек.

– Но просто сидеть сложа руки все равно не стоит. – Ира натянула на себя узкие брючки и эластичную кофточку, заплела волосы в косичку и сделалась похожа на хорошенькую старшеклассницу. – Я недурно сохранилась, – подмигнула она Жене. – На самом деле мне уже двадцать шесть. А ты вообще выглядишь как семиклассница. Слушай, я не стану предлагать тебе свою одежду, ведь ты даже у дяди ничего не берешь. Но с прической можно поколдовать.

– У меня волосы слишком короткие, – с сожалением сказала Женя. – Из них можно сделать только крысиный хвостик.

– Да их надо просто накрутить на бигуди. Или завить горячими щипцами.

– У меня ничего такого нет, – призналась Женя.

– Кто бы сомневался. Ладно, сегодня мы не станем ничего делать, но я обещаю всерьез подумать о твоём облике на досуге. Не бойся, не забуду. Не люблю бросаться пустыми

обещаниями.

Женя ей сразу поверила и снова переключилась со своей внешности на кузена.

– У тебя есть какие-нибудь мысли относительно Яна? – спросила она.

– Ну... Стоит одна избушка на Азовском море. Мы иногда скрывались в ней пару-тройку дней. Может, Ян избрал ее в качестве временного убежища? Думаю, мне стоит это проверить.

– Ладно, – сказала Женя. – А я пока займусь коротышкой. Кстати, ты не знаешь, кто это? – спохватилась она и достала из своего туго набитого кармана моментальный снимок. – Я нашла эту штуку спрятанной в старинной вазе.

– Первый раз вижу, – пробормотала Ира, сосредоточенно разглядывая снимок. – А Ян разозлился. Смотри, у него белый нос. Когда он по-настоящему сердит, у него от носа кровь отливает. Значит, это не шутка и не розыгрыш. Он действительно сцепился с этим человечком. А кто, интересно, их фотографировал?

– Да! И, главное, зачем? – подхватила Женя. – Может быть, это шантаж?

– Боже мой! – Ира прикусила губу. – Кажется, я начинаю волноваться. Не знаю, почему мне казалось, что у Яна нет от меня секретов. Но, возможно, у него были серьезные проблемы, а он просто не подавал вида? Не хотел меня расстраивать?

– Можно, я тебе позвоню, когда ты узнаешь про избушку? Ту, на Азовском море? – робко спросила Женя.

– Конечно! Сейчас я тебе напишу свой телефон. – Ира достала из лаковой сумочки ручку и визитку – точно такую же, как та, на которой Ян нацарапал свою записку, – и красивым крупным почерком написала свой телефон.

«Какая она потрясающая, раскованная, свободная!» – подумала Женя, которая сама писала так, словно хотела сделать буквы вообще невидимыми: они были крохотными и угловатыми.

– Кстати, – сказала Ира. – У меня тоже есть брат. Родной, правда. И он крутой парень. Если ты не возражаешь, я с ним посоветуюсь. Если понадобится грубая мужская сила, можешь иметь его в виду.

– Да в общем-то, – робко возразила Женя, – Веня Лаптев поможет, если что.

Ира рассмеялась:

– Я ж его видела, твоего пресловутого Веню. Он симпатяга парень, но вряд ли может похвастаться развитой мускулатурой. А в любом расследовании когда-нибудь наступает критический момент.

– Ладно, – сказала Женя. Она чувствовала себя очень странно: такая девушка, как Скобкина, общается с ней на равных, предлагает помощь и вообще ведет себя как... ну, как подруга.

– У меня машина, – сообщила между тем Ира. – Подвезу

тебя до дому. Я знаю, где это.

Ира вела машину соответственно своему характеру – легко, без всякого напряжения, но и без глупого лихачества. Всю дорогу они обсуждали возможные пути розысков Яна. Ира со своей стороны обещала обзвонить всех общих знакомых.

– Во двор заезжать не стану, боюсь твоего дяди, – крииво усмехнулась она, затормозив поодаль от дома Ярославских. – Не забудь потребовать у него новые туфли! – крикнула она напоследок, открыв пошире окошко.

– Сейчас не время! – отозвалась Женя, махнув рукой. – Дядя очень расстроен, ему не до моих проблем.

Дом встретил ее неприветливой тишиной. Женя тут же застеснялась своего приподнятого настроения. Действительно, не слишком ли она оптимистично настроена? Как будто бы одно только ее решение отыскать двоюродного брата уже гарантировало ему скорое возвращение. А что, если все напрасно? Если Яна уже давно нет в живых? Пока Женя дошла до своей комнаты, по ее спине успела проползти целая армия мурашек. Атмосфера дома была мрачной, тут несколько дней сгущались пессимистические мысли и витали плохие предчувствия. Однако, несмотря ни на что, заснула Женя мгновенно.

Разбудили ее сдавленные стоны и женские всхлипы, раздававшиеся откуда-то снизу. «Неужели сбылись худшие ожидания дяди, – подумала Женя испуганно, – и милиция нашла тело Яна?» Она накинула на себя халат и выскочила в коридор, наткнувшись на проходящую уборщицу, которая уныло терла тряпкой перила.

– Что случилось? – метнулась к ней Женя. – Это... Из-за Яна?

– Невеста ихняя приехали, – шепотом сообщила та. – Плачут. А ваш дядя их успокаивают.

Вздохнув спокойнее, Женя возвратилась в комнату, привела себя в порядок и только тогда отправилась вниз. Картина, которую она застала в холле, была достойна кисти живописца. Ярославский, вперив влажные глаза в противоположную стену, похлопывал по спине Свету Шмелеву, которая безвольно висела на нем, обхватив руками за плечи. На ней было черное шелковое платье, туго обтягивающее некрасивые бедра, и длинные черные перчатки, какие Женя видела только в старых фильмах. «Хорошо, что не нацепила вуаль, – раздраженно подумала она. – Тоже мне потенциальная вдова».

Впрочем, грубить не хотелось.

– Здравствуйте, – поздоровалась Женя, стараясь изо всех

сил проявить сочувствие.

Света, длинно всхлипнув, оторвала лицо от груди Георгия Николаевича и посмотрела на нее.

– Женечка! – крикнула она и, словно вспорхнувшая ворона, отлепилась от дяди и бросилась к ней на шею. Та едва устояла на ногах, когда Света повисла на ней.

– Спокойно, пока нет причин оплакивать Яна, – выговорила ей Женя. – Ведь ничего еще не известно! Может быть, он со дня на день возвратится домой.

– Ах, боже мой, ты просто пытаешься меня утешить! – протрубила Света в покрасневший нос. К слову сказать, она была вдвое массивнее утешительницы, но всем телом навалилась на нее.

«Хорошо бы не упасть вместе с ней на пол, – подумала Женя. – И не сломать себе что-нибудь. Иначе сцена преждевременного горя омрачится до невозможности».

– Тебе что-нибудь нужно, Женя? – спросил дядя, когда им удалось немного успокоить Свету и усадить ее за стол, чтобы напоить кофе и подсластить слезы пирожными.

Женя страшно удивилась такому вниманию с его стороны и сразу же подумала про свои ботинки, но не смогла преодолеть себя и заговорить о столь прозаической вещи в разгар семейной трагедии. Тем более в присутствии скорбящей невесты.

– Нет, дядя Георгий, ничего, – пробормотала она. – А у Карпенко нет новостей?

Все-таки Карпенко был профессионалом, докой по части всего, что касалось криминала. Жене хоть и хотелось получить вознаграждение, но она все же была не против увидеть Яна живым и невредимым бескорыстно. Однако дядя с сожалением покачал головой:

– Карпенко и его люди в недоумении. Они сейчас проверяют наших партнеров. Прочесывают все возможные связи Яна. Все впустую!

«Значит, я права! – подумала Женя возбужденно. – Исчезновение Яна не связано с бизнесом. Неужели я не смогу догадаться, что у него была за тайна?» Машинально жуя бутерброд, она пришла к выводу, что ее кузен мог попасть в переделку из-за женщины. Ира Скобкина, конечно, классная девушка. Но кто может гарантировать, что она у Яна одна? Допустим, их множество – «дорогих девочек» кузена? И какая-то, воспылав ревностью, подложила Яну свинью. А что, если у него, и того круче, есть внебрачные дети, о которых он не рассказывал отцу? Боже мой, но как все это выяснить?

Провожаемая убийственным взглядом экономки, Женя положила салфетку на стол и отправилась бродить по окрестностям. Все свои богатства она носила с собой. Кроме фильмов, обнаруженных в комнате Яна, которые спрятала под матрац. Она надеялась, что Пыгова после многолетних тщетных попыток найти в ее комнате что-нибудь эдакое навсегда отказалась от обысков. Если задуматься, это даже смешно: у Жени нет ничего, что следовало бы скрывать от посторон-

них глаз. Но тут Женя вспомнила о видеокассете, где она показывала стриптиз, и тяжело вздохнула. Да, теперь у нее в шкафу спрятан настоящий скелет.

Обернувшись на дом, она с грустью подумала, что, возможно, его скоро придется покинуть. Когда позвонят шантажисты и в последний раз потребуют свои две тысячи долларов, придется бежать от дяди без оглядки. Женя уже тайком покупала газеты и просматривала объявления о работе. Найти работу, наверное, было можно. Но предлагаемой зарплате не хватит, чтобы снимать жилье и нормально питаться. Ведь никому не докажешь, что у нее есть опыт работы, – на нее в фирме дяди не завели трудовую книжку. Для общества Женя оставалась безработной. Итак, вопрос с трудоустройством пока что казался неразрешимым. Если бы только удалось отыскать Яна!

Блуждая среди особняков, изредка облаиваемая шарпеями, догами и другими породистыми сторожами, Женя не заметила, как дошла до самого края поселка. Дорога не вела ни к озеру, ни к лесу, поэтому она сюда никогда не заходила. Справа раскинулись кукурузные поля, слева медленно шевелилась в крутых берегах река.

Женя уже собралась было повернуть обратно, когда внезапно зацепилась взглядом за что-то, что заставило ее насторожиться. Забор! Боже мой, конечно! Это тот самый забор, кусочек которого попал на моментальный снимок, обнаруженный в вазе! Забор был заметным – сложенным из камня

трех цветов, с полосой затейливых узоров понизу.

Дрожащими пальцами Женя расстегнула пуговицу на рубашке и достала из кармана фотографию, добытую в вазе. Не было никаких сомнений: именно к этому самому забору Ян прижимал растрепанного коротышку. И происходило это, судя по всему, внутри двора, потому что снаружи росли кусты шиповника, а в кадре их не было. «Провидение! – подумала Женя, трепеща. – Неужели я на верном пути и высшие силы мне помогают? Ведь никогда раньше я сюда не забредала, даже случайно».

Заинтересовавший ее дом был самым последним в ряду особняков и стоял на обрыве. Жене даже показалось, что, закладывая фундамент, строители пошли на риск. «А что, если Яна сбросили в реку из окна этого самого дома? – подумала она невольно. – Высота здесь просто головокружительная. Под покровом ночи в этом уединенном месте можно обделявать темные делишки, не опасаясь, что тебя поймут за руку». Соседний особнячок стоял довольно далеко, и вряд ли кто-то обратил бы внимание на звук падения тяжелого предмета в реку.

«Может быть, не стоит болтаться тут совершенно открыто? – всполошилась Женя. – Если хозяева причастны к исчезновению Яна, они могут знать меня в лицо – ведь дом дяди находится не так уж далеко!» Она попятилась, почувствовав себя букашкой, посаженной на любопытную детскую ладонь. Потом, круто развернувшись, едва ли не вприпрыжку

бросилась восвояси.

* * *

В саду Ярославских садовник колдовал над парадной клумбой – дядя не одобрял вольно растущих цветов и даже от нарциссов и тюльпанов требовал повинования. Жене пришло в голову, что садовник может знать что-нибудь об интересующем ее доме и его обитателях – он был местным и приходил сюда из деревни, раскинувшейся на другом берегу реки.

– Дом с каменным забором? – переспросил садовник, распрямляясь и потирая спину. – Так они тут почти все такие.

– Да я же говорю, – торопилась Женя. – Забор особенный, разноцветный. Камни выложены узором. Красный кирпич, белый и малиновый. И узоры идут такими полосками, а наверху у них ушки, как на кремлевской стене. Дом на обрыве стоит, там.

Она не хотела показывать фотографию. Существовала опасность, что садовник проговорится вездесущей Ирме Гавриловне, перед которой он трепетал, словно бандерлог перед удавом Каа.

– А-а! – Лицо старика внезапно осветилось пониманием. – Так это ж дом стоматолога Хрюкина!

При слове «стоматолог» Женя языком невольно потрогала пошатающийся зуб.

– Хрюкин такой маленький, вечно растрепанный? – уточнила она, чувствуя зуд в коленях.

– Точно! А на кой он вам сдался? Я б ему не доверил зубы сверлить. Чудной он и шепутной. А как с женой ругается! Опера! Посуду бьют – звон стоит, аж на другом берегу слышно. А на что он вам? – снова спросил любопытствующий садовник.

– Он... – замялась Женя. – Он... задавил кошку. Я была свидетельницей. Видела его за рулем. Возмущенные хозяева требуют заплатить за ущерб.

– Ну, это они зря, – протянул старик. – Ни черта он им не заплатит.

Пунцовая Женя подумала, что в последние дни врет без прорыва. Раньше у нее даже поводов не было придумывать невзгод. И, главное, как ловко из нее выскакивают враки! Она даже не подозревала в себе таких способностей.

«Итак, стоматолог Хрюкин, – мысленно поздравила себя Женя. – Представляю, как его, бедняжку, дразнили в школе». Именно с этим Хрюкиным произошел когда-то у Яны крупный разговор. И кто-то их в момент выяснения отношений сфотографировал. Да, но давно ли это было? И имеет ли отношение фотография к теперешним событиям? Женю распирало желание это проверить. Вот только как?

На пороге дома ее встретила экономка. Поскольку ее глазки возбужденно блестели, Женя поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Евгения, вы очень кстати. К вам пришли, – выпалила Ирма Гавриловна, часто дыша.

– Ко мне?! – Женя так удивилась, что даже отступила на несколько шагов назад. – А кто?

– Какой-то молодой человек.

«Ну, конечно, это Венька Лаптев! – решила Женя. – Только почему он приехал прямо сюда? Первый раз в жизни. Вероятно, что-то случилось». Подавив внешние признаки волнения, она торопливо вошла в холл вслед за экономкой, которая сказала: «Вон он!» – таким тоном, будто речь шла о мерзейшем из земных созданий, которое следовало немедленно уничтожить.

На небольшом диванчике, обитом светлой кожей, сидел незнакомый Жене молодой человек бандитского вида и поигрывал золотым перстнем, надетым на толстый палец. Правда, перстнем его личный золотой запас не ограничивался. На запястье поблескивал массивный браслет, а в вырезе рубашки виднелась жирная, словно змея, цепочка.

– Вы ко мне? – пискнула Женя, не смея прогнать экономку, застывшую за спиной.

Вместо нее это сделал незнакомец. Завидев Женю, он резко поднялся на ноги и, махнув рукой в сторону Ирмы Гавриловны, сказал:

– Свободна, тетя!

И, уже обращаясь к Жене, расплылся в идиотской улыбке:

– Здравсте. Я Петр, секете?

Поняв, что Женя явно «не секет», он пошевелил бровями и пояснил:

– Ну, это, Петр. Скобкин. Ирка сказала, вам надо подсобить.

– Но я даже не знаю... – испугалась Женя. – Сейчас еще ничего не требуется.

В этот момент мимо них с высоко задраным подбородком, чеканя шаг, прошла Ирма Гавриловна, всем своим видом выражая презрение слуги богатых хозяев к негодному посетителю.

– Выйдем, покалякаем, – предложил Скобкин, махнув рукой в направлении двери. – А то у вас тут людно.

Жене ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Они вышли из дома и по мощеной дорожке прошли на дорогу. Здесь и Женя, и Скобкин почувствовали себя гораздо спокойнее.

– У меня сегодня свободный денек выдался, – пояснил он, доставая из кармана мятую пачку сигарет. – Я курну, ты не против?

– Курите, пожалуйста, – писклявым голосом разрешила Женя.

Черт знает что! Общаться с мужчиной, да еще распорядиться им – такого с ней не приключалось даже во сне.

– Ты гляди не стесняйся, – заявил между тем добрый Скобкин. – Если надо чего расследовать, я подстрахую. Пушку с собой взял, так что все в ажуре.

В то время как он говорил, мимо них на приличной скорости пронесся серебристо-серый автомобиль, закидав обочину градом мелких камней. Женя успела разглядеть лысину шофера, обрамленную довольно длинными всклокоченными волосами. Ни с кем его не спутаешь. Хрюкин! «А что, если пойти ва-банк? – внезапно подумала она, воодушевленная присутствием Скобкина с пистолетом. – Напугать этого Хрюкина лобовой атакой? Он наверняка даже не подозревает о том, что кому-то стало известно о его связи с Яном. Я постучу, потом смело пройду в дом и потребую объяснений. Скобкин останется на шухере. Если Хрюкин накинется на меня, он придет на помощь».

Свой план она сбивчиво изложила брату новой подруги. Выслушав ее, тот хмыкнул и сказал:

– А пошли!

* * *

Между тем в доме Хрюкина поднялся настоящий переполох.

– Муж приехал! – сдавленно крикнула жена стоматолога, Маргарита Хрюкина. Это была красивая шатенка с глазами азиатского разреза и большим чувственным ртом, алчущим поцелуев. Мужчины пачками сходили от нее с ума. Если бы Маргарита была крепостью, желающих сидеть в осаде набралась бы целая армия. Однако, чтобы завоевать бла-

госклонность красавицы, никаких особых усилий не требовалось. Сам стоматолог Хрюкин был всего лишь вывеской, призванной облагородить тот проходной двор, который Маргарита устроила из своей спальни. Однако вывеска время от времени воображала себя человеком и поднимала бунт.

– У моего мужа кризис среднего возраста, – объясняла своим любовникам, застигнутым на месте преступления, Маргарита, когда в их обнаженные торсы летели горшки с геранью или вазы чешского стекла, запущенные рукой Хрюкина и разбивавшиеся на великолепные цветные куски.

Сегодня в спальне Маргариты застряло лицо итальянской национальности, которое плохо понимало по-русски, но компенсировало этот недостаток южной необузданностью. Слова «муж приехал» для него ничего не значили.

– Муж! – повторила Маргарита, изобразив указательными пальцами над головой маленькие рога. – То самое чудовище, из-за которого я так страдаю! Вставай, Лоренцио, тебе надо бежать!

В этот момент на туалетном столике ожил телефон. Звонок его был так же пронзителен, как голос хозяйки. Недолго думая, Маргарита схватила трубку.

– Алло! – закричала она таким тоном, будто тушила пожар, а какие-то негодяи отвлекли ее от благородной миссии.

– Дорогусечка! – Низкий взволнованный голос влился прямо из трубки в нежное ухо Маргариты.

– Ты не вовремя! – рявкнула та. – Оставь меня в покое,

Леонид!

– Не могу! – простонал невидимый Леонид. – Моя жена все знает! Она отправилась к тебе!

– Только этого не хватало! – Маргарита закатила глаза. – Муж приехал раньше, чем я предполагала. Если твоя благоверная налетит на него, будет вселенский скандал! И тогда мы не сможем больше встречаться!

– Нет, только не это! – вскрикнул Леонид.

– Ты должен был остановить ее! – попеняла ему Маргарита.

– Как?! Это ведь фурия! Это ураган! Это... это цунами!

– Ты говорил, что она маленькая и тощая, как глист.

– Это правда! Вся ее мощь заключена в бешеном нраве!

– Ладно, попробую ее напугать! – крикнула Маргарита и, бросив трубку, обернулась к итальянцу, который совершенно не владел ситуацией.

– Лоренцио! Ты полный кретин! – сказала она.

– Си! – ответил тот и широко улыбнулся.

– А как можно объяснить полному кретину, что ему необходимо вылезти в окно?

Между тем хозяин дома, потерявший массу времени на открывание и закрывание ворот, загнал машину в гараж и появился на крыльце. Едва он поднял руку, чтобы толкнуть дверь, как зазвонил мобильный телефон, прицепленный к его поясу.

– Да! – коротко бросил Хрюкин, у которого сегодня вы-

дался весьма неудачный день. – Слушаю вас, говорите!

– Ах, Пал Семенович! – проворковал сдобный женский голос так нежно и одновременно страстно, словно задался целью соблазнить Хрюкина прямо по телефону. – Какживаете?

– М-м... Неплохо, – соврал тот и замер, ожидая продолжения.

– Моя дочь уже приехала к вам?

Хрюкин хлопнул себя ладонью по лбу и выругался одними губами. Он совершенно забыл про пациентку, которая требовала особого подхода и намеревалась терзать его прямо на дому.

– Еще нет, – коротко ответил он, кое-как совладав с эмоциями.

– Не забудьте, что мое солнышко чрезвычайно впечатлительно. Она станет отвлекать вас разговорами, придумывать всевозможные уловки и отговорки. Может сказать, что ее тошнит и кружится голова. Вы не должны обращать на это внимания!

– Не буду! – пообещал Хрюкин.

– Тогда хорошо. И смотрите, не напугайте ее своей бормашиной. Сделайте все так, как мы и договаривались. Заговорите ей зубы!

Отключившись, Хрюкин топнул ногой.

– Разве я чертов заклинатель? – рявкнул он, адресуясь, вероятно, к мировому пространству. – Я стоматолог! Я лечу

зубы, а не заговариваю их!

Через дорогу от дома Хрюкина начинались кукурузные поля. Залегший среди молодой кукурузы Скобкин в этот самый момент толкнул Женю в спину, чтобы придать ей необходимое ускорение. Она перебежала через шоссе, отворила резную калитку и оказалась прямо за спиной рассерженного стоматолога. Упасть в обморок ей не давала лишь мысль о благородстве собственной миссии. Внутренне она была полна решимости идти в атаку. Оставалось только разлепить склеившиеся от страха губы и прочистить горло.

Обернувшись на шум, Хрюкин увидел Женю, бледную словно привидение, и, решив, что это и есть та самая трусливая пациентка, о которой только что шла речь, широко улыбнулся. Сделал он это молниеносно, и со стороны казалось, будто улыбку со всего маху прилепили на его лицо.

Сказать по правде, Хрюкин был сегодня совершенно не в настроении заниматься частной практикой, однако за один вылеченный зуб своей доченьки мамаша обещала заплатить немислимые деньги. Кроме того, у самой мамашы рот был девственно нетронут и сулил Хрюкину хороший заработок. И это обстоятельство никак нельзя было сбрасывать со счетов.

– Здравствуйте! – сказал он со зловещей, как показалось Жене, ухмылкой, подскочил к ней и запер калитку. – А я вас жду.

Увидев, что при этих его словах Женя отшатнулась, он,

крепко схватив ее за локоть, стал заталкивать ее в дом.

«Он меня ждал! – в ужасе подумала Женя. – Значит, он следил за мной! Я для него нежеланный свидетель. Наверное, он хочет меня убить».

– Не троньте меня! – закричала Женя, и Петя Скобкин, оставшийся в кукурузе, мгновенно насторожился.

Захлопнув за собой дверь, Хрюкин запер ее на ключ, а ключ опустил в карман брюк. Тяжело дыша, Женя с ужасом смотрела на него.

– Вы думаете, это больно? – спросил Хрюкин, изо всех сил стараясь выглядеть добрым. – Ошибаетесь! Я сделаю все нежно, как мама.

– Меня тошнит, – сказала Женя, трясась всем телом.

«Начинается!» – подумал Хрюкин. Женя же подумала совсем о другом. Черт дернул придумать такую глупость! Как Скобкин узнает, что ее убивают? И вообще, как он попадет в эту крепость со своим пистолетом? Было только одно средство дать ему знать о своих неприятностях – поднять шум до небес. Может, разбить окно? Но все окна в пределах видимости были зарешечены. Значит, придется визжать. И чем громче, тем лучше. Однако, прежде чем начинать визжать, надо все-таки хоть что-то выяснить. Заставить Хрюкина признаться, шокировав его.

– За что вы убили моего двоюродного брата? – спросила она, в упор глядя на стоматолога.

Хрюкин, намеревавшийся пригласить Женю в кабинет

и уже открывший было для этого рот, от неожиданности лязгнул челюстью. Ему потребовалась целая минута, чтобы вновь обрести дар речи.

– Пардон! – возмутился он, когда наконец смог заговорить. – Я? Кого-то убил?

– У меня есть доказательства! – крикнула Женя и, достав из кармашка фотографию, сунула Хрюкину под нос.

Увидев снимок, хозяин дома тотчас же исполнился негодования.

– Мерзавец! – воскликнул он. – Так это и есть ваш двоюродный брат, чтоб ему пусто было?

Фотографию сделала Маргарита два месяца назад из окна своей спальни. После этого она размахивала ею перед Яном, приговаривая: «Да ты настоящий лев! Гляди, какой грозный! Как ты накинулся на него!» Это было после того, как Хрюкин столкнулся с запутавшимся в шелковых простынях Яном лицом к лицу в спальне неверной супруги. Поскольку Ян и Хрюкин были знакомы, сцена ревности получилась особенно отвратительной. После урагана, разнесшего полдома, Маргарита целых десять дней хранила верность супругу. Занятие это оказалось страшно утомительным, и теперь она изо всех сил старалась наверстать упущенное.

Женя тем временем решила, что пришло время блефовать:

– У меня есть сведения, что в понедельник вечером Ян вошел в этот дом и не вышел из него! – выкрикнула она.

– Если он не вышел, это означает только одно: что моя жена замучила его до смерти! – сообщил Хрюкин, ревность которого со временем не уменьшалась, а только закалялась в битвах. – У нее, у нее надо спрашивать! Маргарита! – завопил он.

Между тем Маргарите ценой огромных усилий удалось запихнуть Лоренцио в шкаф. Он ни за что не хотел лезть в окно и дико хохотал, когда она толкала его в спину, думая, что это такая игра. В шкаф, впрочем, он тоже лезть не желал.

– Не понимаю, почему ты сопротивляешься! – злилась Маргарита. – Шкаф раздвижной, в нем просторно и прохладно!

В конце концов она победила, и Лоренцио оказался, где и было задумано. Засунув туда же упаковку пива и пакет чипсов, Маргарита сдула с лица влажный локон и побежала вниз. Еще на лестнице она услышала крики мужа и вторящий им женский голос.

«Эта ведьма уже здесь! – ахнула про себя Маргарита, полагая, что в гостиной находится не кто иной, как жена Леонида. – Сейчас муженек снова примется колотить дорогие вазы. Мне тоже достанется». Однажды Хрюкин в неистовстве засветил супруге кулаком в глаз. В знак протеста Маргарита носила синяк целых две недели – придавая ему при помощи фиолетовых теней особо угрожающие размеры и очертания.

– Салют! – сказала она, влетая в гостиную. – Что за крики, что за шум?

Сказать по правде, сейчас Маргарите ужасно не хотелось скандалить. Ей казалось пошлым разбираться с женой одного любовника, когда ее постель еще хранила очертания тела другого. Но, увидев Женю, глаза которой горели фанатичным блеском, она поняла, что малой кровью не обойтись.

– Не понимаю, зачем вы нагрязнули! – воскликнула Маргарита, делано всплеснув руками. – Между ним и мною все давно кончено.

– Он не вернулся домой, – сказала Женя, вперив пытливый взгляд в жену стоматолога.

– О господи, только этого мне не хватало! – простонала Маргарита.

– Куда он делся из вашей спальни? – холодно поинтересовалась Женя.

– Куда делся? В окно, естественно. В окно! – выкрикнула Маргарита.

– Он сорвался вниз? – спросила Женя. – И разбился?

– Разбился! Черта с два! – рассвирепела та. – Он мне только что звонил!

– Ян?! – воскликнула изумленная Женя.

– Ян?! – эхом повторила за ней Маргарита с той же самой интонацией.

Хрюкин, проявив необыкновенную проницательность, первым сообразил, что его супруга запуталась в своих любовниках.

– Эта девица утверждает, что Ян Ярославский не выходил

из нашего дома с самого понедельника! – с нехорошей извилистой улыбкой поведал он жене причину появления Жени в их гостиной.

– Ян Ярославский? – продолжала удивляться та, пытаясь поскорее сообразить, что, собственно, происходит.

* * *

В доме Ярославских тем временем была объявлена тревога. Ирма Гавриловна, потрясенная до глубины души обращением с собой мужлана, незадолго до этого явившегося в дом, позвонила Георгию Николаевичу и обо всем ему доложила, объяснив свое наущничество, естественно, беспокойством о Жене, которая, как ей кажется, могла связаться с плохой компанией.

Старший Ярославский дал отмашку Карпенко, который уже через двадцать минут был на месте и отправился по следу парочки, ушедшей в сторону кукурузного поля. Их видел садовник, их видела старуха молочница, их видел пацан, катающийся на велосипеде. Не приложив особых усилий, Карпенко вскоре уверился в том, что Женя находится внутри дома с узорчатым кирпичным забором.

Прежде чем принимать какие бы то ни было решения, Карпенко обычно подсматривал и подслушивал. Поэтому вместо того, чтобы позвонить в звонок, он отправился в обход особняка, чтобы посмотреть, можно ли незаметно по-

пасть внутрь. С тыла особняк был защищен естественным образом, и неприступный забор заканчивался на краю обрыва.

Бесстрашный Карпенко, улегшись на живот и цепляясь ловкими руками за камни и цветы, начал пробираться к задней стене. В какой-то момент ему показалось, что он не первый проделывает этот путь, – на глаза ему попадались пучки травы, вырванные с корнем, и следы пальцев, скребших грунт. Причем вывороченная земля была совсем свежей. Откуда он мог знать, что буквально за пять минут до него здесь прополз Петя Скобкин?

Окна первого этажа были зарешечены, поэтому ни Скобкину, ни следовавшему за ним по пятам Карпенко ничего не оставалось, как лезть на второй. Благо вся стена была увита плющом, который романтически настроенная Маргарита частенько предлагала использовать своим любовникам в качестве веревочной лестницы.

Первым в спальню Маргариты попал Скобкин. Замерев на месте, он достал пистолет и огляделся по сторонам. На первый взгляд в спальне никого не было. Впрочем, из шкафа раздавались ужасно странные звуки. Конечно, Скобкин не мог знать, что внутри сидит Лоренцио и поедает чипсы.

Простояв на месте достаточно долгое время и определив источник звука, он подкрался к шкафу и уже протянул руку, чтобы пустить дверцу вбок по желобку, когда услышал возню и чье-то натужное пыхтение под окном. Мысленно за-

метавшись, Скобкин рванул на себя маленькую дверцу в углу и очутился в кладовке, где Маргарита хранила уют, гладильную доску, фен и множество всякой всячины. С трудом втиснувшись внутрь, Скобкин затаил дыхание и услышал, как кто-то легко спрыгнул на пол комнаты с подоконника.

Тем временем внизу в гостиной супруги Хрюкины, позабыв о Жене, всюю выясняли отношения. Скандал вошел в ту фазу, когда в ход шла тяжелая артиллерия.

– Ты довела меня до такого состояния, что я был бы рад одному твоему любовнику! Но только одному! – вопил Хрюкин, размахивая руками перед носом жены. – У тебя же их десятки, сотни! Это какой-то дурдом! К нам уже стали приходить люди в поисках своих родственников, пропавших в твоей спальне!

– Моя спальня – не Бермудский треугольник! – кричала в ответ Маргарита, топая ногой в домашней туфле с помпоном. – Ты бесчувственный человек, Хрюкин! Ты просто глыба льда! Ты айсберг! Ты не в состоянии согреть мою постель!

– И именно поэтому там без конца оказываются горячие мужчины?!

Хозяин дома схватил со столика хрустальное блюдо и поднял его у себя над головой.

– Только посмей, обглоданная кочерыжка! – закричала Маргарита. – Я верна тебе, глупец!

– Ты?! Верна?!

– По мере сил!

– Ненадолго же хватает твоих сил!

– Клянусь, ты ошибаешься! – выкрикнула Маргарита уже более жалобно и потянула на себя блюдо. – Отдай, ушибешь ноги.

– Пусть! – едва не разрыдался безутешный Хрюкин. – Пока я надрываю живот на работе, в твоей спальне, словно тараканы, кишат любовники!

– Там никого нет! – с подкупающей искренностью соврала Маргарита. – Я весь день скучала одна. А ты, вместо того чтобы прийти и приласкать меня, хватаешься за хрусталь!

– Я не верю, что там никого нет! – с надрывом сказал обманутый стоматолог. – Убежден, что какой-нибудь бугай уже продалил новый матрас своей игривой задницей! Я вот сейчас поднимусь туда и посмотрю сам!

Он метнулся к ореховому комоду, рывком вытащил на себя ящик и выхватил оттуда маленький, но, без сомнения, настоящий пистолет. Подняв его дулом вверх, он, повеселев, скомандовал:

– Теперь все наверх! Будем веселиться!

– Я не хочу при этом присутствовать! – воскликнула Маргарита, проявляя слабые признаки беспокойства. И, повернувшись к Жене, пояснила: – Сейчас он примется раскидывать подушки и крушить мебель, а я этого не выношу. Отдай мне ключ от входной двери! – обратилась она к мужу.

Мстительно улыбаясь, тот достал из кармана брюк связку ключей и бросил ей. Маргарита метнулась к двери, потом к

калитке и, открыв ее, нос к носу столкнулась с женой Леонида.

– Вы кто такая? – растерянно спросила она, пятясь.

Как и предрекал Леонид, его жена ураганом ворвалась в гостиную, но, увидев испуганную Женю и растрепанного Хрюкина с пистолетом на изготовку, прямо на ходу потеряла скорость.

Маргарита вбежала следом.

– Кого-то ищете? – задорно поинтересовался Хрюкин, бочком подвигаясь к ней. – Хотите сказать, что тоже потеряли в нашей спальне своего родственничка, а?

– Мужа, – сообщил ураган, быстро переходя в просто порывистый ветер. – Леонида.

– Леонида! – Хрюкин всплеснул рукой с зажатым в ней пистолетом, и все присутствующие как по команде отшатнулись от него. – Что ж, будем искать!

Он вихрем взлетел по лестнице на второй этаж, а женщины, мелко семеня, побежали за ним, словно жены за разгневанным султаном. Распахнув дверь спальни, Хрюкин ворвался внутрь и безумными глазами оглядел интерьер.

– Ха-ха! – крикнул он, указывая дулом на шкаф. – Вот то место, которое интересует меня больше всего!

– Дорогой, перестань! – гневаясь, закричала Маргарита и вцепилась всеми десятью пальцами в ту руку Хрюкина, которой он сжимал оружие. – Это просто глупо.

Лоренцио, сожравший к тому времени все чипсы и запив-

ший их пивом, громко рыгнул в шкафу.

– Я же говорил, там кто-то есть! – Хрюкин залился радостным смехом и, подскочив к шкафу, оттолкнул дверцу.

Мягко отъехав в сторону, она явила взорам всех присутствующих обнаженного итальянца, прикрывающего чресла пустой банкой из-под пива.

– Ну что? – спросил Хрюкин, оборачиваясь к жене Леонида. – Это он? Леонид?

– Нет, – ответила та, нервно облизывая губы. – Этого я не знаю.

– Тогда можно его пристрелить, – решил Хрюкин, целясь Лоренцио в лоб. Поскольку тот никак не отреагировал на столь угрожающий жест, Хрюкин дополнительно заинтересовался: – Ты готов к тому, чтобы умереть?

– Си! – сказал Лоренцио и рыгнул еще раз.

– Ладно, хрен с тобой! – внезапно смилостивился Хрюкин. – Живи покуда. – Он одним резким движением задвинул дверцу шкафа обратно. – Что ж, значит, Леонид где-то в другом месте.

– Ты сказал, что одного любовника мне простишь! – тут же нашлась Маргарита. – Тем более что он очень важный иностранец и у него дипломатическая неприкосновенность. Кроме того, Лоренцио у меня один. Можешь больше не искать!

– Неужели? – Хрюкин уже вошел в азарт и не собирался сдаваться.

Маргарита, наивно полагавшая, что, кроме Лоренцио, ей больше ничто не грозит, сложила руки на груди и состроила презрительную гримаску.

– Значит, говорите, ваш муж не пришел домой? – пробормотал стоматолог, озираясь. – Посмотрим, где он мог задержаться!

Хрюкин подскочил к кладовке и дернул на себя дверь. Немедленно взглядам всех присутствующих предстал Петя Скобкин, сидящий в скрюченном виде на пуфике Маргариты. В одной руке у него был утюг, в другой – пистолет, причем размером гораздо больше хрюкинского.

– Ну че, народ, может, обойдемся без стрельбы? – предложил Петя примирительным тоном.

Маргарита изумленно вскрикнула, Женя зажала рот ладонью, а Хрюкин, ничуть не испугавшись, спросил, адресуясь, как повелось, к жене Леонида:

– Ну что? Это ваш благоверный?

– Нет, это тоже не он, – жалобно проблеяла та, отчаянно жалея, что ей вообще пришла в голову идея ревновать и ехать домой к любовнице мужа.

– Это... Это мой друг, – робко сказала Женя и встала так, чтобы защитить собой Скобкина.

– Посмотри, что ты сделала с бедной девушкой! – с укоризной сказал Хрюкин, обернувшись к онемевшей жене. – Сначала двоюродный брат, потом друг...

– При чем здесь я? – возмутилась Маргарита.

– Разве это не твоя спальня?

В словах Хрюкина определенно был резон, поэтому его жена воздержалась от возражений. Между тем Лоренцио надоело сидеть в шкафу. За неимением другой одежды он набросил на себя женский халат и стал корябать дверцу. Только отодвинул он ее не вправо, как это делал Хрюкин, а влево. Благодаря чему глазам изумленной публики явился Карпенко, заполнивший собой всю крайнюю секцию шкафа. В отличие от Скобкина, он не доставал оружия, решив, что это ни к чему хорошему не приведет.

– Здравсте! – сказал Карпенко, совершенно не представляя, как себя вести. Судя по тому, что он слышал, стрелять в потолок не имело никакого смысла.

– Костя! – воскликнула Женя, вытаращив глаза. – Что ты здесь делаешь?!

– Хороший вопрос! – громко, но как-то нехорошо рассмеялся Хрюкин. – Что ты здесь делаешь? А ты что здесь делаешь? – спросил он, обращаясь к лупающему глазами Лоренцио. После чего резво повернулся к Скобкину: – А ты?

Маргарита, все это время усердно морщившая лоб, неожиданно произнесла:

– Мне кажется, это воры.

– Отличная мысль! – обрадовался Хрюкин. – Лицо с дипломатической неприкосновенностью плюс шайка из дома Ярославского!

В этот момент позвонили в дверь.

– О! Кто-то еще пришел на поиски. Возможно, у этой спальни гораздо больший резерв, чем я предполагал! – воскликнул Хрюкин и скомандовал: – За мной!

Почему-то все сразу послушались и последовали за ним. Так что пациентка, которая до обморока боялась бормашины, увидела всю ораву разом. Взвинченного и растрепанного Хрюкина с красными глазами и дикой улыбкой на лице, мрачную Маргариту, пришибленную жену Леонида, ошалевшую Женю, сосредоточенного Карпенко, Лоренцио в женском халате, из-под которого сверкали кривые голые ноги, и в довершение всего Скобкина с утюгом в одной руке и большим пистолетом в другой.

– Здра-а-а-вствуйте! – радостно закричал Хрюкин. – Заходите, пожалуйста! И не бойтесь! Ничего страшного с вами здесь не случится.

– Это вы доктор? – спросила девица, от удивления позабывшая обо всех своих страхах.

– Я, я доктор. Пользую пациентов прямо на дому. У меня и бормашина есть! – Он показал в сторону кабинета рукой, в которой был зажат пистолет. – Она не страшная! Вы заходите, не стесняйтесь!

Трусливая пациентка переступила порог и словно сомнамбула направилась к двери, ведущей на второй этаж.

– Нет, в спальню не надо! – сказал Хрюкин и, понизив голос, пояснил: – Там, знаете ли, небезопасно. Люди там появляются и исчезают словно привидения. Причем совершенно

бесконтрольно.

– Я, пожалуй, зайду в следующий раз, – пробормотала пациентка, отступая к выходу. – Мне что-то нехорошо.

– А кому тут хорошо? – не пожелал войти в ее положение Хрюкин. – Раз пришли, вам отсюда дороги назад нет. Я вас обязательно вылечу!

Пока стоматолог препирался с девицей, толпа в гостиной начала потихоньку рассасываться. Первой в приоткрытую дверь просочилась жена Леонида, затем Карпенко со Скобкиным. Шествие замыкала Женя. Рядом с Маргаритой остался один Лоренцио в ее расписанном вручную шелковым халате.

– Почему ты до сих пор здесь? – с мученическим видом вопрошала Маргарита любовника, толкая его двумя ладонями в грудь. – Ты выглядишь круглым дураком, ты понимаешь это?

– Си! – отвечал Лоренцио, и это было последнее, что слышала Женя, закрывая за собой дверь.

* * *

Женя довольно долго простояла пнем на краю кукурузного поля, пока Карпенко и Скобкин вели между собою мирные переговоры. Чувствовала она себя в данный момент прескверно. Неужели это она устроила весь тот тарарам, который происходил в доме Хрюкина? И что самое обидное,

устроила его совершенно напрасно. Судя по всему, Ян после той знаменательной стычки со стоматологом больше с его женой не встречался. По крайней мере, наличие в спальне Маргариты Лоренцио и возмущенной жены Леонида говорило в пользу этой версии.

Удовлетворенный объяснениями, Карпенко наконец ушел, а Скобкин со скорбной физиономией объяснил Женю:

– Я ему сказал, что у нас... того... отношения...

– Что вы говорите? – пискнула Женя, не зная, что на это ответить.

– Да. Ты вроде как пошла к врачу зуб лечить, а я вроде как приревновал и отправился следом.

– Приревновал к стоматологу?!

– А че? Он богатый. И сосед к тому же.

– И Карпенко поверил?

– А что ему оставалось делать? Ты же видела этот карнавал! Он сыграл нам на руку. В общем, вот тебе телефон моего мобильного, звони, как только понадобится.

– Спасибо, – весьма неуверенно пробормотала Женя. Она очень надеялась, что не попадет в ситуацию, когда ей снова понадобится Скобкин со своим большим пистолетом.

– Да чего там! Меня ведь Ирка просила. Младшая сестра!

Входя в дом, Женя была натянута как струна. Доносчица Пыгова демонстративно пронесла мимо нее поднос с фруктами и стаканом кефира, ничего при этом не сказав. Выходя из Жениной спальни, она захлопнула дверь прямо перед ее

НОСОМ.

– Благодарю вас, Ирма Гавриловна, – вздохнула Женя.

– Не за что, не за что, – пропела экономка. – У вас, Евгения, теперь новая, интересная жизнь. Надо поддерживать силы. Вечером я принесу еще порцию провизии. Кстати, когда начнете перекусывать, не забудьте, что через пятнадцать минут обед.

К счастью, за обедом дядя ничего не сказал Жене по поводу ее сегодняшних приключений. Возможно, Карпенко вообще не докладывал ему подробностей происшедшего. Хотя Ирма Гавриловна так и шныряла вокруг стола, надеясь стать свидетельницей нагоняя, который дяде полагалось было задать племяннице за дружбу с ужасным Скобкиным.

Не прошло и получаса после обеда, как нервы Ирмы Гавриловны были в очередной раз травмированы, а любопытство понапрасну раззадорено. Телефон в холле внезапно зазвонил – громко и требовательно. Поспешив к аппарату, она схватила трубку и услышала незнакомый женский голос, который сказал:

– Позовите... э-э-э... сестру Яна Ярославского.

– Ждите, – ледяным голосом сказала экономка и неспешно отправилась на второй этаж.

– Вас к телефону, Евгения, – объявила она с обвиняющей интонацией, распахнув без стука дверь Жениной комнаты.

– Кто? – невольно спросила та.

– Как мне кажется, это похитители Яна. Почему-то они

хотят поговорить именно с вами.

Женя на ватных ногах спустилась вниз и схватила трубку основательно вспотевшей ладонью. Она подумала, что звонят не похитители Яна, а те люди, которые ее шантажируют.

– Алло? – спросила она, стараясь дышать не слишком шумно. – Кто говорит?

– Это Маргарита Хрюкина, – сообщила трубка задушенным голосом. Судя по всему, жена стоматолога тщательно прикрывала ее ладонью. – Я вот что хотела сказать... По поводу Яна. Я действительно видела его в понедельник. Кажется, это вас так сильно интересовало...

Сердце Жени забилось с удвоенной скоростью. Если Ян пропал не по дороге домой, а прямо здесь, в поселке, круг поисков значительно сужался. Однако Маргарита следующей фразой остудила ее пыл.

– Я видела его в Москве, возле супермаркета. Не знаю, как называется эта улица, но могу подробно объяснить, как туда добраться.

Она громким шепотом описала место, где встретила тогда Яна.

– Было около восьми вечера, – добавила Маргарита. – Я посмотрела на свои часики. Примерно без пяти – без шести минут восемь.

– О чем вы с ним разговаривали? – отважилась спросить Женя.

– А кто вам сказал, что мы вообще разговаривали? Я к

нему даже не подошла. Я как раз ловила машину на другой стороне дороги. И мне было не до него. Я... Я была с другим человеком.

– А этот другой человек тоже видел Яна? – на всякий случай поинтересовалась Женя.

– Возможно, видел. Но он ведь не знает его в лицо! Кроме того, он не говорит по-русски, – многозначительно добавила она.

Значит, Маргарита была с Лоренцио! А от него без переводчика, кроме «си», и впрямь ничего не добьешься. Обидно, конечно. Впрочем, грех сетовать. Какая-никакая, а это все-таки информация. Новая информация! Такой, пожалуй, нет даже у Карпенко.

– Я очень вам благодарна за звонок, – искренне сказала Женя. – Возможно, это поможет в поисках. Я просто уверена, что поможет.

– Ян мне очень нравился, – призналась Маргарита. – Хотя в последнее время мы стали уставать друг от друга.

Женя не нашлась, что на это ответить, и, еще раз поблагодарив Маргариту, положила трубку на место.

– Надо было поставить телефон на прослушивание, – заявила Ирма Гавриловна, проходя мимо Жени в кухню. – Я говорила этим людям из милиции, но они заявили, что требований выкупа не будет. Якобы для таких требований уже слишком поздно.

– Это не требование выкупа, – поспешила разуверить ее

Женя. – Это частный звонок. Он совершенно не касается денег, понимаете?

– Понимаю, – зловещим тоном сказала Ирма Гавриловна. – Я все понимаю... И гораздо лучше, чем вы полагаете, Евгения.

Женя поторопилась уединиться в спальне, чтобы переварить информацию, полученную от Маргариты.

Итак, если Маргарита не врет, она была последней, кто видел Яна в роковой понедельник. Ян стоял рядом со своей машиной, припаркованной на стоянке возле супермаркета. Или собирался садиться и уезжать, или только приехал – Маргарита не поняла. Единственное, что она могла сказать, что Ян с кем-то встречался там. Или кто-то подждал его, или он с кем-то прощался. Маргарита уверяет, что он улыбнулся и махнул рукой, глядя в сторону магазина. Ей очень хотелось узнать, кто это, но тут подъехала машина, и у нее не осталось на это времени.

Ян был в той же одежде, в какой уехал из офиса. После долгого допроса следователя Женя могла с точностью до минуты воспроизвести свои действия во второй половине дня понедельника. Она без колебаний подписала собственные показания, в которых говорилось, что Ян ушел с работы в половине восьмого. Хоть Женя редко раскатывала по городу в машине, да и то, если удавалось, в качестве пассажира, было ясно, что Ян из офиса сразу же отправился к тому самому супермаркету, о котором говорила Маргарита. Наверное,

там должно было состояться свидание. Женя еще раз напомнила себе, что Ян – очень эффектный мужчина и поклонник у него наверняка целая дюжина. Кроме того, вряд ли он назначил возле магазина именно деловую встречу. Нет-нет, конечно, личную.

«Надо будет съездить туда и сориентироваться на месте», – подумала Женя и запланировала поездку на завтрашнее утро. На сегодня и так было достаточно переживаний. Заодно она решила захватить с собой видеокассеты, зайти в первый подвернувшийся видеопрокат и спросить, могут ли там определить их принадлежность. В самом деле, допустим, ее муж уехал в командировку и забыл вернуть взятые фильмы. И ей не хочется платить за каждый день просрочки – ведь получится огромная сумма! А она не знает, в каком прокате муж брал кассеты.

Женя усмехнулась. Муж! Муж был для нее сплошной абстракцией. Она никогда не примеряла к себе эту абстракцию, даже в самых смелых мечтах. Так уж получилось, что в своей жизни она не нравилась никому – ни молодым мужчинам, ни старым, ни симпатичным, ни страшным, ни высоким, ни низким. Никто никогда за ней не ухаживал, не приглашал на свидания и даже не звонил по телефону просто так. Женя – страшно сказать! – ни разу не целовалась с парнем. Веня Лаптев с самого детства был только другом, и ничего, кроме дружбы, ему в голову не приходило.

Ночью Жене приснился странный сон. Будто Ира Скобки-

на сидит в рабочем кресле Яна и, грозя ей пальцем, повторяет голосом экономки:

– Люди часто лгут, Евгения, не забывай этого. Зачем тебе позвонила Маргарита? Вероятно, она преследовала какую-то цель! Не верь никому на слово!

Проснувшись на рассвете, Женя никак не могла прогнать назойливое видение. Может, это был вещий сон? И Маргарите Хрюкиной действительно не стоит верить? Что, если она придумала всю эту историю с Яном, которого она якобы видела возле супермаркета? Придумала для того, чтобы отвести от себя подозрения, а на самом деле это именно она встречалась с Яном в понедельник.

Женя не знала, что делать. Верить Маргарите или нет? Ехать в центр города к супермаркету или же остаться в поселке и следить за домом Хрюкиных? Честно говоря, ее мало прельщала перспектива пролежать полдня в кукурузе, поэтому она остановилась на первом варианте.

* * *

Прежде чем отправиться на описанное Маргаритой место, Женя решила заехать к Лаптеву на работу. После посещения ресторана они не виделись и не разговаривали. Веня вряд ли переживал по этому поводу. Он обладал потрясающей способностью выключаться из жизни, стоило только показать ему светящийся монитор. Однако Жене казалось, что будет

некрасиво, если она, втянув Веню в расследование, не расскажет ему о том, как развивались события дальше.

– Что ты надеешься найти возле этого супермаркета? – скептически спросил Лаптев, после того как Женя сообщила ему последние новости.

– Не знаю, мало ли. Может быть, там платная стоянка и служащий запомнил автомобиль Яна. Или там есть киоск, торгующий сигаретами, а в нем работает любопытная девушка, которая обращает внимание на всех симпатичных мужчин, появляющихся в поле ее зрения. Я просто хочу посмотреть.

– А в пакете у тебя что? – поинтересовался подозрительный Лаптев. – Надеюсь, ты не стащила из дому какой-нибудь пугач, чтобы чувствовать себя крутой?

– Нет, там видеокассеты. – Женя потрясла пакетом в воздухе. – Правда, я не слишком хорошо представляю себе, что с ними делать...

– А когда ты снова встретишься со Скобкиной? – перебил ее Веня, напряженно глядя прямо перед собой. – Вы ведь договорились о следующей встрече?

– Ну... Как тебе сказать... У Иры сейчас гастроли.

– Так она уехала из Москвы?

– Да нет, она разъезжает со своими музыкантами по подмосковным Домам культуры. Такое турне местного масштаба. Я оставила ей дядин телефон, а она мне свой.

– Дай посмотреть!

– Веня, ты что, втюрился в эту девушку? Она ведь любит Яна!

– И пусть себе. Я, может, просто хочу с ней поболтать.

– Я от тебя этого не ожидала.

– Тебе-то что? – обиженно спросил Веня. – Если даже я ей позвоню, мир не разлетится на кусочки. Правда ведь? Чего ты надулась?

– Ян – мой двоюродный брат. Я не хочу, чтобы кто-то отбил у него девушку в столь трагический момент его жизни.

– Ладно, уговорила, не буду звонить, – махнул рукой Лаптев. – Тем более что я не уверен, захочет ли прима со мной разговаривать.

– Не думай, что она вся из себя! – бросилась защищать Скобкину Женя. – Она, наоборот, своя в доску.

– Кстати, могу дать тебе бесплатный совет, – сказал Лаптев, с ласковой иронией глядя на свою ошетилившуюся подругу. – Прежде чем ты начнешь бродить с видеокассетами по прокатам, обязательно посмотри, что на них записано.

– Но это просто художественные фильмы!

– Откуда ты знаешь?

Женя покраснела и не нашлась, что сказать. Действительно, откуда она знает? Боже мой, какая же она наивная! Почему ей в голову не приходят самые простые вещи? Наверное, сказывается отсутствие настоящего жизненного опыта. И она еще на что-то надеется! Почему Веня прямо не скажет ей, что идея самостоятельного поиска Яна совершенно

нежизнеспособна? Наверное, он просто боится задеть ее самолюбие.

Женя быстро распрощалась с Лаптевым и отправилась в дядину фирму. У нее были ключи как от приемной, так и от кабинета двоюродного брата. А в его кабинете стоял видеомэгнитофон. Сотрудники, попадавшие ей навстречу, ходили со скорбными лицами. Они тихо здоровались с Женей, словно уже начались поминки. По всей видимости, никто не верил в то, что Ян Ярославский до сих пор жив.

Оказавшись наконец в кабинете, Женя вытряхнула кассеты на стол и задумалась. «Вероятно, здесь собран компромат на Яна, – решила она, сосредоточенно хмурая лоб. – Ведь шантажисты мне тоже прислали видеокассету! А я даже не смогла сопоставить два этих события! Но от Яна, скорее всего, потребовали гораздо больше денег».

Женя уже абсолютно уверилась в правильности собственных умозаключений. Поэтому была страшно разочарована, когда вместо любительской видеосъемки увидела начало того самого художественного фильма, название которого значилось на коробке. Не желая признавать своего поражения, Женя просмотрела обе кассеты от начала и до конца. Потратила кучу времени и, разочарованная, снова засунула их в пакет. Вот тебе и раз! Фильмы. Просто фильмы. Зачем они Яну? Как попали на его стеллаж?

Настроение у Жени испортилось. И почему ей казалось, что она быстро и ловко разгадает загадку? Одно дело – чи-

тать детективы, и совсем другое – самой выступать в роли сыщика. В книжках всегда находились случайные свидетели и важные улики, которые можно было интерпретировать, у нее же не было практически ничего. Вернее, может, и было, но она не умела этим воспользоваться.

Понурая, Женя поехала к тому самому супермаркету, о котором ей рассказала Маргарита Хрюкина. Вера в свои силы у нее уже была подорвана, поэтому она довольно уныло оглядывалась по сторонам. Место, где, по словам Маргариты, стояла машина Яна, было ею обнаружено без затруднений. Чуть дальше автобусной остановки, прямо перед поворотом на стоянку. Интересно, почему Ян не повернул туда? Возможно, встреча, которую он тут назначил, была короткой? Ему что-то передали или кто-то просто подсел к нему в машину?

Маргарита сказала, что Ян обернулся и, поглядев через левое плечо назад, улыбнулся и помахал кому-то рукой. Женя перешла на другую сторону дороги, встала на том же месте спиной к магазину, обернулась через левое плечо и... наткнулась взглядом на вывеску «Видеопрокат». В ту же секунду ее плохое настроение улетучилось, как хмурая туча после дождя.

Здание супермаркета оказалось большим и новым. Строителями были учтены удобные подъезды и подходы к магазину, впускавшему и выпускавшему людей через множество стеклянных дверей. Перед входом находилась большая пло-

щадка с тележками на колесиках, которые покупатели оставляли после того, как загружали сумки в багажники машин. Слева в здании супермаркета располагалась американская химчистка, а справа – пункт обмена валюты и видеопрокат. Именно его вывеска произвела такое сокрушительное впечатление на Женю.

Она внимательно огляделась по сторонам. Никому не было до нее никакого дела. Дверь видеопроката была из затемненного стекла, однако на ней висела большая табличка: «Открыто». Медленно приблизившись, Женя обратила внимание на часы работы. Ежедневно с девяти до двадцати трех, без перерыва на обед.

Толкнув дверь, Женя очутилась в довольно большом помещении, стены которого занимали стеллажи с коробками из-под кассет. Несколько посетителей бродили по залу, вчитываясь в аннотации. За стойкой возле входа обнаружили две девицы, встретившие появление Жени приветливыми улыбками. Девицы были до того хорошенькими, что хотелось остановиться и любоваться на них. Может быть, это и есть та самая причина, которая заставила Яна выкинуть на ветер шестьдесят рублей?

Приняв от Жени кассеты и проверив их, одна из девушек с огорчением воскликнула:

– А у вас тут сильно просрочено!

Женя, слегка ошарашенная тем, что кассеты и в самом деле оказались из этого видеопроката, даже не сразу сообрази-

ла, чего, собственно, от нее хотят.

– Пять рублей за один день просрочки, – сказала та девушка, у которой были короткие волосы и улыбка гейши. – Сейчас подсчитаем.

– Ой! – испугалась Женя. – А у меня только доллары!

– Сходите разменяйте, дверь рядом, – добродушно посоветовала вторая, жгучая брюнетка с тщательно подрисованным ртом.

Пролепетав извинения, Женя выскочила из одной двери и ворвалась в другую. Операции по обмену валюты здесь также совершала девушка. В настоящий момент она разговаривала по телефону. Стрельнув в Женю глазами и увидев, что та копается в своем кармане, она решила закончить разговор. Через стеклянную перегородку ничего не было слышно, и Женя некоторое время наблюдала, как девушка шевелит губами. «И эта тоже очень хорошенькая, – уныло подумала она. – Такое впечатление, что мир просто кишит хорошенькими девушками. Или же судьба посылает их мне в насмешку».

Возвратившись в видеопрокат, Женя заплатила по счету и отправилась бродить среди полок. Она понятия не имела, что делать дальше. Может быть, показать работницам фотографию Яна? Впрочем, поразмыслив немного, она раздумала. Лаптев не раз говорил о том, что она наивна и действует по первому побуждению. Сыщик так поступать не должен. Разве стал бы настоящий сыщик сразу же раскрывать карты

и выбалтывать повсюду, что ему нужно? Ведь тот, кто владеет информацией и хочет скрыть ее, тогда примет предупредительные меры. Уничтожит улики, например. С другой стороны, если ни у кого не спрашивать про Яна, как вообще сдвинуть с места расследование?

В конце концов Женя выбрала наугад какой-то фильм и подошла к стойке.

– Вашу карточку, пожалуйста, – попросила брюнетка, показывая ровные зубки.

– А у меня ее нету! – растерялась та. – Фильмы, которые я принесла, мой приятель попросил отдать. – Она моргнула и виновато добавила: – Он заболел.

– Тогда вам нужно завести свою карточку! – сообщила девушка и подвинула Жене типовые бланки договора. – Заполните, пожалуйста.

Выполнив все формальности и спрятав в нагрудный карман рубашки карточку видеопроката и экземпляр только что подписанного договора, Женя вышла на улицу и остановилась в нерешительности.

«Вероятно, про Яна надо спрашивать не в самом видеопрокате, а в окрестностях. В магазине, например. Возможно, он покупал здесь что-нибудь. Впрочем, что? Он не курил, почти не пил и не заботился о хозяйстве. Продуктами холодильник загружала экономка. Что было делать Яну в супермаркете? Однако, – подумала Женя, – я ничего не знаю о частной жизни кузена и могу здорово ошибаться». Может,

он покупал здесь шоколадные конфеты и шампанское для своих пассий?

Тут она вспомнила о девушке из пункта обмена валюты и о том, что Ян носил в бумажнике исключительно доллары. В ее голове помимо воли начал складываться некий план. Подкараулив девушку во время обеденного перерыва, Женя отправилась за ней в соседнее кафе и, купив себе кофе и пирожок, робко подошла к столику, за которым та уже капитально обосновалась.

– Простите, – спросила она нерешительно. – Можно я присяду?

Девушка бросила удивленный взгляд на свободные соседние столики и пожала плечами:

– Пожалуйста.

– Извините, что я вас отвлекаю, – еще более жалобно и растерянно продолжила Женя, – но у меня тут такое дело...

И она принялась вдохновенно врать. Она говорила о любви, о чистых чувствах, растоптанных мерзавцем, который, соблазняя ее, такую юную и непорочную, забыл сообщить о жене и двух ребятишках.

– Я подумала, что вы можете мне помочь.

– Я?! – страшно удивилась девушка из пункта обмена валюты.

Женя ничуть не смутилась и быстро спросила:

– Кстати, как вас зовут?

– Оля. Так я не поняла: как я могу помочь?

– Я случайно узнала, что он женат. И когда он в очередной раз позвонил по телефону, спросила у него в лоб. И больше... – Женя правдоподобно всхлипнула, – ...больше он ни разу мне не позвонил!

– А вы не знаете, где он живет?

– Не знаю! Ни как ему позвонить, ни как разыскать... Зато я знаю, что он отоваривается в этом супермаркете. И он богат. У него в бумажнике всегда полно долларов. Мне кажется, он часто к вам заходит. В обменный пункт, я имею в виду.

Оля схватила предложенную фотографию и впиалась в нее глазами.

– Точно, я его знаю. Сто раз менял у меня «зелененькие» на рубли. И всегда был с девицей. – Она бросила на Женю сочувственный взгляд. – Такая фифа, отпасть. Длинные белые волосы, ноги от ушей – ну, вы в курсе.

Женя нервно сглотнула.

– А родинка у нее на щеке есть? – спросила она, вспомнив личико Иры Скобкиной.

– Наверняка подрисованная! – фыркнула Оля.

«Вот это номер! – растерянно думала Женя, усевшись на парапет и уставившись на носки своих массивных ботинок. – Значит, Ира частенько встречалась здесь с Яном. Может быть, в понедельник с ним тоже была она? Чего ей стоило обвести меня вокруг пальца? Да ничего! Пара улыбок, вскользь брошенный комплимент – и я уже ее верная подру-

га. А на самом деле она что-то знает об исчезновении Яна. Возможно, даже принадлежит к банде похитителей!»

Итак, на что направить свою энергию? На слежку за Скобкиной или на наблюдение за видеопрокатом? Женя остановилась на видеопрокате. Правда, лишь потому, что понятия не имела, каким образом, не звоня Ире, узнать ее адрес. И вообще – как она может следить за человеком, который, в отличие от нее, ездит на автомобиле? К тому же Ира сейчас каждый вечер выступает то в Дмитрове, то в Серпухове. Разве Жене за ней угнаться?

Устроившись в тени на скамейке, где восседала пара молчаливых пенсионеров, Женя вновь впала в уныние. Сегодня новые факты будто сами идут ей в руки, но что с ними делать дальше? Может быть, записать на бумагу и попытаться сопоставить друг с другом?

Время тянулось медленно, однако возле видеопроката ничего стоящего не происходило. Женя поднялась и решила, что пора отчаливать восвояси. Завтра она снова отправится повидаться с Лаптевым... Не успела она додумать мысль до конца, как в тот же самый момент увидела Иру Скобкину. Она шла ко входу в магазин, придерживая локтем маленькую сумочку. На ней был красный брючный костюм, отделанный широким белым кантом. Светлые волосы струились по спине. Женя непроизвольно вжала голову в плечи, но Скобкина ее уже заметила.

– Женя! – воскликнула она, всплескивая руками и бук-

важно кидаясь к ней. – Вот так встреча! Ты не меня случайно ждешь?

– Здесь? – растерянно переспросила Женя.

– Ах да, ты вряд ли в курсе, что это наш с Яном любимый магазин! – Ирина взяла Женю под руку и потащила за собой. – Пойдем, прошвырнемся по отделам. У тебя есть лишние полчаса?

– Есть, – не задумываясь, ответила Женя.

– Когда мы с Яном собираемся провести вечер наедине, то едем сюда, чтобы закупить провизию. Здесь отличные готовые салатики. Я люблю картофельный, а Ян сырный.

Навалив тележку продуктов, Ира ринулась к кассе, продолжая делиться с Женей подробностями своих взаимоотношений с ее кузеном.

– Еще Ян иногда брал на вечерок пару неприличных фильмов, – между прочим сообщила Ира. – Тут рядом есть видеопрокат, Ян знаком с тамошним хозяином. Тот ему всегда оставлял что-нибудь особенное, с перчиком. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Женя тут же устыдилась своих прежних мыслей. Вот и логичное объяснение тому, зачем Ян захаживал в этот супермаркет и с какой стати записался в видеопрокат! И зря, выходит, она подозревала Иру. Устроила целое представление перед девицей из пункта обмена валюты, хотя могла бы все узнать у своей новой подруги.

– Ах да, вопрос на засыпку: у тебя мой брат не появлял-

сы? – поинтересовалась Ира.

– Ой, я совсем забыла... – Женя принялась сбивчиво рассказывать о том, что случилось в доме Хрюкина. При этом роль Пети приукрасила до невероятности.

– Не может быть! – то и дело восклицала Ира. – Но эта Маргарита! Бывают же такие любвеобильные женщины!

– Извини, – пробормотала Женя, только теперь сообразив, что, рассказывая о связи Яна с женой стоматолога, задела нежные чувства Скобкиной.

Приятно ли той слышать, что у Яна была женщина на стороне? И это не считая официальной невесты. Традиционно покраснев до корней волос, Женя пролепетала что-то утешительное.

– Это все ерунда, – отмахнулась Ира. – Я легко отношусь к мужским шалостям. Главное, чтобы Ян был жив.

– Кстати, – вспомнила Женя, – Маргарита Хрюкина уверяет, что Ян был здесь в понедельник. И не один.

– Где? – удивилась Ира.

– Здесь, возле магазина. В восемь часов вечера. Его машина стояла вон там, – показала Женя рукой. – И он кому-то улыбнулся и махнул рукой.

Ира споткнулась на ровном месте. Тележка с провизией, скрипнув, отъехала в сторону. Женя удивленно посмотрела на подругу. Та стояла как вкопанная, глядя пустыми глазами в пространство.

– Что случилось?

– Очевидно, я слишком многое ему прощаю. Может, у него на каждый день недели – новая девица? – с болью в голосе спросила Ира.

– Не думаю, – неуверенно ответила Женя.

– Ему нравится этот супермаркет, и опять же порнушка под боком. Что, если он возил сюда всех девиц подряд? – Ира до крови прикусила губу. – Что, если я – всего лишь одна из многих?

– Ты действительно так думаешь? – спросила Женя.

– Я не хочу так думать! – с надрывом воскликнула Ира и вдруг без перехода спросила: – А что это у тебя на груди? Я имею в виду – в кармане?

– Это? Это деньги, документы, все самое необходимое.

– Ты прямо как мужчина. Переложил свое добро хотя бы в пакет: посмотри, на кого ты похожа!

Женя стала расстегивать пуговицу на кармане рубашки, а Ира ей помогала.

– Господи, да у тебя тут целый склад бумажек! – говорила она, укладывая все, что доставала, в целлофановый пакет. – Ты бы еще положила все это в стеклянную банку, как старуха, которая боится карманников!

Вечером, перед сном, Женя стала проверять свои сокровища и только тогда обнаружила, что карточка видеопроката, которую она только сегодня приобрела, бесследно исчезла.

На следующий день Женя снова поджидала Веню Лаптева в сквере возле офиса.

– Ты беззастенчиво срываешь мне обеденный перерыв, – без особых эмоций сообщил Веня, усаживаясь на облюбованную Женей скамью.

– Мы можем пойти перекусить вместе, – предложила она.

– Разумно, – сразу согласился тот, и они направились в кафе неподалеку.

– Веня, у меня проблемы, – сообщила Женя почти официальным тоном.

– Как будто я не знаю! – фыркнул тот. – Пропал твой кузен, ты хочешь уйти от дяди, поэтому задумала сама найти Яна, чтобы получить вознаграждение. Однако все оказалось гораздо сложнее и запутаннее, чем ты себе это воображала, лежа без сна на узкой кушетке в своей спальне.

– Откуда ты узнал о кушетке? – опешила Женя.

– Догадался.

Перед тем как войти в кафе, Лаптев пригладил двумя руками непокорные волосы и придержал Женю под локоть.

– Если ты хочешь втянуть меня в свое расследование, то знай сразу: этот номер не пройдет. Я терпеть не могу сидеть по кустам, особенно когда погода так неустойчива.

– Веня, не финти, на улице стоит жара.

– Зато к ночи обещают перепад атмосферного давления.

– Значит, ты не хочешь мне помогать?

– Я не считаю это разумным.

– А что, если я стану тебе все рассказывать, а ты ограничишься советами и замечаниями?

– Давай, – милостиво согласился Веня. – Такая помощь мне вполне по плечу.

Пока они ели, Женя выложила Лаптеву все в подробностях, о всех своих встречах, разговорах и подозрениях.

– Ну, и что бы ты стал делать теперь? – спросила она с неподдельным любопытством, когда рассказ подошел к концу.

Мужское мнение против женского – разве это не интересно? Что все-таки предложит Венька?

– Я бы занялся владельцем видеопроката, – пожал плечами Лаптев. – Надо выяснить доподлинно, какие его связывают отношения с твоим кузенком. Вдруг деловые? Что, если твой двоюродный брат вложил в организацию этого самого видеопроката энную сумму денег?

– Не думаю, – покачала головой Женя. – Ян – вице-президент процветающей фирмы. Отец не мешал ему работать.

– Господи, откуда ты такая умная? И отмечаешь сразу все предположения. А их следует тщательно проверять!

– Ладно, как бы то ни было, я согласна, что владельцем видеопроката непременно надо заняться.

– Ты хотя бы узнала у Скобкиной, как его зовут?

Женя покачала головой, очередной раз обозвав себя в душе не слишком лестным словом. И почему она ничего не делает так, как надо? Упустить из виду столь простую вещь! Придется звонить Ире домой. Женя больно ущипнула себя за кончик носа, словно наказывая за то, что ее отношение к Скобкиной колеблется словно часовой маятник. То она ей верит, то нет. Вчера при расставании – верила. Но ведь только Ира держала в руках все ее бумаги! И после этого карточка видеопроката исчезла!

– Как ты думаешь, зачем было Скобкиной похищать такую безобидную вещь, как карточка? – вслух спросила она у Вени. – Ведь их можно приобрести сколько угодно.

– Есть только один ответ на этот вопрос: она подумала, что умыкнула карточку Яна, – ответил Лаптев, прожевав и с наслаждением проглотив особенно сочный кусочек мяса.

– А на глаз их разве не различить?

– Нет, их может различить только компьютер.

– Но я же не компьютер и не могла извлечь из этого кусочка пластика никакой информации. Зачем ей меня опасаться?

– Глупая ты, Женька! – вздохнул Лаптев. – От тебя эта карточка могла переключиться в какие угодно руки: к дяде, к его прихвостням, к милиции, наконец! Ведь идет как официальное следствие, так и неофициальное. А ты живешь в доме дяди!

– Хочешь сказать, я проворонила важную улику?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Что может быть в ви-

деопрокате, в их компьютере? Только сведения о фильмах, взятых напрокат?

– А может быть, у них там база данных для шантажа?! – азартно воскликнула Женя.

– Ага, и четыре человека бесконтрольно шарят по ней с утра до вечера.

– Какие такие четыре человека?

– Работники, Женечка. Ты же сама сказала: когда ты туда пришла, за стойкой сидели две девушки. Но раз прокат работает без выходных, у девушек должны быть сменщицы. Итого, четыре штатные единицы.

– Мне требуется узнать и их подноготную тоже? – мрачно поинтересовалась Женя.

– Не думаю, что твои возможности распространяются так далеко.

– Я вообще не знаю, как мне подступиться к этому дурацкому заведению! – воскликнула Женя. – Ну, взяла я у них фильм напрокат, а что дальше?

– М-м... – сказал Лаптев. – Выясни, как зовут владельца, по каким дням он появляется в своем заведении, сколько проводит там времени и что делает. Эта работа должна оказаться тебе по зубам! А позже посмотрим.

* * *

Следующим утром Женя поднялась ни свет ни заря. Про-

кат открывался в девять, значит, на месте ей надо быть на всякий случай в начале девятого. Экономка уже не спала, а шуршала на кухне.

– Хотите сказать, что для вас одной необходимо сервировать стол? – с таким неподдельным возмущением спросила она, что Женя мгновенно потеряла аппетит.

– Мне бы просто чашечку кофе и бутербродик... – тем не менее попросила она.

– Ваш дядя не одобряет бутербродов утром. Мне придется бросить дела, встать к плите и готовить вам нормальный завтрак.

– У меня нет времени, Ирма Гавриловна! – тихо, но твердо возразила Женя, решив вообще отказаться от завтрака. Она повернулась и пошла прочь.

Экономка проводила ее ледяным взглядом, но ничего не сказала. «Опять я ей поддалась, – расстроилась Женя. – Когда же наконец у меня достанет пороку дать ей достойный отпор?» Если бы дядя держал себя с ней, Женей, как с настоящим членом семьи, ценил бы ее и баловал, Пыгова наверняка вела бы себя иначе.

Из дома звонить Ире Скобкиной Женя не решилась. Экономка наверняка подслушает разговор, и Женино расследование перестанет быть тайной. Добравшись до метро, она подошла к длинному ряду таксофонов и стала озираться по сторонам. Не прошло и минуты, как к ней подскочила старуха, промышляющая в переходе.

– Вам позвонить? – радостно поинтересовалась она, доставая из кармана телефонную карточку.

– Да, мне на два слова.

– Десять рублей, – твердо заявила та.

Женя кивнула и достала деньги. Потом отвернулась к стене и набрала номер Иры Скобкиной, надеясь, что та еще дома. Ира долго не отвечала, но в конце концов все-таки сняла трубку.

– Алло! – ответила она, длинно и сладко зевая. Однако, несмотря на то что ее внезапно разбудили, голос у нее был добродушным.

– Ира, это Женя.

– Женя? Привет! Что-нибудь новое про Яна? – взволнованно спросила та.

– Нет, пока ничего. Я на минутку. Хотела спросить о хозяине видеопроката. Ну, у которого Ян брал фильмы. Помнишь, ты говорила?

– Порнушки, что ли? Да, конечно, помню. Что ты хочешь знать про этого типа?

– Все, что знаешь ты.

– Так... – Ира, судя по всему, наморщила лоб. – Что я знаю? Во-первых, я знаю, что его фамилия Кокин. Ян зовет его Андрюшей. Ему около тридцати.

– Как он выглядит?

– Как неимущий студент. Нет, честно. Тощий, с выступающими лопатками. Нос хрящеватый, уши оттопыренные,

стягивает волосы аптечной резинкой в хвост. При этом, не поверишь, в нем бездна обаяния.

– Он часто бывает в видеопрокате? – спросила Женя.

– Ну, по вечерам Ян всегда его там заставлял. Хочешь с ним познакомиться?

– Пока не знаю, – проявила осторожность Женя.

– Ян всегда говорит: «Андрюша, а дай мне что-нибудь из твоего золотого фонда!»

– Но если я скажу так же, он наверняка спросит, откуда мне об этом известно.

– Скажи, что Ян Ярославский рассказал.

– Но если он знает, что Ян исчез, тогда сразу всполошится.

Ведь я же как раз хочу сделать все тихо, – жалобно ответила Женя. – У меня расследование, а не просто анкетирование.

– М-да, – согласилась Ира. – Если Кокин знает что-то про Яна, про его исчезновение и если он в этом деле замешан, то твоего вопроса испугается, безусловно. Но тогда что ты будешь делать?

– Я еще толком не решила, – призналась Женя.

– А можно я тоже задам тебе вопрос?

– Конечно.

– Ты все в тех же ужасных ботинках?

Женя поглядела на свои ноги и уныло ответила:

– Да, куда они денутся?

– Я обещала, что займусь тобой, – сказала Ира. – Когда приступим?

– Давай, когда найдем Яна?

– Конечно, я допускаю, что твой сиротский вид помогает быть незаметной в толпе, – неуверенно сказала Ира. – Или ты просто привыкла не выделяться. Но поверь, чувствовать себя красивой не так уж плохо.

– Красивой? – переспросила Женя, а про себя подумала: «Неужели эта потрясающая девушка считает, что бигуди и ботинки сделают меня другой? На самом-то деле я останусь все той же серой мышью – только завитой и в новой обуви».

– Мне бы хотелось, чтобы Ян увидел тебя совершенно другой, – настаивала Ира.

– Тогда он меня не узнает. Кроме того, у меня пока нет никакого настроения для перемен.

– Ладно, – сдалась та. – Кстати, сегодня я буду знать про нашу избушку на Азовском море. Брат Петька обещал пробить это дело. Хочешь, я тебе позвоню вечером?

– Нет, – быстро ответила Женя. – Лучше я тебе.

Если ей будут звонить и дальше, экономка сама начнет прослушивать телефон в холле. Если бы следователи имели представление о ее рвении, они вполне могли бы поручить ей шпионскую миссию.

Видеопрокат еще не открылся. Добравшись до места, Женя уселась на широкий бетонный парапет, который тянулся вдоль супермаркета. Примерно в половине девятого она увидела Кокина. После красочного описания Иры Скобкиной его мудро было не узнать. Тощий хвост, повисший между

выступающими лопатками, и оттопыренные уши ярко-розового цвета были самыми характерными деталями его внешности. Кокин открыл дверь и, не оглядываясь, вошел внутрь. Женя прибавила шагу и проскользнула в помещение вслед за ним.

Дверь лязгнула. Женя остановилась на пороге и беспомощно осмотрелась по сторонам. Потому что Кокин уже куда-то исчез. Но лишь только она сделала первый шаг, как он словно Петрушка выскочил откуда-то из-под стойки.

– Ты кто такой? – голосом сердитого взрослого спросил он, недовольно глядя на Женю.

«Итак, я наконец узнала про себя всю правду, – пронеслось в Жениной голове. – Я вообще не похожа на женщину. Ни с какой стороны».

– Не такой, а такая, – отважилась возразить она.

– Тем более. – Кокин уже возвышался над стойкой, положив на нее руки с музыкальными пальцами. – Видеопрокат еще не открылся. Ты бы вывеску прочитала, – более добродушно добавил он.

– Мне надо узнать у вас... – уперлась Женя.

Кокин подумал, что имеет дело с одной из поклонниц кино.

– Что ты хочешь узнать, деточка? – Он словно повернул в себе какой-то винтик и весь залучился обаянием.

– Дадите ли вы мне фильм?

– Дам, только после девяти, дорогуша. Я же сказал: прокат

открывается в девять.

– Но в девять здесь будут люди! А мне нужен необычный фильм – фильм из золотого фонда! – Женя пытливо смотрела в круглые и темные, словно две черничины, глаза Кокина.

Тот дернул бровью, больше ничем не выдав своего замешательства.

– Из золотого фонда?

– Да. Мне нравятся именно такие фильмы.

– Ну надо же, какая ты умница! Так, посмотрим, что там у меня припрятано. – Он снова нырнул под стойку. – «Человек дождя» Левинсона, «Американская ночь» Трюффо...

– Мне бы что-нибудь вроде Тинто Брасса. Или покруче. – Жене казалось, что она прекрасно владеет собой. – Я знаю, что такое золотой фонд.

– Я тоже знаю, – улыбнулся Кокин. – Это лучшие фильмы мирового кинематографа.

– Ну, нет, – уперлась Женя. – Я говорю о других фильмах.

– Что-то я тебя не пойму.

– Мне нужно порно.

– Это ты загнула, детка. У нас только эротика. Вон, посмотри, полка в самом конце. Все очень легкое и приятное. «Заблудившиеся в землянике», например. Думаю, тебе понравится.

Женя, не сводившая с Кокина глаз, шестым чувством поняла, что настаивать не имеет смысла. Все будет впустую. Он не даст ей порнуху.

– А Ян Ярославский говорил, что, если упомянуть про золотой фонд, вы не откажете, – звонко сказала она.

– Ян? – словно бы попробовав на вкус это слово, повторил Кокин. – Сказал тебе?

– Да. И еще он сказал, что у него с вами общие деловые интересы.

– Что ты говоришь? А когда это ты разговаривала с Яном? – вкрадчиво спросил Кокин, медленно выходя из-за стойки. – Сегодня утром? А? Или вчера вечером?

Женя попятилась. Вид у Кокина сделался совершенно злодейский. Особенно поражало хищное выражение его лица. Он подошел к ней и сильно тряхнул за плечи.

– А ну-ка, колись, детка! Откуда ты знаешь Яна Ярославского?

Женя испугалась. Ира не предупредила ее, что у Кокина такие темные глаза. Почти чернильные. Когда смотришь в них с близкого расстояния, становится по-настоящему страшно. Она тихонько взвизгнула и, вырвавшись, бросилась за один из стеллажей. Кокин побежал за ней.

В конце концов они стали лицом к лицу на приличном расстоянии друг от друга. Женя подалась влево, Кокин тоже. Он даже растопырил руки, показывая, что не позволит ей просочиться мимо него. И так, с растопыренными руками, начал наступать. Женя взвизгнула немного громче и побежала вокруг центральной стойки, Кокин вновь кинулся за ней. Когда погоня была в самом разгаре и Женя зашла на пя-

тый круг, дверь видеопроката внезапно распахнулась и одна за другой внутрь впорхнули девушки, которые здесь работали. Кокин и Женя сразу же остановились как вкопанные и воззрились на них.

– Ой! – сказала одна из девушек, таращась на хозяина заведения. – Извините, Андрей, мы не знали, что вы здесь... ну, это... заняты...

– Может быть, нам подождать снаружи? – спросила вторая, потупясь. – Пока вы не закончите с мальчиком.

– Подождите, дорогуши, – забеспокоился Кокин. – Это вообще не мальчик.

– Ну конечно, – с фальшивым энтузиазмом подтвердила брюнетка. – Ясное дело, не мальчик.

– Скажи им! – потребовал Кокин, вперив в Женю взволнованный взгляд. – Еще не хватало, чтобы мои служащие думали про меня невесть что.

– Меня зовут Женя, – сказала та дрожащим голосом.

– Тьфу, дура какая, – прошипел Кокин и повертел пальцем у виска.

Женя сглотнула и продолжила:

– Я – женщина.

– Очень убедительно, – закатил он глаза. – Ты должна доказать. Иначе...

– Вы меня очень обяжете, если обойдетесь без угроз!

– Мы все-таки подождем снаружи... – пролепетала одна из смущенных девиц.

– Нет, пусть она докажет свою половую принадлежность! – не согласился Кокин.

– Как это я докажу? – возмутилась Женя. – Сходить с ними в баню?

– Ща доштутишься. – Лицо Кокина сделалось по-настоящему неприятным. Куда только делось его недавнее обаяние?

Женя почувствовала, что ей придется уступить. Поэтому без дальнейших разговоров повернулась спиной к девушкам и Кокину и расстегнула на себе рубашку. Распахнув полы, она зажмурила глаза и рывком повернулась к публике, разведя руки в стороны и показывая довольно убогое нижнее белье.

– Вот, смотрите, довольны?

Глаза в этот момент она открыла, и слова тут же замерли у нее на устах. Потому что за полминуты до этого как раз пробило девять, и в дверях видеопроката появились самые нетерпеливые посетители – ватага мальчишек, которые остановились на пороге с открытыми ртами. Девушки, переместившиеся за стойку, нервно хихикали. Кокин пришел в себя первым. Схватив Женю за локти, он повел ее к двери в дальнем конце зала.

– Заходите, дети, не стесняйтесь, – проговорил он, оборачиваясь. – Тетенька рекламирует эротику. Это пока не для вас.

Затолкав «тетеньку» в другую комнату, Кокин отпустил

ее и неожиданно рассмеялся:

– Да уж, это был стриптиз так стриптиз!

– Я хочу уйти, – сказала Женя и неожиданно для себя заплакала.

– Чтоб я сдох! – Кокин поглядел на нее прищурясь.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Кстати, комнатка, в которой они оказались, была обставлена совершенно по-домашнему. На окне висели шелковые занавески, из мебели было несколько мягких кресел и стульев, диван, громадные растения в кадках. Главенствовал над всем этим большой телевизор, безмолвно замерший в окружении двух колонок. «Наверное, здесь собирается особый контингент, чтобы смотреть развратное кино», – догадалась просвещенная Женя.

В дверь постучали громче. Кокин приоткрыл ее, и в щелку тотчас же просунулся наглый башмак с щеголеватым узким носом. Затем уже вошел и сам его обладатель – мужчина лет тридцати, с лицом небожителя, слегка приземленным толикой добродушного нахальства. Откинув каштановую челку картинным жестом, он мазнул взглядом по Жене и сказал:

– Давай выпроваживай девчонку, надо поговорить.

За то, что незнакомец не принял ее за мальчика, Женя тут же прониклась к нему невероятной симпатией.

– Ты же обещал, что дашь мне пару месяцев! – возмутился Кокин.

– У меня затык. Так что подсуетись.

– Где я тебе их возьму? Рожу? Ко мне ходит один и тот же контингент. И я не столь популярен, как зоопарк.

– Шутишь, да?

– Я просто не знаю, как еще тебе объяснять...

– Проводи девицу, – напомнил шатен.

– Иди, детка, – сказал Кокин, суетливо подталкивая Женю к выходу. – Топай.

Словно испуганная лань пронесшись по залу, Женя пробкой вылетела на улицу и заметалась перед входом. Потом взяла себя в руки и огляделась в поисках места, откуда можно незамеченной наблюдать за видеопрокатом. Впрочем, интересовал ее конкретно Кокин и никто другой.

Минут через пятнадцать вышел его посетитель, шатен. Сам Кокин появился примерно через час и, насвистывая, легкой походочкой прошел вдоль всего супермаркета. Потом свернул направо и вклинился в массив жилых домов. Перебегавшая от дерева к дереву Женя довела его до девятиэтажки с одним-единственным подъездом, но внутрь входить не решилась. Простояв час истуканом перед этим домом, она решила, что Кокин здесь, по всей вероятности, проживает. Организовал бизнес прямо возле места прописки. Квартиру, конечно, узнать не удалось. С другой стороны – зачем ей номер квартиры? Не станет же она ломиться к нему домой? После сегодняшнего происшествия лучше вообще не показываться ему на глаза.

Итак, Женя выяснила две вещи. Первая – Кокин всерьез

обеспокоился, когда услышал имя Яна. Второе – в недрах видеопроката есть комната, где, судя по всему, устраиваются тайные просмотры чего-то недозволенного. Что, если Ян посещал эти просмотры? Возможно даже, он ходил туда не один, а со Скобкиной, например. Но она не захотела Жене в этом признаться.

Для того чтобы выяснить доподлинно, кто и когда навещает в ту маленькую комнатку, необходимо было установить постоянное наблюдение за видеопрокатом. Женя понимала, что одна она с этой задачей не справится. Нужен по меньшей мере еще один человек. Может быть, обратиться к Пете Скобкину? Ира ведь предлагала. Да он и сам предлагал.

Женя почти сразу отвергла эту мысль. Вот пострелять или подраться его можно пригласить. А сидеть несколько суток на скамейке и глазеть на какую-то там дверь? Нет, это бесперспективно. Венька работает, Ира постоянно в разъездах. И больше никого на примете. Может быть, опять посоветоваться с Венькой? Он ведь обещал интеллектуальную поддержку.

Решив, что мысль хотя и не свежа, но достаточно разумна, Женя отправилась к своему дорогому другу, надеясь, по традиции, отловить его во время обеденного перерыва. Никогда раньше они не встречались так часто, как в последние дни.

– Значит, потайная комната? – задумчиво переспросил Веня, выслушав повествование о Жениных приключениях. – Это интересно.

– Ты думаешь, может обнаружиться связь между исчезновением Яна и этой комнатой? – с надеждой спросила Женя.

– Трудно сказать. Пока я не в состоянии даже вообразить, какая тут может быть связь. Порно, конечно, у нас официально запрещено, но ты же знаешь, что на него смотрят сквозь пальцы.

– Надо последить за теми, кто туда ходит! – высказала Женя взлелеянную по дороге мысль. – В эту комнату. Кто и когда. Я попробую посидеть на стреме...

– А мальчишки там есть? – неожиданно встрепенулся Лаптев. – У нас тут в округе полно мальчишек. Может быть, именно мальчишки согласятся подработать? Сейчас лето, они болтаются по дворам, словно бродячие собаки.

– Не думаю, что у меня получится нанять мальчишек, – неуверенно сказала Женя, которую и саму постоянно принимали за мальчика.

– У меня получится, – покровительственным тоном ответил Веня. – Предоставь действовать мне. Давай-ка растолкуй как следует, где этот твой видеопрокат. Я заеду туда после работы. А тебе советую отдохнуть. Кстати, тебе не жарко в этих ботинках? Лето все-таки.

Женя едва не завопила. В последнее время ее ботинки словно заколдовали. Лаптев не обращал на них внимания ни в прошлом году, ни в позапрошлом. И вдруг – на тебе. Может быть, потратить ту с трудом скопленную тысячу на обувь? Однако Женя боялась остаться в новых башмаках, но

без всякого денежного запаса. Вдруг наступят черные дни? Впрочем, она смутно себе представляла, какие дни могут быть чернее этих. Ян исчез, ее шантажируют, а она не в состоянии откупиться. Кстати, скоро придет срок платить по счету. Что она будет делать? Вот если случится чудо, и она найдет кузена...

Вопреки собственным планам Женя отправилась домой и заснула, едва коснувшись головой подушки. Перед тем как лечь, она вычистила свои знаменитые ботинки, разглядывая их с определенной долей отвращения. Именно они заставляют ее в жару ходить в штанах. По крайней мере, в юбке ее не принимали бы за мальчика-подростка. Ведь это обидно. А с Жениным романтическим взглядом на жизнь обидно вдвойне.

Дядя целыми днями пропадал в офисе и встречался с племянницей только вечером за столом. За пять минут до ужина в комнату Жени ворвалась экономка и, застав ее спящей, бесцеремонно растолкала.

– Евгения! Ваш дядя уже спускается в столовую! Немедленно встаньте и причешитесь! Вы похожи на драную кошку.

– Спасибо за комплимент, – сказала Женя, еще толком не проснувшись.

«И почему я терплю все это?» – про себя подумала она. Приближение судного часа – появление шантажистов с касетой – делало ее с каждым днем все смелее и смелее. По крайней мере, в мыслях. Время от времени эти мысли озву-

чивались ею просто помимо воли. Самое удивительное, что при этом ничего не происходило – дом не рушился и небо не падало на землю.

Всю ночь Женя ворочалась на своей узкой кушетке, словно постельное белье было раскаленным и не давало возможности полежать спокойно. Ей снились странные, сумбурные сны, и утро не принесло облегчения. Она проснулась взволнованной, словно первоклассница накануне первого сентября. Прокравшись к телефону в холле, сняла трубку и набрала домашний номер Лаптева. Ответил незнакомый мужской голос.

– А Веню можно? – напряженно спросила Женя, в одну секунду нагромоздив массу предположений по поводу того, кто снял трубку.

– Минутку.

– Веня, кто это у тебя в такую рань? – спросила Женя шепотом.

– Экая ты бесцеремонная! Приятель.

– Ты что-нибудь предпринял вчера? Ну, по нашему делу?

– Еще бы! Все, как договаривались. За отчетом отправлюсь завтра.

– Не забыл – прокат работает допоздна. Твои мальчишки не разбегутся до одиннадцати вечера? – с сомнением спросила Женя. – Все-таки у них есть родители...

– Не разбегутся. Я пообещал им хорошее вознаграждение. Кроме того, это такие мальчишки, которые сами себе хозя-

ева.

– Деньги я тебе отдам, – поспешно сказала Женя. – Надеюсь, ты не намекнул этим мальчишкам, для чего все это делается?

– За кого ты меня принимаешь?

– Мне, как я понимаю, в видеопрокат путь заказан. Меня теперь знают в лицо и Кокин, и одна смена девушек.

– Так посиди дома, отдохни немножко.

– Но у меня нет времени сидеть! – возразила Женя. – Со дня на день...

– Что? – подбодрил ее Лаптев.

Женя хотела сказать: «Вновь появятся шантажисты», но прикусила язык.

– Я имела в виду: день ото дня шансы обнаружить Яна уменьшаются.

– Почему ты знаешь?

– Ну, мне так кажется. Если его украли, то могут заморить голодом, или оставить без медицинской помощи, или... Да мало ли что!

– Не надо думать о плохом.

Женя пообещала не думать о плохом и провела весь день в дядином саду, уничтожая старые запасы жевательной резинки. Этот процесс помогал ей успокаивать нервы. Экономка то и дело появлялась на садовых дорожках с инспекцией. «Зуб даю, – подумала Женя, – заберись я в камин, Ирма Гавриловна немедленно принялась бы прочищать дымоходы».

Когда наступил вечер, Женя закрылась в своей спальне и начала переодеваться в домашнюю одежду. Как водится, именно в этот момент экономка явилась в ее комнату.

– Евгения! – воскликнула она таким тоном, будто Женя прошлась по всему дому с ведром грязи и раскидала ее по полу. – Это переходит всякие границы! Вам снова звонят по телефону!

– А что вы так разволновались, Ирма Гавриловна? – спросила Женя, прикрываясь халатом. – Для телефонного аппарата звонки полезны. Если по нему хотя бы время от времени не звонить, он заржавеет.

– Приберегите ваше чувство юмора для молодых людей с золотыми браслетами, – повысив голос, ответствовала она, повернувшись к Жене спиной, в которой, как та подозревала, вместо позвоночника был спрятан негнувшийся металлический прут.

«Боже мой, – думала Женя, сбегая по лестнице в холл, – я становлюсь совершенно другим человеком! Я стала возражать любимой дядиной экономке! Надеюсь, она не подожжет мою постель в глухую полночь».

На проводе была Ира Скобкина.

– Ты там как? – спросила она по-свойски. – Держишься?

– Держусь.

– А как твой дядя?

– Он... Он по-прежнему очень расстроен.

– Знаешь, я, кажется, тоже начинаю волноваться по-на-

стоящему. Спать совсем не могу – приходится глотать снотворное. С утра башка от него словно тыква. А по вечерам нужно скакать в барах. Мой, мягко говоря, импресарио вопит, что я теряю форму. Я же думаю только о Яне. Тебе не надо помочь?

– Да вроде нет.

– Придумай для меня какое-нибудь дело, а? – жалобно попросила Ира. – Я не хочу сидеть сложа руки.

– Но ты же целый день занята!

– Не целый день, а целый вечер. Кроме того, если ты скажешь, я изменю расписание.

«Может быть, она хочет знать, чем я занимаюсь? Хочет выведать все о том, как продвигается расследование? Если она причастна к исчезновению Яна, нет лучшего способа стать шпионом в стане противника». Однако в душе Женя никак не хотела признавать Иру ловкой и хитрой обманщицей.

– Ладно. Завтрашний день мы пропустим, а послезавтра с утра, если не возражаешь, вдвоем сходим к Кокину. Боюсь, со мной одной он разговаривать больше не захочет.

– Мы ему скажем, что Ян пропал?

– Как раз это я и хочу сделать. И посмотреть, как он себя поведет. По крайней мере, если он хоть в чем-то солжет и позже мы это обнаружим, у нас появится козырь в руках.

Женя и сама не слишком хорошо понимала, как они смогут что-то обнаружить и получить козырь против Кокина. От

Иры, однако, возражений не последовало.

– Когда мне нужно быть готовой?

– Давай в половине девятого. Думаю, это не рано и не поздно.

– Заметано. – Ирин голос слегка повеселел. – Послезавтра встречаемся в половине девятого возле супермаркета.

Женя провела еще одну тяжкую ночь. Утром, чтобы не сойти с ума от безделья, отправилась в кукурузу и часа два наблюдала за домом Хрюкина. Ничего невероятного ей узнать не удалось. Спустя полчаса после того, как стоматолог уехал на работу, к особнячку подкатила иномарка, из которой вышел человек с гвардейскими усами и букетом роз. Сидение в засаде потеряло всякий смысл. До вечера Женя ломала руки, раздражая экономку бессцельным блужданием по дому. Наконец стрелки часов смилостивились над ней, и настало время встречи с Венькой.

* * *

Каждый из мальчишек Лаптева оказался на голову выше Жени.

– Где ты их нашел? – шепотом спросила она, сделав большие глаза. – Я болталась возле этого проката бог знает сколько времени. Никаких праздношатающихся детей там не было!

– Я просто завернул во двор и обнаружил компанию на

первой же скамейке, – важно заметил Веня.

Судя по физиономиям мальчишек, они очень серьезно отнеслись к поручению и сразу же зашуршали исписанными листами, вырванными из тетрадок.

– Вот, – сказал один, самый длинный и тощий, который представился Мишкой. – Тут все про хозяина заведения. Во сколько пришел, во сколько ушел, во что был одет.

– И во сколько он ушел? – поинтересовалась Женя.

– Десять минут первого, – охотно пояснил Мишка.

– Ночи?!

– Ночи. Я уже дома был, из окна смотрел в бинокль. Он всегда так поздно уходит после сеанса.

– Какого такого сеанса? – наморщил лоб Лаптев, опередив Женю с ее удивленным восклицанием на долю секунды.

– А вы разве не знаете? Здесь ведь еще и видеоклуб.

– На базе видеопроката?

– Ну да. Там внутри есть зальчик с телевизором.

– Да ведь я там была! – тут же воскликнула Женя. – В зальчике с телевизором.

– Расскажи-ка поподробнее, – потребовал Лаптев у Мишки.

Тот несколько раз кашлянул для солидности и по-мужски коротко объяснил:

– Ну, в восемь и в десять там кинопросмотры. Вечера, конечно.

– А кого пускают?

– На восьмичасовой всех. Плати деньги и заходи.

– А на десятичасовой кого пускают?

– Только членов видеоклуба.

Лаптев и Женя молча переглянулись.

– Но ведь в видеопрокате нет ни одного объявления о существовании этого самого видеоклуба! – не удержалась и возмутилась Женя.

– Ну, все и так знают, – пожал плечами Мишка. – Все, кто туда ходит. Местные.

– А если я захочу стать членом видеоклуба? – поинтересовался Веня.

– Там деньги нужно платить. За членство, – подал голос второй мальчик, загорелый до черноты. – Говорят, они там пьют кофе и пиво. Поэтому наверняка все дорого.

– Говорят! А кто говорит? – снова спросил Веня.

– Наши говорят, – пожал плечами тот.

– Отлично, – понизив голос, сказал Веня, обращаясь к Жене. – Это уже кое-что.

– Да? – непонимающе уставилась она на него.

– Вспомни: Ян подъехал сюда около восьми часов вечера. Если принять во внимание сведения Маргариты, кто-то ждал его возле видеопроката. Возможно, с этим кем-то он отправился на восьмичасовой просмотр.

– Это могла быть Скобкина! – тут же предположила Женя. – Это ей он махнул рукой и улыбнулся, выходя из машины!

– Но это мог быть и сам Кокин, – добавил Лаптев.

– Да вообще кто угодно.

– Согласен.

– И что теперь?

– Теперь нам надо выяснить, что в тот день был за просмотр в восемь часов и кто на нем присутствовал. Хотя бы в общих чертах.

– Как же мы это выясним?

– Уж как-нибудь. А вам никогда не было любопытно, – снова повернулся он к юным сыщикам, – что там, на этих видеопоказах? Может, что-то эдакое?

– Да вроде нет, – пожал плечами Мишка. – Наши говорят, что там обычные голливудские новинки.

Судя по всему, загадочные «наши» были неким собирательным образом.

– А вы не в курсе, – обратилась теперь уже Женя к мальчишкам, – хозяин заведения всегда присутствует на видеопоказах?

– На восьмичасовых нечасто, а на десятичасовых всегда, – уверенно ответили те. – Мы уже тут поговорили с нашими.

– Понятно, – одобрительно протянул Веня. – А девушки, которые раздают фильмы, остаются после восьми?

– Прокат же до одиннадцати работает! Они за стойкой и сидят, – напомнил Мишка.

– Ах, ну да, я забыл.

– Кстати, днем они все время куда-то ходят, – добавил

третий парень, до сих пор не принимавший участия в разговоре и пробормотавший, что его зовут Павлом.

– В каком смысле? – нахмурился Веня. – Куда ходят?

– Я могу все рассказать, – оживился Павел, доставая из кармана записку. – Вы мне велели за ними наблюдать, я и наблюдал. Сначала ходила та, что со светлыми волосами. У меня тут записано время. И адрес. Даже с квартирой, я прокрался за ней в подъезд.

– То есть она ходила в какую-то частную квартиру? – уточнил Веня.

– Точно. Пробыла там примерно час, а потом вернулась на работу. Часа через два ушла вторая. Она на троллейбусе две остановки ехала.

– И тоже вошла в частную квартиру?

– Тоже. Но эта вышла очень быстро. А потом, к вечеру, она еще раз туда же ездила.

– Слушай, – сказал Лаптев, подмигивая Жене. – Этот прокат – весьма примечательное местечко.

– Как вы думаете, а я могу стать членом видеоклуба? – спросила Женя задумчиво.

– Если бабки есть, то сможете! – уверенно откликнулся Мишка.

– А к кому мне надо подойти, чтобы меня записали в члены?

– К хозяину или его помощнику.

– Какому помощнику? – хором спросили Лаптев и Женя.

– Так вы вообще ничего не знаете... – протянул Мишка и покровительственным тоном объяснил: – У хозяина еще помощник есть. Просто он сейчас болеет. Его Вованом зовут. Нормальный мужик. С ним можно договориться. Если чего поступит стоящее, всегда скажет.

– Слушайте, а между нами, девочками, – ухмыльнулся Венья, кое-как изобразив добродушие, – этот Вован вам не дает порнушку поглядеть? Из-под полы?

– Не-е-е... – хором протянули ребята. – Только то, что на полках. Там есть всякие такие фильмы... – Павел тихо хихикнул, покрывшись неровными пятнами румянца. Можно было предположить, что он уже пересмотрел весь эротический репертуар.

– Так, – подвел итог Лаптев. – Сдавайте свои записи и получайте деньги. Если что еще будет нужно, я позвоню. Вы готовы будете поработать сыщиками, коли придется?

– Да! Конечно! Заметано! – ответили все трое с энтузиазмом.

Женя и представить себе не могла, что уже на следующий день будет вспоминать о беседе с этими самыми мальчишками, стуча зубами от страха.

* * *

– Пойдем куда-нибудь, дернем по чашечке кофе или по бутылочке пепси, – предложил Лаптев, когда они наконец

остались одни. – Надо обмозговать ситуацию.

– Информации слишком много для меня одной, – пожаловалась Женя, когда они устроились за столиком открытого кафе, обнаруженного неподалеку. – Как я буду все это проверять? Видеоклуб, ночные показы, отлучки девиц во время рабочего дня, еще этот Вован, который сейчас болеет...

– А знаешь, ты один раз уже сглупила, – неожиданно сообщил Лаптев.

– Когда это? – почти что обиделась Женя.

– Когда следила за Кокиным. Тебе надо было следить не за ним, а за тем шатеном, что приходил к нему, глупая ты голова. Ведь, судя по всему, он пришел, чтобы с Кокиным выяснить отношения.

– Судя по всему, да.

– А ты его упустила. Вот кто это такой? Может быть, Кокина самого кто-то шантажирует?

– Веня, – жалобно сказала Женя, – для меня все это слишком сложно. Я всего лишь безмозглая курица.

– Однако ты взяла на себя определенные обязательства. Человек не должен отказываться от своих слов и намерений, иначе в один прекрасный момент он перестанет себя уважать.

Женя была абсолютно убеждена, что не перестанет себя уважать из-за такой глупости, но вслух решила этого не говорить. Ах, если бы не шантажисты! Женя будто слышала, как тикают часы, отсчитывая последние минутки ее благо-

пристойной жизни. «Интересно, где они ко мне подойдут? – думала она, незаметно озираясь по сторонам. – Это может случиться каждую минуту и буквально где угодно. Надеюсь только, Веня при этом присутствовать не будет».

– Завтра утром я встречаюсь со Скобкиной, – сообщила она Лаптеву, спохватившись, что до сих пор не рассказала ему про ее звонок. – Мы с ней вдвоем пойдем к Кокину выяснять отношения.

– Ну и глупо, – тут же заявил тот.

– Глупо – не глупо, но если Кокин виновен, наш визит его растревожит.

– Он же не пчелиный рой, – пробурчал Веня.

– Но если он замешан в деле о похищении, то засуетится! – азартно сказала Женя. – Куда-нибудь поедет, будет встречаться с людьми...

– У Кокина есть автомобиль? – тут же спросил Лаптев.

– Не знаю.

– Наверняка есть. Я просто убежден в этом. И когда он начнет, как ты выражаешься, ездить и встречаться с людьми, ты с разинутым ртом останешься стоять возле его подъезда.

– А вот и нет! – возразила довольная Женя. – Ира Скобкина всегда на колесах. А завтра мы пойдем на дело вместе с ней.

Женя приехала к супермаркету гораздо раньше, чем было условлено. Каждая ночь теперь была для нее испытанием.

Она не спала, а время от времени впадала в полудрему и с каждым днем выглядела все бледнее и прозрачнее. Вот и на этот раз она вскочила ни свет ни заря, тем более что подвернулся повод: надо было выгладить одежду, которую она по заведенному давным-давно распорядку простирывала и высушивала с вечера к утру. Одеваясь, она машинально отметила, что воротничок рубашки истерся почти до дыр, а отвороты рукавов неаккуратно мохнатятся. Впрочем, у нее в шкафу висела еще одна похожая рубашка, сохранившаяся со времен интерната.

Супермаркет пока не открылся, но спешащих по делам людей вокруг было множество, на автобусной остановке и стоянке маршрутного такси стояли длинные очереди, частные автомобили, ночевавшие под открытым небом, то и дело трогались с места и выезжали на шоссе, чтобы до вечера раствориться на улицах Москвы. Женя блуждала взглядом по окрестностям, время от времени рассматривая пешеходов. Она вообще ни о чем не думала и даже тихонько насвистывала – привычка, от которой она поклялась себе избавиться, когда ее в первый раз приняли за мальчика.

Было восемь часов пятнадцать минут. Четверть часа до условленной встречи с Ирой. Именно в этот момент из-за угла супермаркета появился дядин прихвостень Костя Карпенко. Он шел прямо на Женю, но не видел ее. Лицо у него было таким сосредоточенным, словно он решал в уме интегральное уравнение. Женя поняла, что если сейчас развернется и

побежит, то Карпенко мгновенно узнает ее. А если останется на месте, он машинально вскинет на нее глаза. Дело в том, что на дорожке перед еще закрытым супермаркетом они были одни. Ну, так уж получилось волею злой судьбы.

«Что делает здесь Карпенко в столь ранний час?» – пронеслось в ее голове. Затем мысль стала более конкретной: «Что вообще делает здесь Карпенко?» В Женином животе стало холодно и пусто. Надо срочно спрятаться. Но куда?! Она попятилась к стене магазина и вжалась в нее спиной. Карпенко неумолимо приближался. Причем довольно быстрым шагом. Еще минута – и он, конечно, ее увидит. Это совершенно не входило в Женины планы. Поэтому она ничтоже сумняшеся вытряхнула из захваченного с собой пластикового пакета все, что там было, и проворно надела пакет себе на голову. После чего села на корточки и затаила дыхание.

Прошло несколько страшных томительных минут. В пакете было темно и жарко. На всякий случай она досчитала до шестидесяти. По ее понятиям, Карпенко должен был уже пройти мимо. И он действительно прошел. Женя приподняла пакет и с жадностью вдохнула свежий воздух. Потом освободила глаза и убедилась, что Кости поблизости нет. Зато есть кое-кто еще.

Прямо перед ней стоял милиционер с квадратным подбородком и нахмуренными бровями.

– Токсикоман? – устало спросил он и ткнул Женю носком ботинка, как будто она была падалью, валявшейся на обочи-

не.

Такое отношение к себе ее рассердило. Мало того, что никто не признает в ней девушку, так теперь ей еще приписывают всяческие пороки! В импровизированной шапке из пакета Женя вскочила на ноги и, выпятив грудь, довольно воинственно заявила:

– Я – женщина!

– О-о, как надышался-то! – пробормотал милиционер и зачем-то полез в карман. – Женщина, едрена вошь! Мерилин Монро!

Он протянул свободную руку и надвинул пакет Жене на глаза.

– У меня есть паспорт! – закричала та, шумно освобождаясь. Волосы, наэлектризовавшись, встали дыбом, и выглядела она, словно дикобраз, собравшийся в атаку.

В этот драматический момент провидение в качестве доброй феи послало Жене Иру Скобкину. Ира возникла в пятне солнечного света, прекрасная и недосягаемая, как мечта космонавта.

– Что здесь происходит, капитан? – пропела она мелодичным голоском и захлопала ресницами с таким усердием, словно собиралась поднять с их помощью ветер. – Моя младшая сестра снова шалит на улице?

Милиционер, которого Ира умышленно повысила в чине, окинул пристальным взглядом белокурую красотку в дорожной одежде и уже более мирным тоном переспросил:

– Младшая сестра? Вот эта вот? – Он большим пальцем через плечо показал на Женю. – Она валялась возле урны с пакетом на голове.

– Ну, да, да, валялась! – с энтузиазмом подхватила Ира, мазнув по Жене беспокойным взглядом. – Это она от отчаяния. Мать заставила ее сделать новую прическу. Вы только посмотрите на нее!

Милиционер несколько раз моргнул, словно подражая Скобкиной, и уставился на прикусившую язык Женю. Зрелище, конечно, было не для слабонервных.

– Хорошо, что она себе урну на голову не надела! – продолжала наседавать Ира. – Я бы, наверное, сразу утопилась в реке. Возможно, она хотела покончить с собой? Хотела? – обратилась Ира к Жене.

Та, не в силах вымолвить ни слова, несколько раз энергично кивнула головой.

– Вот видите, как вовремя вы подроспели! – продолжала распинаться Ира. – Вы тако-ой профессионал! Просто невероятно! Надо написать про вас в газету.

Ира схватила Женю за локоть и потащила за собой.

– Не волнуйтесь, капитан, я о ней позабочусь! – напоследок пообещала она.

– Невозможно поверить, что у вас одна и та же мать, – пробормотал милиционер в спину удалявшейся парочке.

– Ну ты, детка, даешь! – закатила глаза Ира, когда им удалось скрыться с глаз блюстителя порядка. – Зачем-то села

возле урны... И этот милиционер! Полный кретин! Хотя... выглядишь ты, конечно, почти как бомж. На каком месте находятся глаза у твоего дяди? Впрочем, Ян тоже хорош. Когда мы его найдем, я устрою ему хорошую взбучку.

Только теперь Женя поняла, что Ира взвинчена сверх всякой меры. Даже невооруженным глазом было видно, на сколько бледное лицо была наложена с утра дорогая косметика.

– Спасибо, что ты меня выручила, – сказала Женя, медленно приходя в себя. – Ты квартиру Кокина знаешь?
– Знаю.

Женя не стала рассказывать Ире про Карпенко, который появился как раз из-за того угла, куда они теперь свернули. Однако этот факт ее страшно беспокоил. Не нужно быть особо сообразительной, чтобы догадаться, откуда он шел. Может быть, Ян действительно тесно связан с Кокиным? У них общие дела и какие-то проблемы? И Карпенко в них тоже замешан по уши? Судя по всему, настроение у него после встречи с хозяином видеопроката было не ахти.

– Нам на третий этаж, – сказала Ира, нервно постукивая ногой в ожидании лифта. – Ты будешь разговаривать или я?

– Я начну, а там посмотрим, – ответила Женя, отчаянно мечтая выглядеть так, как Скобкина, – эффектно и раскованно.

Лифт наконец добрался до первого этажа, медленно и неприветливо раздвинул двери.

– Надо было идти пешком, – заметила Ира, отчаянно ку-

сая губы. – Этот лифт внушает мне определенные подозрения.

– Чего это ты так волнуешься? – спросила Женя, пытливо глядя на нее. – Уж перед твоим-то носом Кокин дверь не захлопнет!

Ира ничего не успела ответить, потому что в этот момент лифт как раз допыхтел до третьего этажа. Как только потенциальные гости Кокина шагнули на площадку, они сразу же увидели женщину средних лет, в шортах и обвисшей футболке, которая собиралась войти в интересующую их дверь.

– Простите, вы тоже сюда? – вежливо, но при этом слегка надменно спросила Ира, в упор разглядывая незнакомку.

– Да вот, – довольно весело ответила та, – вышла мусор вынести, а у Дрюни дверь открыта. Я соседка, Наталья меня зовут.

Дверь в квартиру действительно была приотворена.

– Я звоню, кричу, а никто не отзывается, – все так же бодро добавила Наталья.

– Дрюня – это Кокин? – уточнила Ира.

– Ну а кто ж? Дрюня, Андрей то есть.

Женя с Ирой переглянулись. Ира была такая бледная, как будто ее только что отштукатурили.

– Может быть, зайдём? – робко предложила Женя, уже подозревая худшее.

– Конечно, зайдём! – с энтузиазмом подхватила соседка Наталья. – Чур, я первая.

Она широко распахнула дверь в квартиру Кокина и как слон затопала по коридору, громко выкрикивая:

– Дрюня, блин горелый, ты где?

Кокин обнаружился в большой комнате на ковре. Лежал он на спине, широко раскинув руки в стороны. На столе – аккуратно выведенная записка: «В моей смерти прошу никого не винить. Не смог рассчитаться с долгом чести». Рядом стоял пустой пузырек из-под таблеток с труднопроизносимым названием.

– Дрюня! – крикнула Наталья и кинулась проверять у Кокина пульс.

На проверку ушло совсем немного времени.

– Умер! – возопила она и, не поднимаясь с колен, рухнула рядом с телом, закатив глаза. Это было так неожиданно, что Женя, никогда воочию не видевшая покойников, даже не успела испугаться.

– Нам надо бежать, – дрожащим голосом сказала она и обернулась к Ире.

Та стояла, держась двумя руками за край стола. Цвет ее лица изменился с белого на серый.

– Мне, кажется, немножко не по себе! – пробормотала она и, качнувшись влево, а потом вправо, повалилась на пол следом за Натальей.

Первым Жениным порывом было кинуться к ней, но в этот самый момент в комнату ворвался здоровенный подвыпивший мужик в тренировочных штанах и красной боксер-

ской майке. Морда у него была небритая и насупленная.

– Эй, Андрюха! – зычно закричал он, но, увидев три лежащих рядом тела, прервался на полуслове. Очередной крик застрял у него в горле и отчетливо булькнул там несколько раз.

– Кокина убили, – тонким голосом сообщила Женя свое собственное экспертное заключение и пальцем показала на труп.

Мужик перестал булькать и длинно, с чувством выругался, не сводя глаз с представшей перед ним картины. Потом не глядя нашарил на столе телефон и набрал «02».

«Боже мой! – в панике подумала Женя. – Сейчас сюда нагрянут милиционеры и заметут нас. Потом позвонят дяде. Придется объясняться с ним! Какой ужас!»

– Милиция? – завопил между тем мужик, услышав в трубке отклик. – Тут массовое убийство!

Он принялся путано объяснять, кто он такой и по какому адресу находятся многочисленные тела убитых. Женя почувствовала внезапную тошноту и поняла, что если наклонится, то ее тут же вывернет наизнанку. Оставшись стоять, она постучала своим массивным ботинком по ноге Скобкиной, надеясь, что та как-нибудь сама придет в себя.

– Эй, ребенок, не трожь труп! – пригрозил мужик в майке и добавил в трубку: – Так я же говорю – тройное убийство! Три трупа!

В этот момент Наталья открыла глаза и, закричав, начала

подниматься на ноги. Мужик от неожиданности отпрыгнул от стола, а телефон полетел на пол.

– Ах ты, мать твою так! – закричал он и, торопливо подняв аппарат, пояснил в трубку: – Двойное, двойное убийство! Трупов только два! Один труп оказался живым. Вот он, встал, идет прямо на меня. Нет, я не пьян. Клянусь мамой!

Тем временем поднявшаяся на ноги Наталья, увидев бездыханную Скобкину, наклонилась и без всякого предупреждения влепила ей королевскую затрещину.

– Вставай, мать, – сказала она, – негоже рядом с покойником валяться.

Повинуясь этому призыву, Ира слабо зашевелилась, открыла глаза, полежала несколько секунд, глядя в потолок, потом перевела взгляд на Женю и, охнув, встала на четвереньки, после чего проворно приняла вертикальное положение. Мужик, который все еще разговаривал с милицией, снова громко помянул мать, сопроводив сие выражение другими, более витиеватыми.

– Эй, слышите, второй труп тоже ожил! – сообщил он. – Остался только один. Нет, признаков насильственной смерти нет. Нет, крови нет. Нет, я его не трогал!

– Нам всем надо выйти на воздух, – как могла, твердо заявила Женя и потянула Иру к выходу из квартиры.

– Сейчас, – говорил между тем обалдевший мужик. – Я попытаюсь привести его в чувство.

Он положил трубку на стол и уже было направился к Ко-

кину, когда Наталья преградила ему путь.

– Умер Дрюня, – веско сказала она. – Я проверяла.

– Дай я сам посмотрю.

– Пошел ты!

Они начали толкаться и обзывать друг друга непристойными словами. Воспользовавшись этим обстоятельством, Женя с Ирой, взявшись за руки словно школьницы, быстро-быстро сбежали вниз по лестнице и выскочили из подъезда.

– Скорее к моей машине! – прошипела Ира.

– А где она?

– На платной стоянке, там, – Ира махнула слабой рукой.

Когда они наконец плюхнулись на сиденья автомобиля, Ира дрожащим голосом спросила, тупо глядя через стекло на улицу:

– Ты думаешь, его убили?

– А ты?

– Но ведь записка!

– Все очень странно, – сказала Женя. – Как только мы начали искать Яна через видеопрокат, Кокин решил покончить с собой. Да, все очень странно.

* * *

Эту же самую фразу вскоре повторил Веня Лаптев. После того, как Женя ему все рассказала, в том числе и о внезапном

появлении возле супермаркета Кости Карпенко, Веня схватился рукой за подбородок и, помяв его, заявил:

– Все очень странно.

– Может быть, именно Карпенко убил Кокина?

– Как? Заставил написать записку, съесть горсть таблеток и подождать, пока они подействуют? – задумчиво переспросил Лаптев и тут же добавил: – Впрочем, почему бы и нет?

– А смысл? – спросила Женя.

– Ну, ответить на этот вопрос – значит, раскрыть мотив убийства! – глубокомысленно заявил Веня. – Возможно, твой кузен уличил Карпенко в каких-нибудь неблагоприятных поступках. Или в нечестной игре. Допустим, Карпенко собирал досье на твоего дядю. Внутренние службы безопасности самых разных фирм делают это сплошь и рядом.

– Ну, и дальше?

– Карпенко убил разоблачившего его Яна, а Кокин, как партнер Яна, каким-то образом узнал об этом. Поэтому Карпенко убил и Кокина тоже.

– Но Карпенко вряд ли стал бы убивать Кокина сам!

– Почему нет? Найми он исполнителя, пришлось бы расправляться с ним тоже. Лишние хлопоты! Профессионалы после себя «хвостов» не оставляют.

– А что, если это Ира? – ненавидя себя, высказала предположение Женя. – Возможно, она не хотела, чтобы я встретила с Кокиным и говорила с ним о Яне? Ей лучше всех

было известно, на какой день и час назначена эта встреча. Допустим, она обратилась за помощью к своему брату...

– Это к тому, что забрался в дом Хрюкина с большим пистолетом?

– Ну да.

– А что, если схема гораздо элегантнее? – внезапно оживился Веня. – Узнав, что ты собираешься вплотную заняться Кокиным, Скобкина позвонила Карпенко.

– То есть ты думаешь...

– А почему бы и нет? Карпенко мог ее соблазнить. Он мог ее шантажировать. В конце концов, никто доподлинно не знает, какие вообще у этой девицы были отношения с твоим кузеном. Та записка, которую ты нашла в конверте вместе с деньгами, еще ничего не доказывает.

– Но если Кокина действительно убили, кто бы ни был инициатором, – сказала Женя, разглядывая свои руки, – это может означать только одно: Яна тоже убили.

– Еще не факт. Это может также означать, что Ян вляпался в какое-то крупное дело. Возможно, он жив и отчаянно нуждается в помощи. Ведь бизнесменов убивают чаще всего открыто, без всякой конспирации.

– Может быть, тело Яна никто и не прятал, его просто не нашли! – возразила Женя. – Лежит оно в каком-нибудь овраге...

– Ерунда, – отмахнулся Веня. – Подмосковные леса кишат грибниками и алкоголиками. Не бери в голову. Ты настрои-

лась найти кузена, так ищи его!

– Венечка! – Не выдержав наплыва чувств, Женя двумя руками вцепилась в неподвижную кисть Лаптева. – Но мы-то с тобой как засветились!

– С этими мальчишками? Н-да, это неприятно, но не смертельно. Кроме того, возле тела Кокина была найдена записка, указывающая на то, что хозяин видеопроката покончил жизнь самоубийством.

– Но ты ведь в это не веришь!

– Я не верю. А милиция может поверить. Ведь те милиционеры, которые расследуют дело об исчезновении Яна Ярославского, понятия не имеют о том, что Кокин был с ним знаком и покончил с собой именно в тот момент, когда мы на него вышли.

– Господи, да разве мы представляем для настоящего убийцы какую-то опасность?! – возмутилась Женя. – Убивать Кокина из-за того, что я решила с ним поговорить!

– Ты смотри на дело шире. Зацепились мы за эту связь, значит, могут зацепиться и другие!

– Хочешь сказать, мы спровоцировали убийцу?

– Держи себя в руках. После нашей милой беседы мне придется идти в аптеку за лейкопластырем.

Тут только Женя сообразила, что изо всех сил впиалась ногтями в беззащитную ладонь Лаптева.

– Бог мой! – пискнула она. – Я тебя расцарапала! Чего же ты молчал?

– Тебе нужно было выплеснуть эмоции, соприкасаясь с живым телом, – глубокомысленно изрек Веня.

– А если милиционеры засомневаются в том, что Кокин покончил с собой? Начнут следствие и сразу же узнают, что два человека вынюхивали все про Кокина. Мальчишки дадут им отличное описание... Может быть, даже составят фотороботы.

– Ну и что? – пожал плечами Веня. – Подумай сама: какое ты имеешь отношение к владельцу этого видеопроката? Нет между вами связи! А уж между ним и мной и подавно! Так что нас не найдут.

– Действительно, – пролепетала Женя. – Я как-то об этом не подумала...

– Но светиться там больше, конечно, не стоит, – добавил Веня. – По крайней мере, в том же самом виде. – Он задумчиво поглядел на Женины ботинки.

– У меня нет другой обуви, – быстро отреагировала та.

– Ты знаешь, – совершенно неожиданно заявил Лаптев, – я в состоянии купить тебе босоножки. Просто по дружбе.

Женя почувствовала, что у нее на глаза наворачиваются слезы, и изо всех сил помотала головой, показывая, что относится к этому предложению резко отрицательно. Ей было стыдно.

– Ладно, замнем для ясности, – пробормотал Веня. – У меня на работе этап повышенного риска.

– Что это значит?

– Это значит, что, если мы не будем вкалывать как лошади, нас могут расформировать.

– Но ты ведь не останешься без работы! – горячо возразила Женя.

– Чтобы найти новую работу, надо будет вступать в контакт с социумом: увольняться, рассылать резюме, ходить по объявлениям... Меня это, честно говоря, не прельщает. Так что уж лучше я повкалываю.

– Это тонкий намек на то, что ты бросаешь наше расследование? – жалобно спросила Женя. – И я останусь один на один с дядей, с милицией и с Карпенко?

– Нет, я этого не говорил! – поспешно возразил Лаптев. – Все мое свободное время я торжественно отдаю тебе. Мы ведь друзья! И знай, Женька, если что случится... ну, по-настоящему серьезное, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

* * *

Трогательные слова Лаптева согревали Женю всю дорогу до дома. Только они и отвлекали ее от воспоминаний обо всех тех ужасных вещах, которые произошли за последнее время. «Надо выудить из холодильника валерьянку, наглотаться и залечь до самого вечера», – решила Женя. Однако ее грандиозным планам не суждено было сбыться. Едва она перетащила ноги через порог, зазвонил телефон в холле.

Женя так привыкла бояться экономку, что среагировала тут же. «Если это мне, – пронеслось у нее в подсознании, – Пыгова просто сдохнет от злости». Пуганой мышкой шмыгнула она к аппарату и схватила трубку.

– Алло! – раздался из трубки высокий, слегка гнусавый и потому незабываемый голос шантажиста Пончика.

– Это я, – обреченно отозвалась Женя, не дожидаясь вопроса. – Говорите.

– Жду тебя у памятника Пушкину в шестнадцать ноль-ноль, – сообщил Пончик. – Деньги не забудь.

– Но я...

Однако телефон уже наполнял окружающее пространство коротким пиканьем.

Подняв голову, Женя увидела в дверях кухни Ирму Гавриловну, смотревшую на нее с мерзопакостной улыбочкой.

– Это мне звонил тот парень с золотыми цепями, – с деланной кротостью пояснила Женя. – Срочно хочет встретиться. Скучает.

Женя хамила. В сущности, ей нечего было терять. Сейчас она поднимется наверх, возьмет свой тубик детского крема, смену нижнего белья и... Куда она пойдет? Конечно, Ира отдала ей деньги, найденные в конверте, но они вряд ли решат все ее жизненные проблемы.

Загвоздка, в сущности, была в том, что Женя привыкла считать себя беспомощной. Одинокой брошенной сироткой. И, что бы ни случилось с ней в жизни, она упорно играла эту

роль, хотя давно могла бы все изменить. Эдакая разновидность самоистязания. Впрочем, в тот момент Женя не отдавала себе в этом отчета. Она считала, что не в силах изменить обстоятельства.

Идти к шантажисту без денег было страшно. Ах, лучше бы на встречу пришел тот тип, который прикалывался к ней в кафе! У него милое лицо, и сам он, вероятно, мог бы оказаться милым. Но, судя по всему, его главная задача – морочить головы доверчивым дурочкам. Когда операция входит в свою вторую фазу, в дело вступает партнер. До чего же неприятный тип!

Пончик действительно выглядел неаппетитно. Он был низеньким и довольно полным, но не до такой степени, чтобы вызывать отвращение. Главной его, так сказать, достопримечательностью было идеально круглое брюшко. При взгляде на него создавалось впечатление, что этому типу каким-то образом удалось проглотить сдутый футбольный мяч, который накачали уже у него в желудке. У всякого, кто общался с Пончиком, появлялось желание похлопать его по животу. Все остальное во внешности шантажиста было совершенно заурядным, включая бесцветные глаза и столь же бесцветную челку, висевшую над левой бровью.

Вспоминая Пончика, Женя содрогнулась. Боже мой, как не хотелось ей видеть эту физиономию! Может быть, выпить для храбрости? До сих пор это выражение было для Жени просто крылатой фразой. В своей жизни она пила всего па-

ру раз, да и то шампанское. Более крепкий напиток делал ее неадекватной и вполне мог свалить с ног, что доказал эпизод с шантажистами. Однако, раз возникнув, мысль прочно засела в ее подсознании. Женя собрала свои пожитки в пластиковую сумку и, обняв ее, села на кушетку. Там же, в пакете, лежала и кассета с копией видеозаписи, которой ее, собственно, и шантажировали. Итак, жизнь кончена!

Под окном раздался резкий голос Ирмы Гавриловны. Нельзя было разобрать, что конкретно она говорила, но по интонациям было понятно – ничего доброго. «Вероятно, снова отчитывает бедолагу садовника, – подумала Женя и метнулась к окну. – Так и есть: прямо утро стрелецкой казни. Надеюсь, садовник однажды взбунтуется и повесит ее на яблоне».

Момент для того, чтобы разжиться спиртным, был самый что ни на есть подходящий. Женя стрелой пролетела через весь дом, ворвалась в библиотеку и кинулась к бару. К счастью, тот никогда не закрывался. Распахнув дверцы, Женя некоторое время рассматривала бутылки и в конце концов решила, что от водки она умрет на месте, коньяк повлечет за собой клиническую смерть, от вина ее развезет, а вот ликер, возможно...

Быстро приняв решение, Женя выудила из бара приземистую бутылку и бокал на низкой ножке и отправилась обратно на второй этаж. Усевшись на кровать, она налила в бокал на два пальца ядовито-желтой жидкости и опасно понюха-

ла. Ликер оказался банановым, его сладкий запах возбуждающе пощекотал нос.

Настроение у Жени поднялось после первой же порции. Однако она решила, что до Пончика этого ей не хватит, поэтому угостилась еще два раза. Вскоре ее организм перешел в новый тепловой режим – Жене стало жарко. Она расстегнула на рубашке еще две пуговицы и отправилась в путь.

В этот раз автобус почему-то был наполнен премилыми людьми, которым Женя рассказала массу забавных историй из своей жизни. Потом было метро со слегка качающимися колоннами на станциях и наконец памятник поэту, ставший в этот летний день страшно расплывчатым. Вероятно, от слишком яркого солнца. Как бы то ни было, но он явно напоминал мираж в пустыне.

Не успела Женя толком оглядеться, как прямо у нее над ухом раздался голос:

– Бабки принесла?

Медленно повернувшись, она увидела Пончика, который бегал глазками по сторонам и усиленно жевал резинку.

– Нету! – с надрывом ответила Женя, качаясь так, словно под ногами у нее была палуба корабля, попавшего в шторм. – Нету у меня бабок!

Пончик тут же перестал двигать челюстью и стрельнул в Женю глазками, похожими на две маленькие пульки.

– Ты чего, с ума сошла? Дура пьяная! Хоть какие-то бабки у тебя должны быть!

– Хоть какие-то – это пжалста! Почти пятьсот баксов. Они у меня есть, потому что я их украла!

– Давай сюда!

– На! – Женя достала из кармана конверт с деньгами и со всего маху хлопнула его на подставленную ладонь Пончика.

– Почему не украла больше, сколько я сказал? – пробормотал тот, воровато засовывая конверт в карман штанов. – Я ведь кассетку дяде вышлю!

– А высылай! – с пьяной удалью разрешила Женя и широко махнула рукой, заехав Пончику прямо в солнечное сплетение.

– Уй! – согнулся тот. – Прекрати! И можешь готовиться к головомойке! Твоему дяде предстоит эксклюзивный просмотр!

Пончик потряс в воздухе сумкой, в которой, как нетрудно было догадаться, лежала злополучная кассета.

– Отдай! – потребовала Женя. – Ты взял у меня баксы, так что кассета теперь моя!

– Ща, разбежалась! – Пончик собрался уходить, но Женя внезапно схватила его за грудки и с нечеловеческой силой притянула к себе.

– Да ты знаешь, – задохнулась она, наполняясь горестными слезами по самую макушку, – что ты мне жизнь сломал! У меня и так жизнь была – не приведи господи! А ты!!!

– Отцепись! – потребовал Пончик, стараясь не повышать голос. – И не ори, словно тебя убивают.

– Ты должен знать правду! – зарыдала Женя, продолжая трясти его изо всех сил, отчего несколько пуговиц с рубашки Пончика оторвались и запрыгали по асфальту.

На сцену начали обращать внимание. Пончик изрядно стухнул. Внимание ему было ни к чему. Поэтому он потащил Женю к скамейке, пытаясь на ходу освободиться от нее и бежать. Но у него ничего не выходило.

– Знаешь, почему я не принесла деньги? Знаешь? – приставала Женя, приближая к нему рот и опалая его жарким банановым дыханием. – Потому что дядя меня не любит. О, если бы он меня любил! Он бы обратил внимание на то, какие у меня ужасные ботинки!

Пончик непроизвольно посмотрел на ее ботинки и моргнул.

– И еще у меня нет ни одного платья! – захлебнулась, всхлипывая, Женя. – На дядиной фирме я вкалывала как негр, но мне не платили ни копейки! Чтобы купить себе смену нижнего белья, мне приходилось мыть пол в соседнем магазине!

– Я тебе сочувствую, – осторожно сказал Пончик, предполагая, что сочувствие ее разжалобит и слегка расслабит.

Однако Женя накинулась на него с новой силой:

– А на хрен мне твое сочувствие! Ты мне лучше кассету отдай!

В любом другом случае Пончик отдал бы кассету от греха подальше и скрылся навсегда с Жениного горизонта. Но

в настоящий момент у него были личные денежные затруднения, и он вдруг подумал, что можно попытаться запродать эту кассету самому Ярославскому. В прошлый раз девчонка излагала, что дядя страсть как не любит скандального поведения и порицает всяческие непристойные выходки. Может быть, чтобы сохранить честь фамилии, он заплатит Пончику жалкие две штуки баксов? А его партнеру даже знать об этом не обязательно.

По крайней мере, с кассетой он сейчас точно расставаться не собирался. Тем временем Женя продолжала цепляться за него, как утопающий за соломинку.

– Ой, гляди, кажется, твой дядя! – схитрил Пончик, ткнув пальцем в пространство. – Георгий Николаевич!

– Где? – Женя послушно повернулась, ослабив хватку, тут он и вырвался наконец из плена и пустился наутек.

Поискав глазами дядю, Женя сложила руки рупором и крикнула Пончику в спину:

– Нет никакого дяди! Ты ошибся! Возвращайся давай!

Но Пончик и не думал возвращаться. Ему потребовалась всего минута, чтобы смешаться с толпой и исчезнуть.

– Обобрал! – громко сообщила Женя всем, кто мог ее услышать. – Стырил мои денежки! Осталась я, как Буратино, с длинным носом.

Женя долго раскачивалась на скамейке и громко завывала. Потом, почувствовав, что окружающие ее горя не разделяют, поднялась на ноги и отправилась путешествовать по

Бульварному кольцу. Через несколько часов довольно быстрой ходьбы хмель начал выветриваться из организма, и на нее напала апатия. «Что мне теперь делать? – обреченно думала она. – Дядя, наверное, уже садится ужинать. Скоро хватятся меня».

* * *

Вспомнив слова Вени Лаптева о том, что в критической ситуации она может на него положиться, Женя решила, что такая ситуация как раз наступила, и взяла курс на его квартиру. Возможно, Веня разрешит пожить у него недельку, пока она не найдет работу. И даже, может быть, даст займы на первый взнос за комнату, которую она рассчитывала снять в какой-нибудь коммуналке.

Но вот уж чего она совсем не ожидала, так это того, что свободные метры в квартире Лаптева окажутся заняты. Веня открыл дверь, не спрашивая, кто пришел. Увидев зареванную Женю, он отступил в сторону, коротко сказав:

– Давай заходи!

В этот момент она и не подозревала о присутствии в квартире посторонних. Еще на лестничной площадке она достала из пакета копию кассеты, посредством которой ее шантажировали, решив сразу рассказать Вене о себе всю правду. Кассета должна была доказать глубину той пропасти, в которую Женя пала. Конечно, она не собиралась демонстриро-

вать Лаптеву саму запись. Рассчитывала просто дать подержать пленку в руках в качестве вещественного доказательства.

– Положи свои пожитки, и пойдём-ка на кухню – я там еду готовлю.

Женя послушно устроила пакет и злополучную кассету на тумбочке под зеркалом и, сбросив башмаки, осталась в белых пионерских носочках с желтой каймой по краю.

– Вкусно пахнет, – сказала она жалобно, устраиваясь на табуретке возле холодильника.

– Угощу тебя своим фирменным пловом, – гордо заявил Лаптев. – Чувствую, раз ты явилась с полным пакетом добра, случилось что-нибудь из ряда вон.

– Я ушла от дяди, – с места в карьер заявила Женя.

– Ага.

Веня повернулся к чугунку и начал колдовать над ним, ничего больше не добавив к сказанному.

– Меня шантажировали, – мрачно заявила Женя, уставившись ему в затылок.

Веня повернулся, держа длинную деревянную ложку на отлете. Глаза его сделались ужасно удивленными.

– Тебя? Боже мой, чем?

– Неужели я не человек, а просто грязь под ногами? Меня уже и пошантажировать нечем?! – рассердилась Женя, которая, как выяснилось, была основательно на взводе.

Именно в этот момент из комнаты донесся громкий рас-

катистый хохот. Мужской. Женя подпрыгнула на табуретке и испуганно воззрилась на Лаптева.

– Ты что, не один?

– Не один, – спокойно подтвердил тот. – Это мой приятель. Ему сейчас тоже негде жить.

– Какой приятель? – пролепетала Женя.

– Гена Мартынов, ты его не знаешь.

– А... А я думала...

Растерянность Жени тотчас же подсказала Лаптеву все, о чем она думала. Она думала о том, чтобы перекантоваться у него некоторое время. И теперь, прямо на глазах, ее надежды рушились. Выгнать из дому уже устроившегося Мартынова Веня не мог. Он понимал, что следует как-то примирить двух этих людей, чтобы они не разбежались, огорченные им и друг другом.

Вечером Вене предстояла рабочая смена. Она могла затянуться на двое, а то и на трое суток. Уезжая, ему хотелось бы знать, что Женя не отправилась скитаться по дворам, словно побитая дворняжка.

– Кто это – Мартынов? – спросила между тем Женя, которая уже сползла на самый краешек табуретки, намереваясь, вероятно, таким образом показать, что задержится совсем ненадолго.

– Ну... Он занимается трубами, канализацией...

«Дурацкий водопроводчик! – подумала Женя. – Надо же, как некстати у него образовались жилищные проб лемы».

– Ты можешь остаться пожить, – предложил между тем Веня. – Спать будешь в большой комнате на моей софе. Я, понимаешь ли, ухожу на пару ночей на работу. Ну а потом поглядим.

Женя представила себе поддатого водопроводчика, с которым она останется ночью один на один, и потрясла головой:

– Да нет, спасибо, я как-нибудь сама устроюсь.

– Где? – строго спросил Веня.

– Я еще не знаю...

– Ты и через час не будешь знать. А на улице уже темнеет.

Кстати, что тебя напрягает? Мартынов?

– В общем-то, да. – Женя решила не темнить. – Я боюсь мужчин.

Взгляд Лаптева сделался отсутствующим. Так бывало всегда, когда он о чем-то усиленно размышлял. Женя терпеливо ждала.

– Он не будет к тебе приставать, – наконец выдал итог своих размышлений Лаптев.

– Почему ты знаешь? – живо отозвалась та. – Приятель приятелем...

– Он переживает большую личную драму. Ему сейчас не до тебя. Да и вообще женщины у него в последнее время не в чести. Сказать по правде, они ему опротивели.

– Как это так?

– Приелись.

– Все?

– Ну, кроме той, которая разбила его сердце.

Женя смягчилась. Водопроводчик с разбитым сердцем совсем не то, что обыкновенный водопроводчик.

– Так ты согласна остаться и разделить с ним, так сказать, кров? – спросил Веня.

– Согласна.

– Только, пожалуйста, держи язык за зубами. Ну, по поводу того, что я тебе про него рассказал.

– Конечно! Мог бы даже не предупреждать.

– Вот и ладненько.

– А он не будет выступать? Этот Мартынов? Из-за того, что я остаюсь?

– Конечно нет!

По правде сказать, Лаптев вовсе не был в этом так уверен. Мартынова ему еще предстояло умаслить. Наверное, тот все-таки будет недоволен. В общем, его можно понять: получить в соседки незнакомую особу, да еще такую специфическую...

В этот момент Гена Мартынов снова громко захохотал.

– С ним вообще все в порядке? – осторожно спросила Женя.

– В полном.

– А чего он так ржет?

– Не знаю, надо пойти посмотреть.

Они вдвоем отправились в комнату, причем Веня шел

впереди, а Женя замыкала шествие. Они увидели кресло с высокой спинкой, из-за которой выглядывала встрепанная темно-русая макушка. Перед креслом стоял телевизор, и – о ужас! – на экране скакала голая Женя. В этот момент она как раз запела, отчаянно фальшивя, и Гена Мартынов, выступавший в качестве зрителя, снова громко захохотал.

– Выключи сейчас же! – завизжала Женя и кинулась к экрану, загородив его собой.

Мартынов опешил и медленно встал. Он был высок настолько, что Женя не доставала ему даже до подбородка. У него был рот дамского любимца и зеленые глаза обманщика. Он казался просто симпатичным до тех пор, пока не заговорил. Тогда стало понятно, что его тяжелая артиллерия – это обаяние. Женя никогда не видела таких потрясающе обаятельных водопроводчиков. Правда, сейчас ей было не до него.

– Выключи! – еще громче завизжала Женя.

– И вам тоже добрый вечер! – сказала воплощение мужского шарма и лениво потянулось к пульту. – А в чем, собственно, дело-то?

Когда экран погас, Женя наклонилась и вытащила кассету из видеоманитофона. Потом прижала ее к груди и зажмурилась.

– Что это? – спросил Лаптев, пребывавший в полном недоумении.

– Кажется, я понял, – сказал Мартынов. – Это ведь были

вы! Какая прелесть! Это что, пробы для кинокомедии?

– Я хочу побыть одна, – выдавила Женя. Она по-прежнему прижимала кассету к себе, присев при этом так, словно у нее схватило живот.

– Пойдем на кухню! – прошипел Веня и потянул приятеля за рукав. – Надо поговорить.

– Что это за чудо в перьях? – спросил Мартынов, усаживаясь на табуретку, где только что сидела Женя, и принюхиваясь к дымку, шедшему из чугунка. – О, как отпадно пахнет!

– Через пятнадцать минут будет готово, – пообещал Веня, чувствуя смутную вину оттого, что собирался навязать ему соседку. – Ты зачем кассету взял?

– Я думал, это кино какое-нибудь. Кассета лежала на тумбочке под зеркалом, на ней ничего не написано. Я даже не знал, что ты пришел не один, музыку слушал. В наушниках. Так что это за девица?

– Это моя подруга Женя Ярославская, – осторожно начал Веня.

– А чего она приперлась на ночь глядя? Ты ведь уходишь? Или у тебя в запасе еще часик есть? Я вам, наверное, помешаю?

– Это совсем не то, что ты думаешь.

– Ладно, убедил. Больше я ничего такого не думаю.

– Понимаешь, ей негде ночевать, и я хочу ее здесь оставить.

– Со мной?

– С тобой.

– Ну, ты даешь! – хлопнул себя по коленкам Мартынов и сделал большие глаза. – Я и так не знаю, куда от баб деваться. Она ведь будет ко мне лезть!

– Ни боже мой! – горячо пообещал Веня.

– Да ты не знаешь баб! – не пожелал успокаиваться Мартынов. – Особенно меня пугают именно такие, как эта!

– Чем это она тебя испугала?

– Она визжала, разве ты не слышал? Визжала, как резаная свинья!

– Она не будет к тебе приставать, – твердо сказал Лаптев.

– Надеешься, что, если проведешь с ней воспитательную беседу, от этого что-нибудь изменится? Ты просто не знаешь, как эти особы действуют! Я могу тебе рассказать! Через пять минут после того, как за тобой захлопнется дверь, она постучит ко мне в комнату и спросит, не хочу ли я чаю.

– Скажешь, что не хочешь.

– Потом она спросит, где сахар и заварка. Потом она полезет в ванну и у нее сломается кран или палец ноги застрянет в сливе. Или ей станет нехорошо, и она грохнется оземь, а я вынужден буду поднимать ее на руки и тащить в кровать...

Лаптев вытаращил глаза:

– Хочешь сказать, с тобой такое действительно происходит?

– Сплошь и рядом.

– Мне обычно приходится начинать с обеда. Или хотя бы

с ужина в приличном месте.

– Это потому, что ты сам выбираешь себе женщин. В моем случае все наоборот. Они выбирают меня и преследуют. Будто я какая кинозвезда. Сестры говорят, во мне бездна обаяния и все из-за этого.

– Могу тебя уверить, – сказал Веня, поглядев на часы, – Жене это все равно.

– Ну да!

– Она... – начал Лаптев и вздохнул. Врать так врать! – Она не интересуется мужчинами. Вообще.

– То есть ты хочешь сказать...

– Именно.

– Слушай, это ее ботинки стоят в коридоре?

– Значит, ты обратил внимание!

– Чума, – коротко прокомментировал Мартынов. – В принципе, если бы я не видел ее голой, то мог бы принять за парня.

– Голой?!

– Ну, на этой кассете. Забавные у нее, я тебе скажу, развлечения.

– Еще раз обещаю, что она тебя не тронет.

– Раз так, пусть остается. Даже интересно.

– Надеюсь, ты не станешь ее соблазнять в качестве эксперимента?

– По-моему, она на меня зла. Сначала-то я был уверен, что прощение не заставит себя долго ждать, но после того, что

ты сказал... Думаю, мы проведем тихий вечер, не тревожа друг друга разговорами.

– Ну... Нам еще предстоит всем вместе поужинать.

– Она не пырнет меня хлебным ножом? – поинтересовался Мартынов, сверкая изумрудными глазами.

– Сейчас узнаем.

Веня, продолжая миссию миротворца, направился в комнату.

– Его счастье, что он твой друг, – встретила его появление Женя. Она уже пришла в себя настолько, что смогла нормально разговаривать.

– Пойдем, я познакомлю вас, как полагается.

– А этот тип не станет рыдать и биться в истерике, оплакивая свою любовь?

– Ну, перестань. Ты относишься к нему предвзято. Что было на той кассете?

– Я там была. Без одежды, усек?

– Так именно этой пленкой тебя шантажировали?

– Да.

– Тебя что, снимали через окно ванной?

– Потом расскажу, – насупилась Женя. – Это так отвратительно!

– Гена сказал, что ему понравилось. Может, ты зря ушла от дяди?

– Дядя – не Гена, – обиженно ответила Женя. – Он бы запись по достоинству не оценил.

– Уверена?

– Уверена. У дяди не так сильно развито чувство юмора, как у твоего приятеля.

Тем временем они приблизились к кухонной двери.

– Входи, давай я вас представлю. Женя, это Гена Мартынов, мой друг. Гена, это Женя Ярославская, моя подруга.

– У вас красивая фамилия, – сказал Мартынов примирительным тоном.

– Надеюсь, вы раскаиваетесь в том, что произошло, – заявила Женя, вздергивая подбородок.

– Еще бы! – подтвердил Мартынов, скорчив скорбную мину. Однако глаза его жили отдельной жизнью и показывали, что он ни чуточки не раскаивается. От негодования Жени Мартынова спасло то, что она просто не смотрела ему в глаза.

Плов, который приготовил Веня, был действительно пальчики оближешь, поэтому обстановка за столом разрядилась сама собой. Все уплетали угощение, правда, Веня портил все тем, что постоянно смотрел на часы.

– За мной должен заехать коллега, – пояснил он. – Боюсь, не опоздать бы.

Мартынов с Женей начали его успокаивать. Наконец внизу прогудел сигнал. Веня подхватился и помчался надевать башмаки.

– Пока, братва! – крикнул он на бегу.

Когда за ним захлопнулась дверь, Женя, обсасывая ко-

сточку, спросила:

– Вас, кажется, Геной зовут?

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Геннадием.

– Это чтобы людям на ум сразу не приходил крокодил Генна? Понимаю...

– А вы с Веней давно знакомы? – светским тоном спросил Мартынов.

– С детства. А вы?

– А я всего несколько лет.

– Он, наверное, относится к вам, как к старшему брату. Или к отцу. Вам сколько лет? Сорок? Сорок пять?

– Двадцать девять.

Мартынов усмехнулся. Ему нравились отважные попытки этой мужеподобной пигалицы задеть его за живое. Впрочем, сейчас он уже не стал бы утверждать, что она мужеподобна. Сказать точнее, она – неженственна. Причем это были чисто внешние проявления отсутствия женственности – одежда, годящаяся для стройотряда, волосы, не подозревающие о существовании парикмахеров, и короткие ногти, не ведающие, что такое лак. Мартынов упоенно искал в ней недостатки. Нашел, что ресницы у нее короткие и слишком светлые, чтобы сделать глаза хоть сколько-нибудь выразительными. Фигура ничего. Это Мартынов помнил по пленке. Такая, как ему нравится. Впрочем, о чем это он?

– Вы чай будете пить? – спросил он.

Ему совсем не хотелось уходить в свою комнату. Там его

ждала всего лишь приключенческая книжка. А здесь сидело приключение собственной персоной. Мартынову приспичило узнать все о своей новой соседке. Что она предпочитает на завтрак? Боится ли мышей? Любит ли смотреть кино и кто ее любимые актеры? Нравится ли ей читать, и если да, то литературу какого жанра? Почему-то ему казалось, что она обожает фантастику. Ему безумно захотелось это выяснить.

– Буду.

– Что? – спросил Мартынов.

– Буду чай. Вы же сами только что спросили.

Мартынов вызвался приготовить его сам.

– Кажется, у Веньки только зеленый, – сообщил он, отыскав коробку. – Ничего?

– Сойдет для сельской местности.

От зеленого чая у Жени стало горько во рту. Такая же горечь наполняла и ее сердце. Судьба просто смеется над ней! Она случайно знакомится с совершенно потрясающим мужчиной, но как раз в тот момент, когда он сходит с ума от любви к неизвестной красотке!

Женя украдкой поглядела на Мартынова и вздохнула. Конечно, она в любом случае бы его не заинтересовала, но пометчать ей никто запретить не может. Да просто почувствовать рядом с собой живого, красивого, сильного, обаятельного мужчину – даже этого еще ни разу не выпадало на ее долю. И вот опять! Не выпало. Что за пропасть!

Судя по всему, водопроводчик не знал, о чем с ней разго-

варивать.

– Вы любите фантастику? – наконец родил он вопрос после нескольких громких глотков.

«Вероятно, у него низкий культурный уровень, – подумала Женя. – Так что выпендриваться не стоит».

– Обожаю, – ответила она.

«Так я и думал!» – обрадовался Мартынов, дивясь своей проницательности.

– А что конкретно?

Женя пыталась вспомнить что-нибудь попроще. Потом плюнула и сказала:

– Азимова.

– Гм, – сказал Мартынов. Он был уверен, что она назовет Шекли или Стругацких.

«Вероятно, Азимова он не осилил, – решила Женя, глядя на задумчивую физиономию Мартынова. – Но до чего ж хорош! Какого фига он пошел в водопроводчики? Ему надо было бы на сцену». Вопрос: «А вы не мечтали стать актером?» – так и вертелся у нее на языке. Но она решила, что задать его – значит, чертовски польстить новому знакомому. А она совершенно не желала проявлять свою симпатию. «Конечно, он мне симпатичен, – попыталась мысленно оправдаться Женя. – Да и кому бы он не понравился?»

Мартынов между тем чувствовал себя довольно странно. Он привык к тому, что девицы бросают на него томные взоры и придумывают всякие сногшибательные штучки с целью

его обольстить. От этой, конечно, нечего ждать восхищения. Что, собственно, ужасно непривычно само по себе.

Мартынов впервые испытал это новое чувство. Вечер с женщиной, которая на него не посягает. Потрясающе!

– А не хотите ли во что-нибудь сыграть? – спросил он, весь исходя вежливостью. – Шашки? Шахматы? Бизнес? Эрудит?

– Может быть, в морской бой? – предложила Женя, памятуя, что в этой игре важны не мозги, а удача.

– Отлично!

«Интересно, если бы она родилась мальчиком, то пошла бы в военное училище?» – подумал Мартынов, отправляясь за бумагой и карандашами. Он и сам не мог понять, с чего это его распирает желание знать всю подноготную Жени Ярославской, которая вовсе не интересуется мужчинами и сама выглядит словно мальчишка лет пятнадцати.

Как назло Женя попадала в корабли Мартынова с лету. Она понимала, что задевает его мужское самолюбие, и была в самые неправдоподобные места. Мартынов ставил крестик за крестиком на своем поле и улыбался все шире.

– А вы мастер! – похвалил он, когда третий тур завершился его полным разгромом. – Спать не хотите?

Женя посмотрела на него с откровенным сожалением и ответила:

– Хочу. Кто первый пойдет в душ?

– Уступаю вам эту честь.

– Правда, у меня нет халата, – с некоторым сомнением

сказала она. – И полотенца тоже.

– Думаю, у Веньки найдется и то и другое. Поискать? Или вы сами?

– Поищите вы.

Вечер закончился тем, что вымытая Женя лежала на софе Лаптева и сквозь неплотно сомкнутые ресницы жадно наблюдала за тем, как полуголый Мартынов, обернув бедра полотенцем, на цыпочках пробирается в маленькую комнату. Он выглядел как герой-любовник и так взволновал Женино сердце, что она не выдержала и заплакала. Благо подушка была огромных размеров, и ее рыдания потонули в ней совершенно бесследно.

* * *

В доме Ярославских Женю хватились после ужина. Георгий Николаевич, в одиночестве съевший порцию курицы с жареной картошкой и овощным салатом, во время трапезы чувствовал определенный дискомфорт. Наконец, отложив салфетку, он поглядел на Ирму Гавриловну и с некоторой долей обиды спросил:

– А где моя племянница?

– Она еще не возвращалась, – ответила та, не поднимая глаз.

– Откуда?

– Думаю, она ушла на свидание.

– Думаете или знаете?

– Я почти уверена.

Ирма Гавриловна сначала сцепила руки внизу замочком, потом передумала и убрала их за спину. Но долго так не простояла и сложила их на груди.

– Она сказала, – задохнувшись, сообщила экономка, – что тот тип с золотой цепью на шее по ней соскучился. Он ей звонил. Прямо сюда, – добавила она трагическим тоном.

– Куда? – не понял дядя.

– Ну, прямо в ваш дом.

– В мой дом? Но это и Женин дом тоже, – раздраженно заметил Георгий Николаевич. – Раз у моей племянницы появился молодой человек, он, естественно, будет звонить туда, где она живет, не так ли?

Если бы Женя сейчас слышала его, то растаяла бы от счастья.

– Я думаю, это неподходящая пара для вашей племянницы, – попыталась защититься Ирма Гавриловна.

– А что вы о нем знаете? – полюбопытствовал Ярославский.

– О нем и не надо ничего знать! Достаточно его увидеть!

– Надеюсь, она вернется домой в приемлемое время, – пробормотал тот, будто бы ничего не слышал.

Когда перевалило за полночь, Ярославский обеспокоился всерьез и решил провести осмотр Жениной комнаты. Тут-то и были обнаружены початая бутылка и бокал с остатками

ликера на дне.

– Она стащила ваш ликер! – вознегодовала Ирма Гавриловна, которая не могла упустить случая, чтобы хоть как-нибудь не унизить Женю перед дядей.

– Это любовные неприятности! – уверенно сказал Ярославский. – Серьезные молодые девицы напиваются только в одном случае: когда думают, что у них разбито сердце.

Он подошел к платяному шкафу и, распахнув уверенной рукой дверцы, удивленно воскликнул:

– Да не сбежала ли она из дому? Посмотрите: ее вещей нет!

Ирма Гавриловна сунула свой нос в шкаф и, дернув плечом, поспешила его успокоить:

– Да нет, все на месте, не беспокойтесь.

Ярославский примерно полминуты молча глядел на две вешалки, занятые обтрепанной рубашкой и коричневыми штанами, а также вылинявшей футболкой. Затем разворошил лежащие на полке два стиранных-перестиранных свитера и расплзшуюся по шву юбку, по которой помойка рыдала уже лет пять как минимум.

– Вы хотите сказать, – с неподдельным изумлением спросил он, – что у моей племянницы есть только эта одежда?

– Вы же встречаетесь с ней каждый день, – осторожно ответила Ирма Гавриловна, которая до сих пор не решила, какая линия поведения будет в данном случае наиболее выгодной для нее.

– Да, но мне как-то в голову не приходило... Я думал, ей, по крайней мере, есть из чего выбирать! – Ярославский совершенно мальчишеским жестом взъерошил волосы и внезапно накинулся на экономку: – А вы что, не могли мне подсказать? Неужели так трудно проявить элементарное внимание к молодой девушке? Я не смог заменить мать родному сыну, но он все-таки родился мальчишкой. А что там в голове у молодых девиц... Как можно было такое допустить?

Он уселся в холле и уставился на входную дверь, ожидая появления Жени. Когда часы пробили половину третьего, Георгий Николаевич схватился за телефон и начал названивать Карпенко. Как назло того не оказалось в городе, и его мобильный телефон не работал.

В эту ночь Ярославский не ложился спать вообще. Он расхаживал по дому, пугая Ирму Гавриловну своим мрачным и неприступным видом. В голову ему лезли самые ужасные мысли. Утром Карпенко нашелся и был срочно вызван на ковер. Георгий Николаевич, волнуясь и путая слова, рассказал ему о внезапном исчезновении племянницы.

– Не могу поверить, что это случилось во второй раз! Сначала Ян, теперь Женя...

Узнав о початой бутылке ликера, обнаруженной в комнате племянницы хозяина, Карпенко немного помолчал, подумал, после чего оптимистично заявил:

- Она наверняка у Лаптева!
- У интернатовского приятеля?

– Наверное, она явилась к нему пьяная домой, и он не отпустил ее на ночь глядя.

– Но сейчас-то уже утро! Почему же она не возвращается? И этот Лаптев... Мог бы, в конце концов, позвонить, не так ли?

– Да он ведь компьютерщик! – возразил Карпенко таким тоном, словно компьютерщики – существа с другой планеты. – Кроме того...

Его фраза повисла в воздухе, потому что краешком натренированного глаза он заметил через большое окно в конце сада какое-то движение.

– Минуточку! Кажется, у нас непрошенные гости... – проворчал он и на цыпочках метнулся к двери.

Пять минут спустя возле изгороди был пойман, скручен и доставлен в холл маленький невзрачный человечек с круглым брюшком. Документов при нем не оказалось. Во внутреннем кармане летней куртки была обнаружена видеокассета без опознавательных знаков.

– Итак, что ты здесь вынюхивал? – спросил Ярославский, принимая начальственную позу. Это вышло у него машинально, поскольку на самом деле он вовсе не собирался демонстрировать силу, а, напротив, был расстроен и даже слегка растерян.

– Меня послали, – жалобно соврал Пончик, кляня себя за предпринятую вылазку на чем свет стоит. – Велели кассету вам передать. Вот эту вот. Которую вы у меня из кармана

вытащили.

Он придумал это, потому что понимал: рано или поздно кассету все равно просмотрят. И прижмут его к ногтю. Пончик решил, что будет отпираться до последнего. Скажет, что к нему подошел на улице незнакомый мужик и заплатил за доставку кассеты. Короче, он всего лишь курьер. А сам ни-ни. Никакого отношения к тому, что на ней запечатлено, не имеет.

Ярославский и Карпенко, услышав про мужика, велевшего доставить кассету, встревоженно переглянулись.

– Неужели это... это про Яна? – выдохнул Георгий Николаевич и вскочил на ноги.

В одну секунду он подлетел к Пончику и схватил его за горло сильными пальцами. Пончик тут же высунул язык, думая, что это заставит Георгия Николаевича не слишком жать на его кадык.

– Где он? – прокричал Ярославский прямо в нос глупому шантажисту. – Где мой сын?

– Почему я знаю? – прохрипел бедолага, пытаясь достать носками до пола. – Меня просто остановили на улице и велели передать пленку... Я же все объяснил. Я ни при чем! Я честный человек!

– Такие честные работают на лесоповале, – процедил Карпенко.

– Вызывай милицию! – повелел Ярославский, обращаясь к своему помощнику. – Срочно.

– Зачем милицию? – Пончику так поплохело, что он даже слегка сдулся. – Я просто прохожий! Вы обязаны меня отпустить! У вас нет лицензии на отлов граждан, гуляющих по обочинам! Я буду жаловаться прокурору! Я напишу Путину! Я буду жаловаться в ООН!

На его вопли никто не обращал внимания. Тогда Пончик попытался дать деру. Он укусил Карпенко за руку и в два счета доскакал до двери, словно и впрямь был резиновым.

– Запри его где-нибудь, – велел Ярославский, когда Карпенко, сделав рывок, догнал беглеца. – Пусть милиция с ним разбирается.

Приехавший следователь был возбужден событием и потому румян и оживлен сверх меры.

– Давайте сначала посмотрим кассету! – предложил он и, взяв ее бумажной салфеткой, потряс в воздухе. – Где у вас тут видеомэгнитофон?

– Где у нас видеомэгнитофон? – переспросил Ярославский у Кости Карпенко.

Тот виновато пожал плечами.

– Мне как-то не довелось обратить на это внимание.

Он никогда не замечал в доме ничего похожего. Тотчас же на импровизированное собрание была вызвана Ирма Гавриловна. Она вошла, чеканя шаг и задрвав подбородок выше, чем обычно. Вероятно, она ожидала каких угодно вопросов, но только не того, который услышала.

– Где у нас видеомэгнитофон? – едва сдерживая эмоции,

спросил хозяин дома.

– Его нет, – трусливо ответила Ирма Гавриловна и пошла красными пятнами.

– Надеюсь, это шутка? – Ярославский выпучил глаза. Его кадык забегал по горлу вверх-вниз, как потерявший управление лифт по шахте. – Я получаю весточку о сыне и... и... – Он задохнулся от переживаний.

– У меня есть видеомэагнитофон, – почти беззвучно проговорила Ирма Гавриловна, трясаясь всем телом, словно только что избежала смерти. – В моей комнате.

К Ярославскому тотчас же вернулись его воля и энергия.

– Идемте в вашу комнату! – приказал он.

Все разом поднялись и потянулись за хозяином дома. Ирма Гавриловна, издав тихое повизгивание, обогнала резво идущую на второй этаж процессию. Однако ей удалось лишь сдернуть с кресла полотенце, все остальное осталось в первоизданном виде, когда следовательно, Ярославский и Карпенко вошли внутрь и расположились на кровати. К слову сказать, никто не обращал внимания на обстановку. А вот мечущаяся между предметами мебели экономка явно всем мешала.

– Ирма Гавриловна, вы можете пока приготовить нам чай, – велел Ярославский, недвусмысленно давая понять, что ее присутствие здесь ни к чему.

Ирма Гавриловна выскочила в коридор словно ошпаренная и побежала на кухню, моля бога, чтобы Георгий Николаевич не обратил внимания на кое-что лежащее прямо на

трельяже. Как она могла так опростоволоситься! Как могла не спрятать эту вещь!

Между тем в ее спальне начался видеопросмотр. Первые же кадры заставили Ярославского дрогнуть. Лицо его вытянулось, а глаза выпучились. Карпенко, всегда отличавшийся потрясающей выдержкой, кинул на него быстрый взгляд, в остальном же оставался совершенно невозмутимым.

– Кто это? – с любопытством спросил следователь, не сдержав усмешки.

Женя на кассете прыгала и пела, с невероятным задором расставляя поочередно с предметами своего нехитрого туалета.

– Выключи! – велел Ярославский, шаря рукой по кровати в поисках пульта. – Немедленно! Ну? Чего ты тянешь? Я же ясно сказал: выключи!

Карпенко послушно остановил запись.

– Фу, я даже вспотел, – признался следователь. – Если я не ошибаюсь, это ваша племянница, – наконец-то догадался он.

– Моя, – с трудом выговорил Ярославский и, повернувшись к Карпенко, сердито сказал: – Я тебя уволю! Я ведь просил узнать, все ли с ней в порядке. Как ты мог пропустить такое?

– Да я...

– Давайте сюда того человека, которого вы поймали в саду, – велел следователь.

– Я что-то ничего не понял, – потер лоб рукой Ярослав-

ский. – Кассета не имеет никакого отношения к похитителям. Значит, о моем сыне опять ничего. Но как исчезновение Жени связано с этой записью?

– Ну, нет еще уверенности в том, что она действительно исчезла, а не ушла по доброй воле. Возможно, она предвидела, что кассету принесут утром, и спряталась.

– От кого?

– От вас, Георгий Николаевич! Ведь для нее это стыдная запись.

– Представления не имею, как могло с ней такое произойти. Женя – скромная девушка! – принялся оправдываться Ярославский.

– Скромных подловить легче всего, – вздохнул следователь.

Тем временем в комнату привели Пончика, который от страха сильно напрягся и мелко дрожал. Надо было добыть денег каким-нибудь другим способом. И как теперь выпутываться?

– Кто сделал видеозапись? – без предисловий спросил его Ярославский.

– Не знаю, – быстро ответил Пончик. – Я только принес. За деньги. Я передатчик. Ну, то есть не в смысле приемник, а в смысле – курьер.

– Рассказывай все сначала, – велел следователь. – И учти: мы расследуем похищение человека. Это тянет... знаешь на сколько?

Пончик раскололся через полчаса после активного вмешательства Карпенко, который взял его в кладовку для приватной беседы.

– Да не похищал я ее! Это она ко мне лезла! Пьяная она была в дым! Осталась у памятника Пушкину!

– Я точно вам говорю: она у Лаптева, – шепотом произнес Карпенко, наклоняясь к самому уху Ярославского. – Зря вы волнуетесь.

– Ты туда звонил?

– К телефону никто не подходит. Но я знаю, что говорю!

– Ты мне уже много чего наговорил, – недовольно ответил Георгий Николаевич и снова воззрился на Пончика, держащегося за ребра. – Зачем запись сделал?

– Хотел денег слупить! – Пончик до сих пор не выдал, что работает на пару с партнером.

– Сколько?

– Две штуки баксов.

– Теперь я понимаю, почему она сбежала, – хлопнул себя ладонями по коленям Ярославский. – Если бы она попросила у меня такую сумму, я бы начал допытываться, для чего. Впрочем, у нее могло что-то скопиться...

– Она сказала, что у нее нет денег, – быстро добавил Пончик. – Сказала, что ей не платят зарплату и она для того, чтобы купить нижнее белье, подрабатывает в магазине уборщицей.

Следователь с трудом сдерживал ехидную усмешку, Кар-

пенко вообще не подавал признаков жизни, сам же Ярославский покраснел, словно вареный рак.

– Не может быть, – с трудом выговорил он. – Моя племянница работает уборщицей?! Но зачем?! Она никогда, ни разу не просила денег! Работать уборщицей при моих-то доходах!

– Она сказала, – поспешно облизал губы Пончик, – что вы ее не любите. А без любви ей, мол, ничего не надо.

На глазах следователя и Кости Карпенко разыгрывалась большая человеческая драма. Ярославский менял цвета, словно хамелеон, попавший на дискотеку. Из красного он стал белым, потом серым, потом зеленым, после чего пошел пятнами.

– Вы забирайте его, – наконец выдавил он из себя, обращаясь к следователю и имея в виду Пончика. – А ты, – повернулся он к Косте Карпенко, – немедленно отыщи мою племянницу. Немедленно. У приятеля она или еще где. Если после Яна и она исчезнет...

– Она у Лаптева, – повторил словно заклинание Карпенко, поспешно выскальзывая в коридор.

Ирма Гавриловна топталась возле двери, изнемогая от желания попасть в свою комнату. Когда все ушли, она бросилась внутрь и с облегчением выдохнула: то, чего она так боялась, не произошло. Та вещь была на месте. «А эта мерзавка, – подумала Ирма Гавриловна про Женю, – возможно, все еще вынюхивает! Хоть бы она вообще не вернулась!»

* * *

– Ну, как там у вас? – спросил Веня, позвонив домой около семи вечера следующего дня.

– Отлично, – ответил Мартынов. – Можешь не волноваться.

– Женя дома?

– Да, только что пришла. Мы не виделись целый день.

– Она поделилась с тобой своими горестями?

– Нет, – несколько удивленно ответил тот. – А таковые имеются?

– В общем-то, да. И в немалых количествах.

– Я ничего не заметил, – хмыкнул Мартынов.

– Значит, Женька держится молодцом.

– Ладно, даю ее.

– Привет, – сказала Женя, которая весь день бегала по объявлениям, но никакой работы так и не нашла. Ведь у нее до сих пор даже не было трудовой книжки, и она никому не могла доказать, что секретарского опыта у нее хоть отбавляй. – Когда вернешься?

– Завтра. Переночую на фирме.

– Это из-за нас?

– Ну да! Это из-за работы. Поспать удастся часов пять, что вполне нормально. Кстати, у меня тут появилась идея насчет видеопроката.

– Да-а? – врасстяжку спросила Женя, мгновенно насторожившись. Она ожидала от Лаптева только умных идей.

– В восемь там просмотр, пойду-ка я схожу, с людьми познакомлюсь.

– Ты что?! А мальчишки? Ведь наше с тобой описание наверняка есть у милиции!

Гена Мартынов, который беззастенчиво подслушивал разговор, даже головой тряхнул от неожиданности. Оказывается, Венька ввязался в какую-то криминальную историю. Причем вместе с этой пигалицей!

– Я бы на твоём месте рисковать не стала, – добавила Женя в трубку, понизив голос.

– Вот и оставайся на своём месте, – весело ответил Лаптев.

– Но это мое дело, а не твое! – горячо возразила Женя. – Я все затеяла!

– Мы друзья, и ты пришла ко мне, когда стало совсем невозможно. Кроме того, я приверженец рыцарского отношения к женщинам. В том смысле, что мужчина должен держать удар.

– Но ты себя подставишь!

– Я позвонил только для того, чтобы предупредить, где буду. Чтобы ты знала, откуда ветер дует. Если вдруг что. Кстати, дядина безопасность тебя еще не нашла?

Женя закрыла трубку ладонью и спросила у Мартынова, который старательно делал вид, что разыскивает что-то на полке в коридоре:

– Меня никто не искал?

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказала она в телефонную трубку. – Карпенко до меня еще не добрался.

– Странно. Но ты будь морально готова, скоро он объявится.

Женя тяжело вздохнула и положила трубку после короткого прощания.

– Простите, я стал свидетелем беседы... За вами кто-то охотится? – с неподдельным изумлением спросил Мартынов, не сумевший сдержать любопытства. – Что это за Карпенко?

– Вам лучше с ним не связываться, – поспешила заверить его Женя. – И вообще лучше ничего не знать.

– Здорово! А что, если на эту квартиру наедут? Ведь это я стану невинной жертвой.

– Обещаю, что вас не тронут.

– Могу ли я вам верить?

– Ну, Лаптеву вы верите?

– Лаптеву да.

– А я все равно что он.

– Ладно, – решил сменить тему Мартынов. – Я кое-что купил на ужин.

– Да? – довольно неопределенно отозвалась Женя.

– Кто будет готовить: я или вы?

– Готовить? – растерялась Женя, которая была совсем не сильна в кулинарии.

По дороге она съела пончик и запила его стаканом про-

стой воды. Голод был утолен, и что-нибудь стряпать, возвратившись в квартиру Вени, она вовсе не собиралась.

– Надо договориться о готовке? – переспросила она.

– С одной стороны, этим должны были бы заняться вы, поскольку вы женщина, – заявил Мартынов менторским тоном.

– А с другой? – с надеждой спросила Женя.

– А с другой – вы целый день провели на ногах. Я верно понимаю?

– Верно, – вздохнула Женя. – В настоящий момент я ищу работу.

– Да? А какую, если не секрет?

– Секретарскую.

Мартынов быстро закашлялся, чтобы заглушить готовое вырваться восклицание. Да кто же возьмет такое чмо болотное в секретарши? Он еще раз критически обозрел Женю. Она, конечно, классно держится и вообще, судя по всему, человек с изюминкой, но фасад у нее – не приведи господи. Надо сказать Веньке, чтобы он ее просветил на этот счет. Они ведь друзья! Неужели он по дружбе не может подсказать дамочке, что таких секретарш в приемных давно не держат.

– В сущности, ужин уже ждет, – сказал между тем Мартынов.

– Вы прекрасно готовите, – похвалила голодная Женя, усаживаясь за стол.

Мартынов нажарил две сковородки полуфабрикатов.

С одной он теперь снимал картофельные котлеты, с другой – бифштексы глубокой заморозки.

– О, у меня богатый опыт в этом деле!

– А что ваша жена? – с набитым ртом спросила Женя.

Вопрос как-то непроизвольно выскочил у нее. Она была уже готова провалиться сквозь землю или, по крайней мере, забраться под стол. Обещала же Веньке не проколоться и не поднимать щекотливых вопросов. Однако Мартынов, казалось, воспринял все спокойно.

– Жена? – переспросил он. – Ну... В настоящий момент у меня с ней сложные взаимоотношения. – Потом подумал и добавил: – С бывшей женой.

«Вероятно, жена выгнала его из дому, узнав о его сердечной тайне, – тут же подумала Женя. – Или он сам ушел. Вот почему у него нет жилплощади». Она и мысли не допускала, что сердце ему разбила законная супруга. С такой потрясающей физиономией невозможно быть однолюбом. По крайней мере, Женя в это не верила.

* * *

Веня Лаптев загодя размазал по своей голове специальную пенку, которая, как и было обещано продавщицей, придала его волосам рыжеватый оттенок, и причесался. На этом он посчитал маскировку законченной. Надо признать, что тщательно причесанного его действительно трудно было

узнать.

– Мил. Чертовски мил, – сказал он своему отражению в зеркале и весело продул зубчики расчески.

Когда он ехал в метро, то несколько раз поймал на себе заинтересованные девичьи взгляды. «Может быть, для счастья достаточно тщательно причесываться по утрам? – подумал он с некоторой долей изумления. – Раньше на меня никто так не смотрел. Возможно, по мнению женщин, у парня с прилизанным чубом хорошие жизненные перспективы? Кажется, я похож на любимчика начальства». Размышляя таким образом, он незаметно для себя добрался до места.

Видеопрокат встретил его ярким люминесцентным светом и прелестными мордашками девочек, выдающих кассеты.

– Алло! – сказал Веня и постучал заранее приготовленной монеткой по стойке. – Красавицы! Говорят, в восемь у вас показывают кино. Я хочу поглядеть, это можно устроить?

– Отчего же нет? Платите, пожалуйста. Расценки перед вами. А потом проходите туда. – Губастенькая блондинка с густо накрученными скулами показала рукой, куда идти.

Веня залюбовался на нее и даже не сразу сообразил, что блондинка ждет денег. Наконец он пришел в себя, расплатился и неспешно прошествовал к широко открытой двери. Внутри уже сидели зрители. Они рассредоточились по комнате, устроившись кто на диванчиках, кто на креслах, кто на стульях перед небольшими круглыми столиками. Занавески

в комнате были задержаны, создавая приятную полутьму.

– Добрый вечер! – громко поздоровался Веня, отыскав для себя подходящее местечко.

По дороге он споткнулся, чертыхнулся, потом сильно закашлялся. Он хотел, чтобы на него обратили внимание.

На его приветствие присутствующие ответили бормотанием разной степени внятности. Только один толстый и одышливый мужчина весело сказал:

– Салют!

Публика в видеоклубе собралась самая что ни на есть разношерстная. Две девицы лет семнадцати, угрюмый тип в спортивном костюме, пара деловичков, жарко обсуждающих какие-то свои проблемы, несколько дам среднего возраста, обменивающихся степенными замечаниями, да еще старик со старушкой, держащиеся за руки.

«Наверное, старикам и детям даются какие-то льготы», – мимоходом подумал Лаптев. Без двух минут восемь в комнату вошел человек среднего возраста, весь вид которого выражал уныние. У него были унылый рот, унылые глаза и даже унылые руки, безвольно повисшие вдоль туловища. Человек был невысок и довольно упитан, однако двигался легко и неслышно. Лаптев подумал, что это и есть Вован, помощник погибшего Кокина.

– Мы начинаем, – невыразительно предупредил тот публику и включил аппаратуру.

Веня, который последний раз смотрел кино много меся-

цев назад, с упоением отдался действию, происходящему на экране. Он мог себе это позволить, поскольку восьмичасовой сеанс его мало интересовал. На него приходили случайные люди. А ему нужны были завсегда и те, что ходят в видеоклуб постоянно, а значит, составляют костяк десятичасовых просмотров.

– Говорят, сегодня будет еще кино? – спросил он, наклонившись к даме, оставшейся на своем месте после того, как прошли заключительные титры и в комнате включили свет.

– Да, будет еще один. Через... – Дама поднесла часики поближе к глазам. – Через пятнадцать минут.

– Чтобы посмотреть, надо заплатить еще столько же? – не отставал Веня.

Дама благосклонно кивнула головой. Несмотря на то что на вид ей было лет сорок пять, она все еще оставалась потрясающе красивой, ни один мужчина не посмел бы этого отрицать. Ярко-синие глаза с большими веками, крупный рот, точеный носик, узкий подбородок – все безупречно. Кроме того, у женщины была эффектная стрижка. Ее волосы были угольно-черными, что составляло приятный контраст с ярко-розовой помадой.

– А вы разве состоите в видеоклубе? – спросила она.

– Нет, не состою, но ведь я только что смотрел кино?

– Это был фильм из текущего репертуара, – пожала плечами брюнетка. – А в десять покажут новинку.

– Все равно я ничего не понял, – признался Лаптев. – Мо-

гу я заплатить за второй сеанс и остаться?

– А вы спросите у распорядителя, – посоветовала брюнетка и указала пальцем с длинным розовым ногтем на предполагаемого Вована.

Веня не стал медлить и подошел к нему.

– Я хочу остаться на следующий сеанс, – заявил он твердо. – Это можно устроить?

Унылый Вован вскинул на него водянистые глаза и безразлично пожал плечами:

– Пожалуйста. Платите девушкам еще за один просмотр и оставайтесь.

Когда Веня вернулся на свое место, брюнетка мимоходом улыбнулась ему, а еще одна дамочка, наверняка уже разменившая полтинник, сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

– При Андрюше все было не так.

По всей видимости, она имела в виду усопшего Кокина. Вован бросил на нее раздраженный взор и отвернулся. Поскольку больше никакой реакции с его стороны не последовало, дамочка решила продолжить:

– Андрюша создавал традиции. – Опасаясь, что и это ее замечание останется без ответа, она добавила: – Правда, Эльза?

Эльза была та самая брюнетка, с которой Веня недавно завязал разговор.

– Что вы, Анна, какие традиции? – усмехнулась та. – Это

все-таки не школа и даже не ресторан.

– Все равно. При Андрюше можно было быть уверенной в том, что с тобой рядом сидят подлинные ценители кинематографа.

Непримиримая Анна обладала внешностью, совершенно не соответствующей ее негативному отношению к окружающим. Это была типичная вдовушка – невысокая, пухленькая, с глубокими ямочками на щеках. Словно завершая образ, на коленях у нее лежала шляпка из соломки, украшенная ярко-желтой лентой.

– Здравствуйте все! – раздался между тем бодрый баритон.

Веня обернулся и с любопытством посмотрел на вновь прибывшего. Им оказался разболтанный парень лет двадцати пяти, который мгновенно отвращал от себя всякого опрятного человека длинными сальными волосами и прыщавым лбом. Как выяснилось позже, его звали Ильей Шумским, и он два-три раза в неделю приезжал в видеоклуб из Строгино.

Десятичасовой просмотр действительно сильно отличался от восьмичасового. Во-первых, отметил Веня, в комнате потушили не весь свет, а только верхний. Несколько светильников продолжало гореть, давая достаточно света для того, чтобы зрители могли видеть друг друга. Во-вторых, Вован обвязался накрахмаленным передником и стал усердно исполнять роль бармена. Запахло кофе, зрители активно зазве-

нели ложечками. Веня обратил внимание на то, что два деловичка тоже остались на второй сеанс. Они вообще не смотрели на экран, а активно обсуждали неведомые миру проблемы, приблизив друг к другу головы через столик.

Шумский, пользуясь статусом завсегдатая, положил ноги на свободный стул и время от времени позволял себе комментарии относительно достоинств картины и актерской игры. Очень кстати в сюжете встретился герой, пустивший себе пулю в лоб в результате банкротства.

– Видите, банкроты стреляются, – заметил Шумский, ни к кому конкретно не обращаясь, хотя было понятно, что он продолжает какой-то разговор, возникавший ранее. – Стреляются, а не травятся.

– Вы снова начинаете, Илья! – укоризненно сказала «вдоушка» Анна, носившая забавную фамилию Нетушкина.

– Но меня это волнует! Посмотрите, как у них там работает полиция! – Шумский махнул рукой в сторону экрана. – Все подозрительные смертельные случаи тщательно расследуются!

– Что же вам кажется подозрительным в случае с Андреем? – скучным голосом спросила красавица Эльза, не отрывая глаз от экрана.

– Самоубийство мужчины посредством отравления таблетками. – Шумский любовался своими ступнями, обутыми в растоптанные сандалии. – Настоящие мужики так не поступают. А Кокин был настоящий мужик. И у него навер-

няка имелся пистолет.

Веня украдкой посмотрел на Вована. Тот старательно делал вид, что ничего не слышит. Его взгляд упирался в пол, а руки выстраивали в аккуратные ряды баночки с пивом.

– Вы что же, думаете, его убили? – шепотом спросила Нетушкина, взволнованно развернувшись к Илье всем телом. Ее пышный бюст заволновался, сбив на сторону кулон на длинной цепочке.

В комнатке внезапно прекратились все разговоры и стали отчетливо слышны голоса героев, переживавших киношные страсти.

– Разве такого не может быть? – слегка стушевался Шумский. – У всех есть враги.

– Действительно, у Андрюши были враги, – кивнула головой Нетушкина, переходя на торжественный шепот. – Я даже видела одного. Такой шатен! – Она руками поводила возле своей головы. – Красавец, каких поискать. Но они с Андрюшей так ссорились!

– А вы рассказали о шатене и о ссоре милиции? – поинтересовался Шумский.

– А милиция меня об этом не спрашивала!

– Милиция полагает, что Кокин совершил самоубийство, – прервала их Эльза. – Нет ни одного повода сомневаться в заключении специалистов.

Веня так внимательно слушал, что даже приоткрыл рот.

– Молодой человек, ворона залетит! – довольно недобро-

желательно заметила Нетушкина, поудобнее устраивая свою шляпку на коленях. – Смотрите лучше на экран, пропустите самое интересное!

– Разве это не новинка? – поинтересовался Веня невинным тоном. – Откуда вы знаете, когда будет самое интересное?

Эльза, откинув голову, негромко рассмеялась.

– Анна пересмотрела все новинки до того, как они появились в прокате, – сообщила она.

Веня чувствовал, что из троих обнаруженных им «старичков» только Эльза относится к нему достаточно терпимо. Этим стоило воспользоваться. Но сегодня, пожалуй, он уже не успеет. Не увязываться же за женщиной, которая старше его лет на двадцать? Она не поверит в его интерес к себе. А то еще почувствует неладное. Действовать надо тоньше.

«Придется прийти сюда еще раз, – решил Веня. – А может быть, даже два раза или три». Сеанс закончился около полуночи, и Веня ушел, не успев посмотреть, как будут расходиться завсегдатаи. Прятаться и выглядывать из кустов не хотелось. Мало ли кто может наблюдать за ним? Пока стоит оставаться чистеньким.

Веня зашел в круглосуточный магазин и запасся провизией, после чего поспешил возвратиться на службу. Ему предстоял довольно короткий сон, поэтому он решил, что все расскажет Жене при встрече. А пока просто позвонил, чтобы она не волновалась.

– Там собираются занятные личности, – признался он, когда взволнованная Женя схватила трубку. – Ты еще не ложилась?

– Да разве я заснула бы, зная, что ты рискуешь собой? – взволнованно ответила та.

– В последний момент меня заинтересовала блондинка, которая выдает кассеты. Когда второй сеанс закончился, прокат уже не работал. Но она все еще сидела на своем месте и, когда я уходил, о чем-то шепталась с Вованом.

«Нет, определенно в этом месте обдeldываются какие-то темные делишки», – подумала Женя и решила, что завтра, вместо того чтобы тратить время на бесплодное обивание порогов негостеприимных фирм, снова переквалифицируется в сыщика. Как там говорил Веня: если человек что-то решил сделать, он должен довести это что-то до конца, дабы уважать себя. Она собиралась разыскать Яна. Неужели первые же трудности выбьют ее из седла?

Из-под двери соседней комнаты пробивалась полоска света. Мартынов не спал – очевидно, развлекал себя попсой. Женя уже заметила, что он обожает слушать плеер и вечно ходит в наушниках. Собственно, так и было. Гена лежал на кровати, закинув руки за голову, и меланхолично наблюдал за тем, как ветер колышет занавеску, прикрывавшую откры-

тую дверь на балкон.

Именно в это время Костя Карпенко решил воочию убедиться в том, что Женя находится в квартире Лаптева. Ему показалось недостаточным просто позвонить по телефону или в дверь. У него была внутренняя потребность все увидеть своими глазами. Что она там делает? Предоставил ли ей Лаптев свободную комнату или же они спят в одной постели? Карпенко больше не желал садиться в калошу, докладывая Ярославскому о результатах своих изысканий.

Днем у него было множество своих дел, и он ограничился при розысках Жени звонками по телефону, но к вечеру работодатель снова сильно заволновался о племяннице, поэтому Карпенко поспешил к дому Лаптева, чтобы иметь свеженькие данные для отчета. Забраться на балкон искомой квартиры для него не составило никакого труда, учитывая отличную пожарную лестницу, бегущую вверх до самой крыши.

Мартынов как раз погасил свет, но наушники не снял. Ему захотелось посмотреть на звезды и помечтать под музыку. Однако мечты разлетелись, словно вспугнутые бабочки, когда в проеме двери за занавеской появился темный силуэт. Мартынов с младых ногтей занимался спортом и обладал отличной реакцией. Сдернув наушники, он одним быстрым движением сел на кровати, потом сполз на пол и устроился на корточках возле тумбочки.

Незнакомец приблизился к занавеске вплотную. Вероятно, пытался рассмотреть, что происходит в комнате. Поняв,

что кровать пуста, он отвел занавеску в сторону и шагнул внутрь. В этот момент Мартынов хлопнул по выключателю, бросился к противнику и атаковал его, ударив правой в челюсть. Вернее, попытался ударить. Карпенко тоже был не лыком шит. Он отклонился в сторону и, в свою очередь, набросился на Мартынова. После недолгой молчаливой схватки оба упали на пол и часто задышали друг другу в лицо. Каждый прикладывал все силы, чтобы победить противника, но ни одному это не удавалось.

– Кто ты такой? – наконец прохрипел Мартынов.

– Никто, – точно таким же придушенным голосом ответил Карпенко. – Кажется, я просто забрался не на тот балкон. Моя дама живет в соседнем подъезде.

– Ври больше! – не пожелал попасться на его удочку Мартынов. – Дама, которая тебя интересует, спит в соседней комнате!

Женя между тем вовсе не спала. Слух у нее был что надо, поэтому она сразу услышала мужские голоса. Каким образом в соседней комнате образовался еще один мужчина? И как, интересно, можно было пробраться к Мартынову, минуя входную дверь? Она встала с кровати и подкралась поближе к источнику звука. В этой двери не было замочной скважины, только ручка. Зато внизу имелась большая щель, через которую и проникали голоса.

Снедаемая любопытством, Женя сначала встала на четвереньки, а потом легла на живот и подползла поближе. То, что

она увидела, буквально парализовало ее. На полу дрались Мартынов и дядин прихвостень Костя Карпенко! Как этот гад ползучий здесь оказался? Почему он напал на друга Вени? Может быть, они знакомы? Или Карпенко, расследуя исчезновение Яна, выследил Мартынова? Может быть, Венька преувеличил, и Мартынов ему никакой не друг, а просто знакомый? Опасный знакомый? Или Карпенко явился по ее душу? Это, конечно, вероятнее всего! От изумления и неожиданности Женя не сдержалась и издала короткое восклицание. Испугавшись того, что нашумела, она уткнулась лбом в пол и замерла.

Противники в соседней комнате мгновенно среагировали на ее вскрик и разомкнули объятия. Мартынов первым вскочил на ноги и, не обращая внимания на Карпенко, распахнул дверь. Взору его предстала облаченная в старенькую ночную рубашку Женя, лежащая лицом вниз на полу. Ноги и руки ее были широко раскинуты.

– Матерь божья! – воскликнул Мартынов и пал на колени. – Что случилось?!

– Это у тебя надо спросить! – злобно прошипел Карпенко. – Я как раз пришел за ней.

– А говорил: в соседний подъезд!

– А ты мне так и поверил!

Когда Женю перевернули на спину, она как раз успела достаточно расслабиться, чтобы имитировать обморок.

– Отойди, я сам отнесу ее на кровать! – заявил Карпенко,

пытаясь оттолкнуть Мартынова.

Женя, невзирая на свою осведомленность относительно разбитого мартыновского сердца, все же успела помечтать о нем. Поэтому она готова была ожить и засветить противному Карпенко в глаз. В кои-то веки зеленоглазый красавец собирается подержать ее на руках, а эта гнида лезет! К невыразимому ее восторгу, Мартынов Карпенко не уступил.

– Пшел вон! – сказал он. – Убери свои лапы. Девушка не хочет тебя видеть.

– Это она сказала?

– Сказала.

Мартынов осторожно подсунул под Женю руки и, поднявшись, прижал ее к себе. Сердце у нее заколотилось с такой силой, как будто бы кровь в ее венах внезапно сменилась чистым адреналином. Мартынов наверняка должен был услышать, как оно бьется о ее ребра.

Когда Женю осторожно опустили на кровать, она внезапно вспомнила, что на ней надето. Ей стало так стыдно, что она поторопилась прийти в себя.

– Слава богу! – в один голос воскликнули мужчины, в то время как Женя поспешно забиралась под одеяло.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросила она, впившись взглядом в Костю Карпенко. – Как ты попал сюда ночью?

– Дядя беспокоится, – лаконично ответил тот.

– Поэтому ты лазишь по чужим квартирам?

– Вернемся домой, – предложил Карпенко своим любимым вкрадчивым тоном. – Если плохо чувствуешь себя, заворачивайся в одеяло, я отнесу.

– Ты ей кто – папаша? – рассердился Мартынов, неохотно отрывая взгляд от Жени. В своей детской ночнушке она выглядела такой беззащитной, что он даже рассердился на нее за это. Девушка, не интересующаяся мужчинами, не имеет права выглядеть столь трогательно.

– Разрешаю тебе вызвать милицию, – сказала Женя, обращаясь к Мартынову. – Я совершеннолетняя и могу жить, где захочу. А этого, – она указала подбородком на Карпенко, – сдадим ментам как хулигана. Пусть потом излагает в отделении свои лучшие намерения.

– Ладно, ухожу, – недовольно проворчал Костя. – А что передать Георгию Николаевичу?

– Передай ему... что я сожалею. – Голос Жени сорвался.

– Кстати, я поймал того парня, – небрежно заметил Карпенко уже возле двери в коридор.

– Какого парня?

– Который тебя шантажировал.

Женя схватилась руками за горло, а Карпенко безжалостно добавил:

– И пленочку мы посмотрели. Я, Георгий Николаевич и следователь. Неслабо веселишься, подруга.

– А Ирма Гавриловна тоже видела пленку? – выдавила из себя раздавленная Женя.

Карпенко был немало удивлен ее вопросом. Однако предпочел на него не отвечать. Он только пошевелил бровью и гордо вышел на лестничную площадку. Мартынов молча запер за ним дверь и накинул цепочку.

– Может, расскажете, что происходит? – спросил он, возвратившись в комнату и присев на краешек ее кровати. – По вашему разговору я, конечно, кое-что понял, но очередных визитеров хотелось бы встретить во всеоружии.

– Это не имеет к вам никакого отношения, – ответила Женя бескровными губами, помимо воли представляя себе, что она – блондинка, похожая на Иру Скобкину, и на ней не хэбэшная ночнушка, а шелковое неглиже, украшенное атласными бантиками. А Мартынов напрочь забыл о своем разбитом сердце и, главное, о той, которая его разбила...

– Значит, не пускаете меня в свою жизнь? – с иронией переспросил Гена, поднимаясь на ноги.

Только теперь Женя сообразила, что он полуголый.

– Идите, – сдавленно сказала она, словно героиня какого-нибудь душераздирающего сериала.

В самом деле, она влюблена в мужчину, а он... Он, как водится, сохнет по другой. Какая трагедия! Женя не сразу поняла, что в ее голове промелькнуло очень странное слово: влюблена. Неужели за один день можно влюбиться? Впрочем, романтическая Женя верила, что можно влюбиться и за одну минуту.

Мартынов, уходя, несколько раз оглянулся. «Интересно,

что он обо мне думает? Нет, лучше не знать». Несмотря на все происшедшее, заснула она мгновенно и проснулась только в половине десятого утра. В квартире было тихо и пусто. Мартынов куда-то подевался, не оставив после себя ни записки, ни знака. Она сунула нос в маленькую комнату, чтобы убедиться, что его вещи на месте. Плеер валялся на покрывале. Успокоившись, Женя достала из тумбочки связку ключей, которую приготовил для нее Лаптев, и отправилась к знакомому видеопрокату.

В самом деле, раз милиция считает смерть Кокина самоубийством, значит, никакого расследования не ведется и можно не опасаться, что ее поймут и поведут на допрос. За стойкой сегодня дежурила та брюнетка, которая оформляла для Жени исчезнувшую при странных обстоятельствах карточку видеопроката. Пару ей составляла блондинка, по всей видимости та, что так сильно заинтересовала Лаптева. Все это Женя разглядела, болтаясь снаружи и заглядывая в дверь, когда туда входили посетители.

Она не провела и получаса на своем посту, когда блондинка выпорхнула из помещения и соблазнительной походочкой направилась в сторону шоссе. Женя, недолго думая, пристроилась у нее в хвосте. Блондинка исчезла в подъехавшем маршрутном такси. Женя торопливо влезла следом и уселась напротив, исподтишка разглядывая объект слежки. Блондинка отлично знала себе цену. Она сидела свободно, не сжимая, подобно Жене, коленок, поигрывая пальцами, ле-

жащими на подоле короткой юбочки. Ногти у нее были такой длины, что ими вполне можно было пользоваться как палочками для бутербродов-канапе.

Они проехали всего пару остановок, когда блондинка велела водителю притормозить возле подземного перехода. Женя молча вылезла следом и, конспирируясь, принялась перешнуровывать свои ботинки, стоя на краю тротуара. Потом, чтобы не отстать, ей пришлось бежать бегом, потому что блондинка прибавила шаг и свернула за угол жилой девятиэтажки.

Женя успела заметить, в какой подъезд она вошла, буквально за секунду до того, как дверь захлопнулась. «Только бы внизу не было кодового замка!» – взмолилась про себя Женя. Замка не было. Недолго думая, она ворвалась внутрь и побежала вверх по лестнице, рассчитывая если не опередить, то догнать мерно гудящий лифт. Бежать, к несчастью, пришлось далеко. Лифт остановился на шестом этаже. Когда блондинка вышла, Женя уже была на четвертом. Стараясь отдышаться, она поднялась еще на пролет и встала на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Кто там? – глухо спросили из-за двери, когда девица несколько раз нажала на кнопку звонка.

– Видео на дом! – мелодично пропела та.

«Господи, это у них просто такая услуга!» – пронеслось в голове у Жени. Она была разочарована.

– Придите попозже! – сказал клиент все тем же приглу-

шенным голосом. – Я сейчас не могу открыть.

Блондинка фыркнула и, развернувшись, принялась раздраженно давить на кнопку лифта.

– Козел! – выразительно сказала она, прежде чем покинуть этаж.

«Вероятно, живущим поблизости клиентам фильмы разносят по домам, – размышляла Женя, не торопившаяся удалиться. – Интересно, и много они на этом зарабатывают?» Впрочем, догадка требовала элементарной проверки.

Судя по раздражению блондинки, возвращаться в квартиру под номером двадцать два она в ближайшее время не собиралась. Женя тут же решила выждать полчаса и повторить попытку вместо нее. Правда, для антуража ей потребуется какая-нибудь кассета. После того, как вероломный Пончик обчистил ее, денег не осталось в принципе. Только та тысяча, которую Женя заработала на поприще уборщицы. Двести рублей из этой тысячи сейчас лежали в ее кармане. Что ж, дело есть дело.

Она выскочила из девятиэтажки и пошла вдоль шоссе, надеясь отыскать магазин, где торгуют видеокассетами. Долго искать не пришлось. Правда, попался ей не магазин, а киоск. Женя выбрала самый дешевый фильм и, вздохнув, расплатилась своими кровными денежками. Потом отправилась в обратный путь.

– Кто там? – спросил из-за двери тот же самый голос. Только теперь он звучал гораздо веселее и, главное, отчет-

ливей.

– Видео на дом! – громко ответила Женя и подняла кассету на уровень груди. Если этот тип посмотрит в глазок, то сразу увидит фильм в ее руках.

Судя по всему, тип в глазок не посмотрел. Потому что, когда он распахнул дверь и увидел Женю, на лице его появилось выражение полнейшего изумления.

– Вы ко мне? – недоверчиво спросил хозяин квартиры и дернул щекой.

– Видео на дом! – уже менее уверенно повторила Женя, потрясая перед собой кассетой.

Она решительно не представляла, что делать дальше. Вероятно, мужик должен взять фильм и где-нибудь расписаться. И, возможно, даже заплатить за прокат. Женя не знала технической стороны дела и тут же пожалела, что не стала следить за блондинкой дальше. Тогда удалось бы выяснить все детали.

Клиент продолжал стоять на пороге, словно большой гвоздь, который уже один раз шарахнули молотком по шляпке. Был он свеж, розовощек и имел в числителе большие голубые глаза, а в знаменателе – весьма заметную лысину, опущенную выющимися волосами. Одет в халат и шлепанцы.

– Вы, наверное, перепутали адрес, – снова попытался отпереться клиент и несколько раз хлопнул глазами словно филин.

– Ничего подобного! – жестко сказала Женя. – Квартира

двадцать два.

– А вы что, новенькая? – по-прежнему не двигаясь, спросил клиент. В его голосе отчетливо проскользнула жалобная нотка. Почувствовав слабинку, Женя тут же решила ею воспользоваться.

– Да, я новенькая. Может быть, пустите меня внутрь? – жестко спросила она.

– Ладно, – неохотно сказал клиент и посторонился.

Женя вошла в комнату и остановилась посередине. Она увидела музыкальный центр, из которого неслась красивая романтическая мелодия.

– Натэ, – сказала она лысому и подала купленную кассету. – И не забудьте деньги.

– Сразу? – испуганно спросил тот.

– В каком смысле сразу?

– Ну... Я имел в виду...

– Я ведь уже пришла, – раздраженно сказала Женя.

Лысый взял со стола конверт и протянул ей. Не заглядывая внутрь, Женя спрятала его в карман штанов. Чего заглядывать, когда она все равно не знает тарифа! Лысый тем временем попятился и сел на диван. «Интересно, что он на самом деле заказывал?» – подумала Женя, чувствуя себя довольно неловко посреди комнаты.

– Ну, давайте, делайте это, – сказал лысый и сложил руки на груди. – Хотя, сказать по правде, мне кажется, произошла какая-то путаница.

«Что, интересно, я должна делать? – лихорадочно размышляла Женя, озираясь по сторонам. – И как он догадался, что я не та, за кого себя выдаю?»

– Давайте, давайте, двигайте попкой! – поощрил ее лысый, повышая голос.

«Танцевать, что ли?» – недоуменно подумала Женя и спросила вслух:

– Танцевать?

– Это уж как вам нравится!

«Во вляпалась!» – подумала Женя, топчась на месте. Танцевать она категорически не умела, поэтому решила показать лысому комплекс физических упражнений, разученный прошлым летом по картинкам в женском журнале. Стараясь попадать в такт музыке, Женя начала медленно приседать, разводя руки в стороны. Мах левой ногой, мах правой. Вращение плечами. Увлечшись, она закрыла глаза.

– Что это вы делаете? – напряженным голосом спросил лысый через пару минут.

– В каком смысле? – Женя распахнула глаза и удивленно посмотрела на него.

– В смысле, что это просто наглость со стороны Кокина! Он что, считает, у меня какие-то отклонения?!

– Вы разве не знаете, что Кокин умер? – выпалила Женя, не успев придержать глупый язык.

Лысый мгновенно застыл, словно пораженный молнией. Волосы вокруг лысины встали дыбом.

– Умер? – наконец смог он произнести побелевшими губами. – А как же тогда?.. Почему вы?..

– Но дело его живет и процветает! – жизнерадостно ответила Женя на незаконченный вопрос.

– Я уже понял это, глядя на вас, – обреченно сказал лысый. – Знаете что? Вычеркните меня из списка, ладно?

– Почему это? – расстроилась Женя, чувствуя, что ее гордость задета. – Чем я вам не потрафила?

– Ничем, – быстро ответил лысый. – Все было просто здорово! Особенно глубокие приседания на четыре счета. А теперь, прошу вас, идите!

В его призыве слышалась неподдельная мольба, поэтому Женя решила послушаться. Она гордо вышла из квартиры на лестничную площадку и услышала, как лысый лихорадочно запирает за ней засовы. «Ну, и что я выяснила? Да ничего! – подумала самокритичная Женя. – Все-таки с этим видео на дом что-то не так! Может быть, я должна была принести ему не художественный фильм, а порно, которые Кокин, как известно, раздавал друзьям и знакомым? А что, это мысль! Если Вован продолжает делать это вместо него, можно будет его пошантажировать. Информация о врагах Кокина в обмен на молчание!»

Женя со всей возможной скоростью возвратилась к видеопрокату и храбро вошла внутрь. Блондинки все еще не было, брюнетка же улыбнулась ей выдавшей виды улыбкой:

– Добрый день!

– Простите, как вас зовут? – спросила Женя прямо с порога.

– Таней.

– Таня, помните меня? – без предисловий спросила Женя и сделала поворот вокруг своей оси для более полной демонстрации.

Поскольку та никак не отреагировала, Женя добавила:

– Ну, вы тогда еще пришли на службу и застали здесь Кокина, который гонялся за девицей. Так вот я и есть та самая девица!

– Да, конечно, я вас не забыла! – наморщила лоб Таня, что ей, к слову сказать, чрезвычайно не шло.

– Ага! – обрадовалась Женя. – Значит, вы не станете спорить, что Кокин был от меня без ума! – снагличала она.

– И чего вы по этому поводу хотите? – Брюнетка растеряла уже половину своей благожелательности, и, по всей видимости, этот процесс еще шел полным ходом.

– Кокин обещал взять меня в дело. «Видео на дом».

– Вас?! – Таня вытаращила глаза, некоторое время постояла так, потом вздрогнула и рассмеялась. – Да не может быть!

– Почему это? – насупилась Женя.

– Андрей был странным типом, и, возможно, вы ему нравились! – заявила брюнетка. – Но он не мог не понимать, что девяносто девять и девять десятых процентов мужчин на вас не то что не клонут, а даже и не плюнут в вашу сторону!

– Почему мужчин? – тупо переспросила Женя.

– Я уже видела ваш стриптиз! – не обращая внимания на ее вопрос, заявила брюнетка. – Это просто пародия какая-то! Мало того что вы не умеете раздеваться, так вам еще и показывать нечего!

– Раздеваться? Так вот чего ждал от меня лысый! Кстати, он сказал, чтобы вы вычеркнули его из списка клиентов.

– Какой лысый?

– Из квартиры двадцать два.

– Бог мой, как вы там оказались?!

– Кокин еще при жизни дал мне несколько адресов. Но приступила я только сейчас.

– Юханов! – пронзительно и совершенно неожиданно для Жени закричала брюнетка. – Иди сюда! У нас тут неприятности!

– Где? – спросил, появляясь из-за стеллажей, помощник Кокина Вован.

– Вот они! Во всей своей красе! – Таня указала перстом на насупленную Женю. – Это чудовище ходило по клиентам и всех распугало.

– Как это так? – опешил Юханов. – Зачем она ходила?

– Кокин ее взял.

– Но Кокин умер!

– Этой... этой... – Таня не смогла подобрать слова. – Ей, кажется, все равно!

– Послушайте, нам надо поговорить, – сказал Вован Юханов и осторожно взял Женю за локоть. – Пойдемте.

Он потянул ее в сторону комнаты для видеопозаказов, но Женя не желала оставаться с ним один на один. Наверняка он не расскажет ей ничего такого, чего бы она и сама уже не выяснила.

– Никуда я с вами не пойду!

– Да не бойтесь вы!

– Я и не боюсь. Просто не пойду – и все! У вас тут целая шайка. И я выведу всех на чистую воду! Я все про вас знаю! – возвысив голос, отчаянно соврала Женя.

– Что вы знаете?

– Знаю, почему вы, Юханов, так страстно желали смерти Кокина! Я знаю вашу маленькую хорошенькую тайну!

Если Женя и рассчитывала на какой-то эффект от своих слов, то уж точно не на такой сильный. Юханов отшатнулся от нее с лицом, искаженным от ужаса. Словно Женя превратилась в монстра, готового откусить ему руку или ногу, а то и голову.

– Кто вы такая? – тонким голосом переспросил он. – Что вам надо?

– Ничего мне не надо, кроме как уйти! – гордо ответила Женя и быстро ретировалась.

Боясь, что Юханов немного остынет и побежит догонять ее, она бросилась к шоссе и ворвалась в первый попавшийся троллейбус. Он повез ее в ту сторону, где жил лысый. Женя вспомнила про конверт, который тот ей дал, и, достав его из кармана, заглянула внутрь. Там лежало три тысячи рублей.

Женя истерически расхохоталась. Щедрая плата за несколько приседаний! Лысый был ей, конечно, омерзителен, но она не могла присвоить чужие деньги. Поэтому сошла на следующей остановке и отправилась по знакомому маршруту.

По дороге она во всех деталях восстановила в памяти сцену с Юхановым. Она хотела его испугать, и он испугался! Что же это за маленькая хорошенькая тайна? Может быть, Юханов действительно приложил руку к так называемому самоубийству Кокина? Но Ян! При чем здесь Ян? Каким боком его можно присобачить к этому видеопрокату? Это последнее место, где видели кузена, чего, конечно, нельзя сбрасывать со счетов! Кроме того, наводила на размышления и внезапная смерть Кокина. Как только Женя на него вышла, он взял и покончил с собой.

Женя допускала, что тайна Вована не имеет к Яну никакого касательства. Но если бы удалось выяснить эту тайну, Юханова можно было бы заставить выложить все, что он знает про Яна. Хотя бы пусть расскажет, какие у Яна и Кокина были на самом деле отношения.

Хорошо еще, что ей удалось убежать! Ведь если Юханов действительно замешан в убийстве Кокина, он мог бы погнаться за Женей, затащить ее в комнату для видеопозиров, стукнуть по голове, а потом, под покровом темноты, вывезти бездыханное тело в лес и там закопать. Брюнетка Таня ни о чем не догадалась бы. Юханов просто сказал бы ей, что взбалмошная девица давно ушла.

Напряженно размышляя, Женя добралась до знакомого уже дома, поднялась на шестой этаж и нажала на кнопку звонка. Дверь открыла мощная мадам в пятнистых лосинах и топе, неприлично облежавшем ее телеса. Лысый маячил сзади.

– Чего надо? – грубо и неприветливо спросила мадам, осмотрев Женю с ног до головы.

Лысый умоляюще сложил руки перед собой и потряс ими под подбородком, показывая, как сильно умоляет он Женю не выдавать его тайны.

– Это ваш муж? – спросила та, ткнув в лысого пальцем.

Лысый безвольно уронил руки.

– Ну? – спросила мадам. В этом ее «ну» ясно слышалось утверждение.

– Он выносил сегодня мусор и бросил свой мешок в неподобающем месте. Пусть выйдет и уберет.

– Ты это сделал? – спросила мадам, обернувшись к лысому.

Тот мелко и часто закивал головой, не произнося ни звука.

– Иди, убирай, тоже мне, помощник по хозяйству!

Когда лысый оказался на лестничной площадке, Женя сунула ему в руки конверт.

– Возьмите свои деньги. Мы с вами не поняли друг друга.

– Боже мой, как я вам благодарен! – зашептал сладострастник, хватая конверт. – Но было бы нечестно оставить вас без гонорара. Возьмите хотя бы что-нибудь!

– Мне ничего не надо! – гордо отказалась Женя. – Лучше бы вы с женой были поласковой.

– Если я стану еще ласковее, она раздавит меня тем каблуком, под которым держит все эти годы!

Женя не стала ему сочувствовать, просто повернулась и побежала вниз по лестнице. Надо было возвращаться к видеопрокату – именно там находилась ближайшая станция метро. Прибыв на место, Женя двинулась в нужном направлении, оглядываясь на знакомую дверь. Она была закрыта, и нигде в обозримом пространстве не бегал Вован Юханов, размахивая бармалейским ножом. Улыбнувшись, Женя шагнула на дорогу, которая вела с платной стоянки на шоссе, и...

И в этот самый момент ее оглушил рев автомобиля. Он был так близко, что Женя даже не успела до конца повернуть голову, лишь краем глаза она увидела, что автомобиль мчится прямо на нее! Крик замер у нее в горле, когда она изо всех сил отпрыгнула назад. И все равно удар настиг ее – он был такой силы, что она отлетела на тротуар и прокатилась по нему, не успев сгруппироваться.

Через минуту, оглушенная, она поднялась на ноги, пытается прийти в себя и перестать шататься.

– В рубашке мальчишка родился! – сказал кто-то из прохожих, которые моментально образовали толпу на месте происшествия.

– Милицию кто-нибудь вызовите! А парнишку надо в

больницу!

Женино подсознание все сделало за нее. Подсознание активно не хотело ни в больницу, ни в милицию, поэтому она скрылась с места происшествия. Ей это легко удалось, несмотря на то, что она раскачивалась во все стороны словно пьяная. Пожалуй, еще в метро не пустят. А денег на машину у нее после покупки кассеты для лысого уже не хватит. Может быть, Венька после своего аврала пришел домой?

Женя неохотно рассталась с последними деньгами, купив в кассе метро телефонную пластиковую карту. Для нее это очень, очень дорого! Однако выхода не было: в голове стоял неприятный звон, и ладони ободраны до крови. Кроме того, Женю тошнило.

– Алло! – ответила трубка голосом Мартынова.

– Это я, Женя, – сказала она. – А Веня еще не пришел?

– Нет, и даже не звонил.

– Уж-жасно, – сказала Женя и громко, отчаянно заревела.

– Что случилось? – рявкнул Мартынов.

Женя рыдала и не могла вымолвить ни слова. Мартынов что-то кричал, аллокал, дул в трубку, грозил ей страшным наказанием и даже ругался матом. В конце концов он добился своего, и Женя отозвалась.

– Вы где? – коротко спросил Мартынов, когда она сказала «Алло!» на середине его особенно замысловатого ругательства.

Женя, заикаясь, объяснила, где она.

– Сейчас я вас оттуда заберу. Стойте, где стоите. Возле кассы.

Женя не знала, сколько прошло времени. Она слонялась туда-сюда по подземному переходу и время от времени протяжно всхлипывала. Прок от ее хождения был очевидный – ее перестало тошнить, и в голове вроде бы все стало на место.

Появившийся Мартынов был злой как черт.

– Прелестно! – сказал он, увидев Женю. – Вам набили морду, не так ли?

Она отрицательно помотала головой:

– Я... Я упала!

– С водонапорной башни?

– На меня наехали!

– Что, мафия?

– Нет, машина!

– Вы перебежали шоссе зигзагами?

Мартынов схватил Женю под локоть и отнюдь не нежно повлек за собой на поверхность. Оказалось, что он приехал за ней в красивом серебристом автомобиле с затемненными стеклами.

– Пристегнитесь! – велел он, дождавшись, пока она усядется. – Может быть, отвезти вас в больницу?

– Не надо, я уже в порядке.

– Ох, мне сегодня и везет! – с неприкрытой иронией сообщил Мартынов, трогаясь с места. – Сначала явился ваш дядя...

– Дядя Георгий? – испуганно переспросила Женя.

– Вот уж не знаю, Георгий или нет, он не представился.

– И что он вам сказал? – пролепетала Женя, боясь повернуть голову и взглянуть на своего добровольного шофера.

– О! Он много чего сказал!

– Но при чем здесь вы?

– Ваш дядя принял меня за Лаптева, – лаконично сообщил Мартынов.

– Наверное, он сильно сердился, – предположила Женя.

– Он сказал, что после исчезновения Яна ваш побег – просто удар под дых. Кстати, а кто такой Ян?

– Я все вам расскажу, – пообещала Женя. – Дайте только добраться до ванны. Я... Я должна смыть с себя грязь и выпить чего-нибудь горячего.

– Горячительного, вы хотите сказать?

– Нет, – испугалась Женя. – Просто чаю. Сойдет даже зеленый.

– Я купил обыкновенный, – хмуро заметил Мартынов.

– Пусть будет зеленый.

– Почему?

– Не могу же я постоянно пользоваться вашими продуктами!

– А у вас есть свои? – ехидно поинтересовался Мартынов.

К счастью, Жене не пришлось отвечать, потому что они уже прибыли на место.

Ворвавшись в квартиру, она схватила полотенце и про-

мчалась в ванную комнату. Мартынов сел в кресло и скрестил руки на груди. Нет, он обязательно все выскажет Лаптеву, дайте только срок! Он начал придумывать, как будет выглядеть это «все», прокручивая в голове каждую мелочь в отдельности.

В этот момент из ванной донесся отчаянный женский крик. Мартынов подскочил в кресле. Женя вопила, как индеец.

– Что там у вас случилось? – Мартынов в два прыжка очутился возле ванной комнаты и уже хотел прижаться ухом к двери, но она оказалась не заперта. Он открыл ее и ввалился внутрь. И тут же поскользнулся, попав ногой в лужу воды. Чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за пластиковую занавеску. Все кольца с треском поотрывались, и взору Мартынова предстала голая Женя, в руке у которой был душ с оборванным шлангом. Откуда-то из стены прямо в нее под большим напором била вода с большим радиусом разбрызга. Женя визжала.

– Надо было просто повернуть переключатель, – сказал Мартынов, протянув руку в указанном направлении. – Чтобы вода снова шла из крана. Всего-навсего.

Он мгновенно промок, но до крана все же дотянулся. Женя продолжала самозабвенно вопить. Вода попадала ей и в лицо, поэтому она ничего не видела и, вероятно, не слышала тоже.

Как выяснилось, переключатель на смесителе сломался.

Мартынову потребовалось минут пять, чтобы перекрыть воду в квартире. Дабы Женя не мешала, он взял ее под локти и, вытянув из ванны, поставил на коврик, после чего тут же о ней забыл. Когда она перестала вопить, тишина показалась просто блаженством.

Переодевшись в сухое, Мартынов нашел малиновую от смущения и уже одетую в халат Женю на кухне. Судя по всему, она готовила оправдательную речь, но он не дал ей даже начать.

– Второй раз вы попадаетесь мне на глаза в голом виде! – раздраженно сказал он. – Обнаженка – это что, ваше кредо?

– Нечего на меня наезжать! – мгновенно ошетибилась Женя. – Кассету вы взяли без разрешения, а когда сломался кран, я не знала, что вы войдете без стука!

– Да что вы говорите! Значит, я должен был слушать ваши вопли до тех пор, пока вы не захлебнулись бы?

– Я... Я бы сама в конце концов догадалась поискать сто-
як.

– Ну, думаю, к тому времени в ванной уже завелись бы бегемоты. Могу представить себе степень вашей догадливости!

Женя была в ярости. Какой-то вшивый водопроводчик еще будет насмехаться над ее способностями!

– Да вы! – закричала она. – Вы мне и в подметки не годитесь! Если бы у вас в голове были мозги, вы бы выбрали себе другую специальность, посложнее!

– Что это вы на меня орете? – рассердился Мартынов,

оскорбленный в лучших чувствах. – И еще прыгаете тут! Неблагодарная маленькая макака! Я из-за вас столько сегодня претерпел!

От ярости у Жени потемнело в глазах. Она вдохнула раз, другой, третий, но дыхания почему-то не хватало. Кухня поплыла перед ее глазами, и она, не успев и охнуть, провалилась в черноту.

* * *

Лаптев, насвистывая, достал из кармана связку ключей и через минуту был уже в коридоре. Здесь его встретил Мартынов, который стоял, опершись о косяк и странно улыбаясь.

– Ну, у вас тут все в порядке? – спросил Веня. – Нашли с Женькой общий язык?

– А то как же!

– Ну что, я был прав насчет нее? Она не падала в обморок?

– Еще как падала, – ответил Мартынов. – Целых два раза.

– Врешь!

– Она и сейчас в обмороке валяется. Если нашатырь не поможет, придется «неотложку» вызывать.

Веня, сделав страшные глаза, кинулся в комнату. Женька и в самом деле лежала на кровати, закатив глаза. Оттянув ей веко, Лаптев ахнул:

– И давно это с ней?

Мартынов поглядел на часы:

– Минут десять.

– И ты ничего не предпринимаешь! – возопил Веня.

– Почему? Я пару раз ударил ее по физиономии. Но, как видишь, совершенно напрасно.

– Не понимаю, почему ты так спокоен! Надо срочно что-то делать! Звони сейчас же врачам!

– О! – воскликнул Мартынов, останавливая засуетившегося Веню. – Кажется, твоя подружка приходит в себя.

Женя и в самом деле порозовела и открыла глаза. Увидев над собой взволнованное лицо Лаптева, она скривила губы и сказала:

– Он обозвал меня макакой!

Веня растерянно обернулся к Мартынову, но тот только пожал плечами:

– Спроси ее, почему.

– Почему?

– Потому что он грубиян и... и...

– Сейчас у нее кровь к голове прильет, и она опять брякнется без чувств, – равнодушно заметил Мартынов.

– Но почему ей стало плохо?!

– На нее наехал автомобиль.

Женя тем временем раздумала снова терять сознание. Обида на бессердечного Мартынова придала ей сил. Она приняла сидячее положение и уронила две горячих слезы на покрывало.

– Меня кто-то хотел задавить! – пожаловалась она Вене. –

Там, возле видеопроката. Это было уже после того, как я уличила Юханова в том, что он желал Кокину смерти, и после того, как отдала лысому из двадцать второй квартиры деньги.

– Подожди-подожди, я не успеваю за тобой, – остановил ее Веня. – Кто такой Юханов?

– Вован.

– Ясно. А лысый кто?

– Лысый – это клиент службы «Видео на дом». Правда, когда я к нему пришла, он сразу отказался быть клиентом...

– Как я его понимаю! – пробормотал Мартынов.

Женя бросила на него уничижительный взор и снова обратилась к Вене:

– Я тебе сейчас расскажу все с самого начала!

– Хорошо. И Гена пусть послушает. Ему от нас, кажется, здорово досталось. Только сначала я бы хотел, чтобы вы помирились.

– Я согласен, – сказал Мартынов, умиравший от любопытства. – Простите, что я обозвал вас макакой. Просто вы так верещали и скакали, что это сравнение невольно пришло мне на ум.

– И вы меня тоже простите, – ненатурально добрым голосом сказала Женя, – за то, что дядя накричал на вас, и еще за то, что вам пришлось ездить за мной к метро и слушать мои вопли, когда сломался душ...

– Хочешь сказать, – подозрительно перебил ее Веня, – что,

когда ты полезла мыться, у тебя сломался душ?

– Да, сломался! – кивнула Женя. – Это было ужасно. Спасибо Геннадий пришел, сама бы я не справилась.

Веня почесал в затылке и, посмотрев на Мартынова, встретил его победный взгляд.

– Ему, конечно, не сладко пришлось, – вошла в раж Женя. – Вчера через балкон в квартиру проник Карпенко. Я увидела его, испугалась и упала в обморок. Геннадию пришлось поднимать меня с ковра и нести в кровать...

Взгляд Мартынова сделался победным в квадрате.

– Я же говорил тебе, – прошептал он, наклонившись к Вене, – они все себя так со мной ведут. Теперь я знаю, что из этого правила не бывает исключений.

Веня покраснел. Сейчас ему было страшно стыдно оттого, что он вчера наговорил этим двоим друг про друга. Впрочем, несмотря на стыд, он совершенно не собирался каяться. Кроме того, его волновало все, что приключилось с Женей, гораздо больше каких-то врак. Потом все разъяснится. Как-нибудь. И, может быть, даже без его участия.

Женя тем временем во всех подробностях рассказывала о происшествиях сегодняшнего дня.

– Вот только я не понял, почему ты не захотела заявить в милицию о наезде? – спросил Веня, когда рассказ подошел к концу.

– Не знаю. У меня прямо в животе сидит страх перед милицией. Ведь что бы со мной ни случилось, тут же позвонят

дяде. А мне не хочется доставлять ему лишние неприятности.

– Ты и так уже их доставила выше крыши. Шантажисты, побег из дому – это тебе не неприятности?

– Я здорово ударилась головой, – стала защищаться Женя. – Просто ничего не соображала. Если бы у меня было время подумать...

– Теперь ни свидетелей, ни шансов найти того, кто это сделал, – встрял Мартынов.

– Это мог быть Юханов, которого ты напугала, – предположил Веня.

– Надо узнать, какая у него марка машины.

– Узнаем. А ты в курсе, что конкретно на тебя наехало?

– «Опель», – ответила Женя. – Темно-синий «Опель».

– Откуда ты знаешь? – изумился Веня. – Ты ведь не разбираешься в марках машин!

– Не разбираюсь, – согласилась Женя. – Но «Опель» от других могу отличить. У Яна вторая машина – «Опель». И, кстати, тоже темно-синий. Он стоит в гараже.

Лаптев и Мартынов уставились друг на друга. Женя сказала: машина, как у Яна. Но таких машин ведь не пруд пруди. Возможно, это как раз была машина Яна!

– Это мог быть Карпенко, – первым сказал Геннадий. – Мне его морда сразу не понравилась.

– Это мог быть любой человек, имеющий отношение к дому Ярославского.

– О чем это вы? – недоуменно спросила Женя, глядя то на одного, то на другого.

– О темно-синем «Опеле».

– Вы считаете, что это и в самом деле была машина моего двоюродного брата?!

– Надо бы поглядеть на нее. Если, конечно, она на месте. Может, ее где-то бросили.

– Тут два варианта. Ее или угнали и бросили, или позаимствовали на время и незаметно вернули назад.

– Говоришь, тебя сильно стукнуло?

– Очень сильно, – кивнула Женя. – Прохожие сказали, что я, дескать, родилась в рубашке.

– Ага, и до сих пор в ней и ходишь, – не удержался и сыронизировал Мартынов, впрочем, так, чтобы она его стопроцентно не услышала.

– В общем, вот что я тебе скажу, – хлопнул в ладоши Венья, ставя точку в разговоре. – Завтра ты должна помириться с дядей. Хотя бы по телефону. И попроси, чтобы он сходил в гараж и проверил, на месте ли темно-синий «Опель». Если на месте, пусть он осмотрит его. Скажи, что видела автомобиль на улице. Скажи, что уверена в этом. Скажи, что он поцеловался с деревом и получил незначительные повреждения.

– Да ведь дядя Георгий сам не станет ничего осматривать! – возразила Женя. – Он не привык по мелочам суетиться. Пошлет Карпенко. А тот все следы тут же уничтожит!

– Это в том случае, если за рулем был именно Карпенко.
А если нет...

– Стоит только сказать дяде о том, что мне угрожает опасность, как я буду заперта в комнате его особняка на ключ!

– А что, это мысль! – снова пробормотал сам себе под нос Мартынов.

– Чего ты там бормочешь? – спросил Веня.

– Вырабатываю тактику.

– Вы тут совершенно ни при чем! – горячо сказала ему Женя и обратилась к Лаптеву: – Веня, твой друг не должен страдать из-за того, что пропал мой двоюродный брат.

– Я не собираюсь страдать, – живо возразил Мартынов. – Но жизнь под одной крышей с вами заставляет меня быть любознательным.

– Намекаете на то, что мне стоит убраться из-под одной с вами крыши?

– Вот еще! Это не мой дом, и я здесь такой же гость, как и вы.

Веня не слушал их перепалку, он сидел, глубоко задумавшись.

– Знаете что? – наконец выдал он вслух итог своих размышлений. – Схожу-ка я еще разок на вечерний просмотр в видеоклуб!

– Зачем? – хором спросили Женя с Мартыновым.

– Хочу поближе познакомиться с Вованом. То, что ты, Женька, рассказала, наводит на размышления.

– А я что буду делать в это время? – спросила Женя. – Не могу же я отлеживаться в тот момент, как ты рискуешь шкурой?

– Ну, мы же договорились! Тебе надо все выяснить про «Опель». Если думаешь, что по телефону информацию не получить, поезжай к дяде лично и постарайся узнать, кто вчера мог взять машину. Сама пойди в гараж и посмотри, нет ли на ней вмятин.

– Посмотреть без помех получится только в одном случае – если предварительно я убью экономку!

– Ах да, экономка! Женя мне про нее много рассказывала, – пояснил Веня для Мартынова.

– Это такая... противная женщина! – подтвердила та. – Она следит за каждым моим шагом!

– Но одной Жене выходить из дому нельзя, – напомнил Мартынов.

– Почему это? – Она воинственно посмотрела на него.

– Тебя ведь хотели убить, дурочка! – рассердился Веня.

Женя сначала вздрогнула, но тут же отогнала от себя мрачные мысли.

– Что означает только одно: я докопалась до чего-то стоящего.

– И это касается видеоклуба, – подхватил Мартынов, а Веня подытожил:

– Значит, мы на верном пути.

– И еще. Это не бандиты, а кто-то из простых.

– Из каких простых?

– Из простых, обыкновенных людей, которые не убивают направо и налево. Потому что, будь это бандиты, они бы Женьку пристрелили – и дело в шляпе. Наезд – это доказательство непрофессионализма. Тем более неудавшийся наезд.

– Но как мы можем выяснить, кто брал «Опель»? Представляешь, приезжаю я к дяде, а машинка стоит себе в гараже как ни в чем не бывало. Заявления об угоне не сделаешь, отпечатки пальцев с руля никто снимать не станет...

– Но вывести машину бесшумно невозможно!

– Никто и не говорит, что бесшумно. Только вряд ли даже Пыгова обращает внимание на шум двигателя. К дяде сейчас постоянно кто-то приезжает. Вся фирма стоит на ушах. Милиция опять же, его собственная безопасность, его друзья. Автомобили так и снуют туда-сюда. К сожалению, ты не видел, какая там подъездная дорога и как легко можно вывести «Опель» из гаража.

– И все равно. Если это «Опель», значит, круг поисков сужается. За рулем мог сидеть только человек, который знает обо всем том, что ты нам сейчас рассказала. Человек, близкий дяде.

– Ладно, с этим выяснили, – подытожил Мартынов. – А что там с любителями кино?

– Послушай! – Женя внезапно хлопнула себя по лбу. – Венька, ты ведь компьютерщик!

– Ну и что?

– А в видеопрокате есть компьютер! Может, там какие-нибудь засекреченные файлы? Ты ведь гений! Ты можешь взломать любой код!

– Ну, не любой, – ответил польщенный Веня. – Я не профессиональный хакер. Однако в твоих словах есть некоторая доля правды.

– Давай залезем ночью в прокат, и ты все проверишь!

– Вы что, с ума сошли? – возмутился Мартынов. – Знаете, что с вами будет, если вас поймают?

– Нас не должны поймать! – горячо заверила Женя. – Почему-то мне кажется, в этом ужасном месте нет сигнализации. Вряд ли какому-нибудь вору придет в голову грабануть кассетохранилище. Выносить фильмы долго, тяжело, к тому же кассеты гремят и занимают много места. И стоимость у них совсем не та, чтобы затевать масштабную операцию.

– А если сигнализацию поставили от алкашей, которые готовы украсть даже старые тапочки, чтобы потом обменять их на бутылку?

– И все-таки мне кажется, что сигнализации там нет, – уперлась Женя.

– Когда кажется, надо креститься, – рассердился Мартынов.

– Ну, давай хотя бы попробуем! – взмолилась Женя, игнорируя его замечание и обращаясь только к Вене. – Ты ведь и сигнализацию можешь отключить, если что.

Лаптев уставился в потолок и замер.

– Ты думаешь или спишь?

– Сказать по совести, я никогда не вступал на скользкий противоправный путь.

– Ну, завелся! – рассердилась Женя. – Ты расследуешь дело или нет?

– Я тебя сразу предупредил: моя помощь может носить лишь вспомогательный характер. Я привык работать головой. Я могу придумывать нетривиальные ходы, строить версии и логические цепочки...

– Короче, ты струсил.

Веня на несколько секунд закрыл глаза, потом открыл их и смело посмотрел на Женю.

– Ладно, я согласен пойти туда и изучить все на месте.

– Ночью? – уточнила та.

– Ночью.

– Все, я умываю руки, – сказал Мартынов и встал. – Если вы попадете в предвариловку, можете мне не звонить. Адвоката вам назначит государство. Я не собираюсь тратить потом нажитые деньги для того, чтобы исправлять ваши глупости.

– Ладно, Ген, считай, что ты ничего не слышал, – примирительно сказал Веня.

– Считаю.

Мартынов ушел в маленькую комнату, демонстративно хлопнув дверью. Женя сказала:

– Не надо было ему вообще ничего рассказывать.

– Это ты мне говоришь?

– Послушай, Веня, ты действительно думаешь, что меня хотели убить?

Лаптев пожевал губами, потом неохотно признался:

– Я этого боюсь. Потому ты завтра позвонишь дяде и попросишь, чтобы он прислал за тобой Карпенко. Даже если он преступник, то по дороге с тобой ничего не сделает, побоится. Пожалуй, с ним ты будешь даже в большей безопасности, чем это можно предположить с самого начала.

– Хорошо. Только пообещай мне, что если дядя применит силу и захочет запереть меня в доме, ты меня освободишь.

– Обещаю. А теперь мне пора на работу.

– Как? Опять на ночь глядя?

– Да, я ведь предупреждал: у нас наступила горячая пора. Надеюсь, вы с Генкой не подеретесь?

Женя пренебрежительно фыркнула:

– Он для этого слишком положителен.

* * *

Женя поднялась рано и набрала знакомый номер. К телефону подошла Гестаповка. Как Женя ни готовилась к этому морально, ее все равно прошиб пот.

– Ирма Гавриловна? – спросила она слегка дрогнувшим голосом.

– Это вы, Евгения! – явственно ахнула та. – Что это вы себе позволяете? Георгий Николаевич из-за вас...

– Позовите, пожалуйста, его к телефону.

– Не знаю, свободен ли он, – мстительно сказала экономка. – Погляжу, но не уверена.

Она со стуком положила трубку на столик, который Женя тут же представила себе зрительно, и удалилась. По стуку ее каблучков Женя поняла, что она не очень-то торопится.

– Женя! – раздался через некоторое время взволнованный голос Ярославского. – Почему ты до сих пор не дома? Я ждал тебя еще вчера! Как ты могла убежать, не поговорив со мной? Как тебе вообще пришла в голову мысль убежать?

– Дядя Георгий, – перебила его Женя. – Я действительно хотела бы встретиться и все тебе объяснить. Не мог бы ты прислать за мной Костю Карпенко? А то из-за всех этих событий мне как-то не по себе. Не хотелось бы ехать одной.

– М-м... – сказал Ярославский. – Кости сейчас нет в Москве. Он прорабатывает одну линию... Я сам за тобой приеду. Можешь пока собираться.

– Нет, дядя Георгий, не надо! – испугалась Женя.

Если за ней действительно кто-то охотится, то дядя рядом с ней тоже будет в опасности.

– А Костя давно уехал?

– Сегодня рано утром.

– На машине?

– Да.

– На своей?

– Ну конечно. А почему он тебя так интересуется?

– Просто... Просто... Мне хотелось бы с ним поговорить.

Знаешь что, дядя Георгий, я приеду к тебе завтра, – решила Женя. – Или послезавтра. Кстати, не мог бы ты оказать мне одну услугу?

– Говори, – приказал Ярославский.

– Вторая машина Яна, тот темно-синий «Опель»... Мне кажется, я вчера случайно видела его на улице, и он попал в маленькую, просто крошечную аварию. Зацепил дерево и, как мне кажется, поцарапал бок.

– Но сейчас на «Опеле» никто не ездит!

– Я тоже удивилась!

– Да ты, наверное, перепутала!

– Может, и перепутала. Но для спокойствия не мог бы ты посмотреть, есть там какие-то повреждения? Для меня это важно. Я тебе потом объясню. Пожалуйста, дядя Георгий!

– Подожди у телефона! – велел Ярославский. – Я прямо сейчас и посмотрю. Зачем откладывать?

Он положил трубку и поспешно удалился. Женя на своем стуле приплясывала от нетерпения. Когда дядя вернулся, голос его был совершенно другим.

– Что это значит, Женя? Это имеет какое-то отношение к исчезновению Яна?

– Нет же, нет, – соврала Женя. – А что там с «Опелем»?

– С левой стороны на машине действительно есть вмяти-

на. Расскажи толком, что случилось? И кто был за рулем?

«Я бы и сама очень хотела это знать», – подумала Женя.

– Дядечка, я не знаю, кто был за рулем. И почему «Опель» без хозяина ездил по городу, тоже не знаю.

Она клятвенно пообещала дяде в скором времени возвратиться домой. Умоляла его не волноваться и простить ее за поспешное бегство.

– Причины не жить дома больше не существует, Евгения! – сказал напоследок Ярославский. – Пленку у шантажиста отобрали и уничтожили. И... И, кроме того, у меня больше никого не осталось. Я... Я скучаю без тебя.

– Я тоже очень скучаю!

Женя положила трубку и расплакалась. Может быть, она сама виновата в том, что жила в доме дяди как бедная родственница? А всего-то надо было вести себя по-другому. Не только ждать проявления любви от дяди и кузена, но и самой проявлять любовь? Впрочем, не все еще потеряно.

Конечно, рассвет, загоравшийся в Женином сердце, чертовски омрачала пропажа Яна. Если Ян не отыщется, живой и здоровый, в их с дядей проявившейся симпатии друг к другу навсегда останется горечь.

* * *

– Ты когда-нибудь носил траур? – спросила Женя, глядя, как Лаптев натягивает тренировочные штаны.

– Не носил. Хотя мой единственный родственник, дядя, уже умер. Осталась только тетка Ксения в Туле, а она жива и невредима. Ну, не родная тетка. Бывшая дядина жена. Он с ней развелся незадолго до смерти. Поэтому квартира досталась мне. Думаю, тетка Ксения дяде этой подлости до сих пор так и не простила. Кстати, почему ты заговорила о трауре?

– Нам надо одеться во все черное. Я и подумала, хватит ли у тебя вещей подходящего цвета. На двоих.

– Зачем нам одеваться в черное? Этот дурацкий супермаркет отлично освещен. И во что бы мы ни вырядились, нас все равно будет видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.